

И. Я. БЕДНЯК

ЯПОНИЯ

В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ИМПЕРИАЛИЗМУ

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
· ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И. Я. БЕДНЯК

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ИМПЕРИАЛИЗМУ

(СТАНОВЛЕНИЕ ЯПОНСКОГО МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962

Ответственный редактор
Б. Г. Сапожников

*Памяти
моего дорогого учителя
Александра Львовича Гальперина*

ВВЕДЕНИЕ

Конец XIX—начало XX в. чрезвычайно важный период в истории Японии. Как во внутренней политике, так и во внешней это время насыщено важнейшими событиями, характеризующими вступление страны в новую фазу развития. Именно тогда (конец 90-х годов XIX в.—первые годы XX в.) быстро окрепший японский капитализм начал стремительно перерастать в империализм.

Вопросу о переходе японского капитализма в империалистическую фазу развития и неразрывно с ним связанным процессам политического характера и посвящается настоящая работа. Автор ставил своей целью показать, что именно этот период стал основным, переломным на пути перерастания японского капитализма в монополистический капитализм, что именно в эти годы в экономике и политике страны уже достаточно отчетливо обозначились империалистические черты. Руководствуясь ленинской теорией империализма, ленинской характеристикой основных признаков империализма, автор пытается показать завоевание японским монополистическим капиталом командных позиций в хозяйственной жизни страны на рубеже XIX—XX в., образование финансового капитала, сращивание его с государственным аппаратом и огромное влияние в политической жизни страны, показать усиление реакционных тенденций во внутренней и внешней политике. Наряду с выяснением того общего, что роднит Японию в рассматриваемый период с другими странами на раннем этапе развития империализма, в работе делается также попытка по мере возможности показать те характерные, специфические черты, которые были присущи японскому

империализму и позволяли говорить о его военно-феодалном характере.

Основные хронологические рамки работы — вторая половина 90-х годов XIX в. — первые годы XX в., но при рассмотрении ряда вопросов оказалось необходимым в ряде случаев коснуться 80-х и даже 70-х годов XIX в.

В советской японоведческой литературе отсутствует специальная работа по проблеме перехода японского капитализма в империализм. В некоторых общих работах по истории Японии¹, а также в монографиях, посвященных отдельным периодам и проблемам развития страны², советские историки и экономисты отмечали, что развитие Японии на рубеже XIX—XX вв. характеризуется началом быстрого перерастания капитализма в монополистический капитализм со всеми вытекающими отсюда последствиями политического характера.

Однако, справедливо указывая на происходившие в этот период в стране процессы образования крупнокапиталистических монополий, сращивания банкового капитала с промышленным, формирования финансового капитала и отмечая его возросшую роль в политической жизни страны, авторы этих работ в то же время не опирались в своих выводах по рассматриваемому вопросу на достаточно убедительный фактический материал экономического и исторического характера. Отсюда возникает, на наш взгляд, известная уязвимость правильной трактовки советскими японоведами данного периода и тех важнейших явлений, которые ему сопутствовали.

Проблема перерастания японского капитализма в империализм затрагивается в очень многих работах японских историков и экономистов, а в последние годы была даже вынесена на широкое обсуждение³. Однако

¹ См.: Е. Жуков, *История Японии*, М., 1939; Х. Эйдуз, *Очерки новой и новейшей истории Японии*, М., 1955, и др.

² См.: А. Гальперин, *Англо-японский союз 1902—1921*, М., 1947; Я. А. Певзнер, *Монополистический капитал Японии («Дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны*, М.—Л., 1950; А. Добров, *Политика США в годы русско-японской войны*, М., 1952.

³ В 1956 г. вопрос о периодизации японского империализма явился предметом специального обсуждения на годовичном съезде японского «Общества изучения истории», крупнейшего в стране объединения прогрессивных историков. В продолжение дискуссии в последующие годы этот вопрос поднимался в ряде статей и сообщений, опубликованных в японских журналах.

до сих пор у японских ученых нет единой точки зрения по вопросу о том, к какому периоду следует относить начало вступления Японии на путь империалистического развития. (Автор имеет в виду взгляды лишь тех японских историков и экономистов, которые стоят на прогрессивных позициях и стремятся в своих исследованиях опираться на марксистско-ленинскую методологию.) Одни считают, что появление признаков перехода японского капитализма в монополистический капитализм относится ко времени после японо-китайской войны 1894—1895 гг., по мнению других,— к периоду после русско-японской войны 1904—1905 гг., а по мнению третьих,— ко времени первой мировой войны и даже после нее. Наиболее распространенным является мнение, что начало перерастания японского капитализма в империализм относится ко времени после русско-японской войны 1904—1905 гг. При рассмотрении данного вопроса имеется также тенденция вместо конкретного, более или менее всестороннего изучения основных, экономических, а также политических процессов, которые позволили бы судить о фазе развития японского капитализма на данном этапе, свести его к установлению весьма определенной даты, связав с каким-либо отдельным историческим событием (например, заключение англо-японского союза в 1902 г., победа в русско-японской войне, национализация железных дорог в 1907 г. и т. п.).

Совершенно очевидно, что нельзя определять время перехода японского, как и всякого другого капитализма, на стадию империализма, не затрагивая вопроса о том, сложились ли в достаточной мере в рассматриваемый период промышленные и банковые монополии, происходило ли образование финансового капитала и его сращивание с государственной властью, существовал ли экспорт капитала и т. п. Без изучения и уяснения этих основных вопросов признание или непризнание перехода той или иной страны на путь империалистического развития будет формальным.

Помимо основных, как подчеркивал В. И. Ленин, чисто экономических понятий, определяющих перерастание капитализма в капиталистический империализм, существуют также характерные политические явления, присущие указанному переходному периоду. Отличи-

тельной чертой процесса превращения капитализма в империализм в политическом отношении является усиление реакции по всей линии как во внутренней, так и во внешней политике страны. «Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках...»⁴. — указывал В. И. Ленин. Подчеркивая, что самой глубокой экономической основой империализма является монополия, и приводя обширный фактический материал, позволяющий судить, до какой степени развился промышленный и банковый капитал и как далеко зашел процесс их сращивания и образования финансового капитала и финансовой олигархии и т. п., В. И. Ленин в то же время отмечал, что было бы нелепо при этом указывать дату, сроки окончательного установления империализма, что необходимо подходить к изучению этого явления, как к процессу.

Именно это обстоятельство, на наш взгляд, недостаточно принимается во внимание некоторыми прогрессивными японскими исследователями. Многие из них, отмечая решающее значение при изучении данного вопроса экономических признаков, стремятся в то же время найти эти признаки в «чистом», «окончательном» виде и только при этих условиях признают начало перерастания японского капитализма в монополистический капитализм.

Империалистическая фаза капитализма не наступает вдруг, в какой-то определенный, короткий промежуток времени. Черты империалистической экономики подготавливаются и развиваются еще в период господства в стране промышленного капитализма и на основе всех тех исторических особенностей, которые свойственны этому периоду. В связи с неравномерностью развития капитализма вообще признаки перехода его в империализм не во всех странах были выражены в одинаковой мере. Общее отставание Японии в промышленном развитии привело к тому, что в конце XIX в., несмотря на очень быстрые темпы роста, японский капитализм в целом по сравнению с передовыми западно-

---

⁴ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 283.

европейскими странами представлял собой более отсталую в социально-экономическом отношении систему. Поэтому естественно, что в Японии не все признаки перерастания капитализма в капиталистический империализм были достаточно развиты и ярко выражены.

В. И. Ленин отмечал три основных этапа в развитии монополистических объединений стран Запада: «... 1) 1860-ые и 1870-ые годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм»⁵. Позднее вступление на путь развития капитализма, а также общее отставание в промышленном развитии привели к тому, что первые два этапа в формировании монополий, выявленные В. И. Лениным для западноевропейских стран, были пройдены Японией с запозданием. Монополистические объединения в Японии начинают зарождаться лишь в 80-е годы. Широкая полоса развития монополий, начавшаяся на Западе после кризиса 1873 г., имела место в Японии лишь в 90-е годы, преимущественно со второй половины 90-х годов. Вместе с тем по сравнению с западноевропейскими странами эти два этапа Япония прошла в более сжатые сроки. Это объяснялось известной спецификой исторических условий, в которых происходило формирование и развитие японского капитализма. Наряду с общим усилением неравномерности развития капитализма немаловажную роль сыграли своеобразие происхождения значительной части японского монополистического капитала, выросшего на базе старых, феодальных по своему происхождению, богатых торгово-ростовщических домов, широкая покровительственная политика государства, возможность заимствования технического и организационного опыта передовых промышленных стран, а также ряд других внутренних и внешнеполитических обстоятельств.

Экономический кризис 1900 г. сыграл почти столь же решающую роль в Японии, как и в странах Евро-

---

⁵ Там же, стр. 190.

пы. В первые годы XX в., уже до начала русско-японской войны, монополистические объединения заняли ключевые позиции в важнейших отраслях японской экономики.

В то же время это не был еще окончательный переход японского капитализма в империализм. В. И. Ленин указывал: «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1899—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900-го года — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»⁶. Несомненно, что экономические, а также политические процессы, характеризующие окончательное вступление японского капитализма в империализм, определились с полной очевидностью к 1914 г. Однако в первые годы XX в. (еще до русско-японской войны) эти процессы уже достаточно выявились, чтобы можно было говорить о развитии японского капитализма по монополистическому пути. Называя русско-японскую войну одной из важнейших вех на пути формирования мирового империализма и неоднократно подчеркивая ее грабительский, империалистический характер, В. И. Ленин тем самым характеризовал и направление, в котором шло развитие стран, затеявших эту войну, — Японии и царской России. В этой связи мы не можем согласиться с теми японскими учеными, которые утверждают, что говорить всерьез о развитии японского капитализма по монополистическому пути можно лишь после русско-японской войны, и относят выявление этих процессов либо к 1906—1907 гг., либо к 1914 г. и даже позже.

Подводя некоторые итоги дискуссии о характере русско-японской войны 1904—1905 гг. и этапе развития японского капитализма, развернувшейся в Японии в 1956—1957 гг., журнал японского «Общества изучения истории» («Рэкисигаку кэнкю») в разделе «Успехи и задачи исторической науки» прямо отмечает: «Можно сказать, что выискивание империалистических признаков в японском капитализме, который, строго говоря, не был

---

⁶ В. И. Ленин, *Империализм и раскол социализма*, — Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 95.

еще на стадии монополистического развития (имеется в виду период до русско-японской войны.— И. Б.), до сих пор не принесло каких-либо успешных результатов»⁷. Эта мысль в том или ином виде выражена в работах многих японских ученых. Следует отметить при этом, что весьма часто она не подкрепляется сколько-нибудь убедительной аргументацией. В тех случаях, когда сторонники указанной точки зрения обращаются к конкретным цифрам и фактам, эти цифры и факты приходят в противоречие с их взглядами в этом вопросе. Наиболее показательной в этом отношении является, на наш взгляд, коллективная работа Кадзиниси Мицухая, Като Тосихико, Осима Киёси и Оути Цутому «Развитие японского капитализма»⁸, содержащая довольно большой и интересный фактический материал.

Эти авторы, рассматривая, например, положение в прядильной промышленности страны, утверждают, что решающее значение монополии в этой отрасли приобрели лишь к 1913 г. В подтверждение своих взглядов Кадзиниси и его соавторы приводят данные, характеризующие монопольные позиции, которые заняли к 1913 г. семь крупнейших прядильных компаний (из 44 входивших в картель «Босэки рэнгокай») ⁹. В 1913 г. на эти семь компаний, как совершенно справедливо указывают авторы, приходилось 57,7% всего оплаченного капитала компаний, входивших в «Босэки рэнгокай», и 58,7% общего количества веретен. Данные, несомненно, убедительные, однако если сравнить их с теми, что характеризуют положение в прядильной промышленности в 1903 г., сколько-нибудь резкой разницы не получится. В конце 1903 г. на восемь крупнейших прядильных компаний (из 51 входившей в то время в «Босэки рэнгокай») приходилось 49,5% всего оплаченного капитала и 51,6% общего количества веретен. При таком соотношении данных нельзя всерьез говорить о том, что в 1913 г. монополии в прядильной промышленности играли решающую роль, а в 1903 г.— нет. Для создания полноты картины авторам следовало бы не ограничиваться толь-

⁷ «Рекисигаку кэнкю», 1958, № 221, стр. 21.

⁸ Кадзиниси Мицухая, Като Тосихико, Осима Киёси, Оути Цутому, *Нихон сихонсюги-но хаттэн*, Токио, 1957, т. I—II—далее — «Развитие японского капитализма».

⁹ Там же, т. II, стр. 263.

ко цифрами за 1913 г., а привести в своей работе материалы, характеризующие положение в этой отрасли в более ранние годы, в частности в 1903 г.

Не приводя почти никаких фактов и скорее вопреки им, Кадзиниси, Като и другие авторы работы утверждают, что лишь после русско-японской войны можно говорить о монополии в бумажной и льняной промышленности, лишь к 1914 г. — в угольной и т. п.¹⁰ При столкновении с конкретными цифрами и материалами эти утверждения оказываются не более «убедительными», чем в случае с прядильной отраслью промышленности.

С решением вопроса о времени перерастания японского капитализма в монополистический капитализм теснейшим образом связана оценка характера русско-японской войны 1904—1905 гг.

Расходясь в оценке этапа развития японского капитализма в рассматриваемый период, абсолютное большинство прогрессивных японских ученых в то же время рассматривают русско-японскую войну 1904—1905 гг. как империалистическую. Империалистической называют ее и те японские ученые, которые считают, что ко времени русско-японской войны еще нельзя говорить о развитии японского капитализма по монополистическому пути. В своей оценке русско-японской войны как войны империалистической эти исследователи основывались главным образом на обстоятельствах внешнеполитического характера, по существу не связывая эту оценку с вопросом об этапе развития японского капитализма.

Подобный взгляд отчетливо выражен, например, в уже упоминавшейся работе Кадзиниси Мицухая и соавторов. Признавая русско-японскую войну империалистической, они в то же время указывают, что империалистический характер был придан ей международной обстановкой, определявшейся сменой капитализма империализмом. Что же касается непосредственно японской действительности, то Кадзиниси и его соавторы пишут следующее: «Если говорить о самой Японии, то, судя по условиям, которые существовали в стране до начала войны, у нее не было оснований вести империалистическую войну. Только в результате войны с Россией,

---

¹⁰ Там же, стр. 254, 273 и др.

получив особые права в Маньчжурии и Монголии, Япония смогла развивать империалистическую по своей сущности политику»¹¹.

Приведенная аргументация империалистического характера русско-японской войны в том или ином виде свойственна большинству работ японских авторов, считающих, что до русско-японской войны говорить о монополистической фазе развития японского капитализма невозможно. О том, что русско-японская война и политика Японии рассматриваемого периода были империалистическими только в силу специфики международной обстановки, еще более отчетливо пишет, например, Такахаси Макото, автор историко-экономических работ о периоде Мэйдзи-Тайсё (1868—1925). Отмечая, что вступление Японии в империалистическую фазу развития, судя по данным о формировании японского финансового капитала, можно было бы датировать лишь периодом после первой мировой войны, Такахаси в то же время не возражает против оценки русско-японской войны как империалистической. Обосновывая эту точку зрения, он пишет: «В том случае, если мировой капитализм уже достиг в своем развитии империалистической стадии, даже те страны, в которых монополистический капитал еще не сформировался, неизбежно сами вынуждены прибегать к империалистическим действиям, чтобы иметь возможность существовать бок о бок с империалистическими державами. Когда же проявляются подобного рода империалистические действия, то страну можно считать империалистической даже в том случае, если монополии еще и не сложились»¹².

Попытки аргументировать империалистический характер русско-японской войны спецификой международной обстановки того времени весьма далеки от ленинского понимания империализма и того, чем, в частности, определяется характер той или иной войны. В. И. Ленин подчеркивал, что при определении классового характера войны следует исходить не из дипломатической истории войны, а из объективного положения господствующих классов во всех воюющих державах, кото-

---

¹¹ Там же, стр. 213.

¹² Такахаси Макото, *Значение финансовых мероприятий в период «послевоенного развития экономики» после японо-китайской войны*, — «Кэйдзай сириэн», 1955, т. 23, № 1, стр. 86—88.

рое в свою очередь определяется совокупностью данных об основах хозяйственной жизни воюющих сторон¹³. Для оценки классовой сущности русско-японской войны первостепенное значение имеет выяснение таких важнейших вопросов, как период перерастания японского (равно как и русского) капитализма в монополистический капитализм, особенности японского империализма как военно-феодального и т. п.

Советская историография рассматривает русско-японскую войну 1904—1905 гг. как империалистическую, грабительскую с обеих сторон, связанную с формированием в воюющих державах финансового капитала и перерастанием на рубеже XIX—XX вв. капитализма в империализм. Ко времени русско-японской войны процессы образования крупнокапиталистических монополий, происходившие на базе усиленной концентрации производства и капитала, сращивания банкового капитала с промышленным и образования, таким образом, финансового капитала и его сращивания в свою очередь с государственной властью получили широкое развитие и в Японии. И именно этим, а не спецификой международной обстановки, и определялся империалистический, грабительский характер русско-японской войны.

---

¹³ См. В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, Предисловие к французскому и немецкому изданиям, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 178.

Глава I

НАЧАЛО ПЕРЕРАСТАНИЯ ЯПОНСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ИМПЕРИАЛИЗМ

Промышленный подъем в Японии после японо-китайской войны 1894—1895 гг.

После японо-китайской войны 1894—1895 гг. Япония вступила в полосу весьма бурного экономического подъема. С 1894 по 1898 г. общая сумма капитала, инвестированного в народное хозяйство страны, увеличилась в два с половиной (с 249,8 млн. иен до 621,7 млн. иен), а за десятилетие (1894—1903) — более чем в три с половиной раза (до 887,6 млн. иен). Особенно быстрый рост капиталовложений наблюдался в промышленности и транспорте. С 1894 по 1898 г. инвестиции в промышленность выросли почти в три раза, а за 1894—1903 гг. — почти в четыре раза, составив 170,3 млн. иен. Число промышленных предприятий за этот же период увеличилось на 38% — с 5985 до 8274, а банков — с 761 в 1894 г. до 1806 в 1898 г. и 2308 в 1903 г. Капитал их соответственно вырос с 54 млн. иен до 350 млн. иен в 1898 г. и 530 млн. иен в 1903 г. Резко возросли вклады.

Ведущей отраслью японской промышленности по-прежнему оставалась текстильная, особенно стремительно развивалась прядильная промышленность. Приводимые на стр. 14 данные дают представление о росте хлопкопрядильной промышленности в 1894—1903 гг.¹

Быстрыми темпами развивались также ткачество, шелкомотальное производство и другие отрасли. Уровень

---

¹ По данным справочника: «Нихон кэйдзай токэй сокан», Осака, 1930, стр. 741, 742 — далее — «Статистический обзор экономики Японии» (яп.).

производства ткацкой промышленности с 1894 по 1898 г. увеличился более чем в два раза.

	1894 г.	1899 г.	1903 г.
Число предприятий	45	83	76
Количество веретен, тыс.	530	1 189	1 381
Число рабочих	35 151	73 985	73 631
Производство пряжи, тыс. кип.	292	757	802
Импорт, тыс. кип.	53	27	3
Экспорт, тыс. кип.	11	341	307

Наряду с текстильной промышленностью ускорилось развитие горнорудной промышленности: выросла добыча угля, железной руды, нефти и прочих полезных ископаемых.

О быстрых темпах развития японской экономики в 1893—1903 гг. отчетливое представление дают следующие цифры²:

	1893 г.	1903 г.	Процент увеличения
Оплаченный капитал всех компаний, млн. иен	249,8	887,6	355
Банк вские вклады, млн. иен	111,4	751,4	674
Протяженность жел. дорог, ри ³	1925	4485	233
Суда, построенные в Японии, тыс. т	202	979	485
Добыча угля, тыс. т	3317	9929	299
Хлопчатобумажная пряжа, тыс. кип	214	801	374
Объем торговли, млн. иен	177,9	606,6	349

Следует отметить, что особенно стремительными темпами японская промышленность развивалась в первые годы после японо-китайской войны. Позднее, в связи с кризисами 1897—1898 гг. и 1900—1902 гг., наблюдалось известное замедление темпов развития (см. данные на стр. 13). В частности, задержка роста и снижение темпов развития имели место в хлопкопрядильной промышленности, в судостроении, железнодорожном строительстве. За период с 1899 по 1901 г. производство хлопчатобумажной пряжи (в тыс. кип) снижается с 757 до 601, ежегодный прирост железнодорожных линий сокращает-

² См. «Статистический обзор экономики Японии», стр. 681 (яп.). Приводимые данные взяты в книге: Маэсима Сёдзо, *Нихон сэй-то сэйдзи-но ситэки бунсэки* — *Киндай нихон-но кэйсэй то мин сэн-со*, Киото, 1954, стр. 160 — далее — Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии* (яп.).

³ 1 ри = 3,93 км.

ся с 350 до 275 км. В судостроении кризис достиг кульминации в 1902 г., когда тоннаж спущенных судов (в тыс. регистр. тонн брутто) сокращается с 37 в 1901 г. до 27⁴.

Несмотря на то что легкая промышленность, и в особенности текстильная, продолжала оставаться преобладающей, после японо-китайской войны главное внимание уделялось развитию тяжелой индустрии, преимущественно металлургии и машиностроению, которым правительство оказывало значительную поддержку.

С 1896 по 1904 г. японское правительство затратило на металлургическую промышленность огромную по тем временам сумму — более 19 млн. иен⁵. В 1897 г. было начато сооружение крупнейшего в стране государственного металлургического комбината в г. Явата, первая очередь которого была введена в строй в феврале 1901 г. Годовая мощность этого комбината достигала 90 тыс. т металла, что составляло 53% всего производимого в стране чугуна и 82% стали⁶.

Частные металлургические предприятия оставались еще незначительными как по размерам, так и по выплавке, несмотря на активную покровительственную политику правительства (щедрые субсидии и т. п.).

В 1901—1905 гг. японская металлургия удовлетворяла внутренние потребности страны в чугуне лишь на 60, а в стали — на 40%⁷. Недостающее количество металла покрывалось за счет импорта.

Наиболее развитой отраслью машиностроения было судостроение, которому правящие круги Японии также уделяли огромное внимание. С одной стороны, это объяснялось островным положением страны, а с другой — планами подготовки к будущей войне. После японо-китайской войны число судостроительных предприятий значительно увеличилось (в 1897 г. их было 81, в 1900 — 153, в 1903 — 200). Крупнейшие из них — предприятие Мицубиси в Нагасаки (более 5 тыс. рабо-

---

⁴ См. «Мировые экономические кризисы. 1848—1935». Под общ. ред. Е. Варга, М., 1937, стр. 274—275, табл. 25.

⁵ «Кэйдай синрин», т. 23, 1955, № 1, стр. 102.

⁶ «Нихон рэкиси кодза. Нихон си кэнкюкай. Рэкисигаку кэнкюкайхэн», т. 5, Токио, стр. 190 — далее — «История Японии» (яп.).

⁷ Като Тосихико, *Хомпо гинко сирон*, Токио, 1957, стр. 106 — далее — Като Тосихико, *История японских банков* (яп.).

чих), судостроительные верфи Кавасаки (2135 рабочих), доки Урага, Исикавадзима и др.⁸.

Правительство проводило в судостроении, как и в металлургии, активную покровительственную политику: с 1896 по 1903 г. предоставило частным судостроительным компаниям субсидий на сумму более 1,6 млн. иен⁹. Тоннаж судов, построенных в самой Японии, как уже отмечалось, значительно увеличился, однако японские верфи не могли еще строить больших кораблей. Исключение составляли лишь судостроительные заводы Мицубиси в Нагасаки, где сооружались суда водоизмещением до 6 тыс. т¹⁰. Наиболее крупные корабли Япония продолжала строить на иностранных верфях. За десятилетие (1896—1905) число судов торгового флота (по тоннажу), построенных в самой Японии и закупленных за границей, находилось в соотношении 31 : 69¹¹.

В 1896 г. началось сооружение паровозо- и вагоностроительных заводов в Осака и Нагоя, в 1897 г. был введен в эксплуатацию завод горного машиностроения в Фукуока и ряд других предприятий тяжелой индустрии, в частности предприятия, производящие токарные станки, электродвигатели и т. п.

К 1904 г. в стране насчитывалось уже 560 машиностроительных заводов, 1153 химических, 322 предприятия газовой и электропромышленности и пр.¹².

Сразу же после войны с Китаем правящие круги Японии взяли курс на подготовку новой агрессии с целью расширения колониальных владений на азиатском материке. В связи с этим уже тогда развитие японской промышленности начало приобретать односторонний характер. Военные отрасли постепенно стали занимать ведущее место в тяжелой промышленности. Военные заводы и арсеналы в 1900 г. составляли 40% всех государственных предприятий. На них было сосредоточено 54% рабочих, занятых на государственных пред-

⁸ Маэсима Сёдзо, *Тидзэй дзотефа о мэгуру кайкю тайрицу*, ч. II, стр. 29 — далее — Маэсима Сёдзо, *Классовые столкновения вокруг закона о повышении земельного налога* (яп.).

⁹ S. Ugehara, *The industry and trade of Japan*, London, 1926, p. 235.

¹⁰ Ibid., p. 226.

¹¹ «Нихон сихонсюги-но хаттэн», т. II, Токио, 1957, стр. 255—256 — далее — «Развитие японского капитализма».

¹² «Статистический обзор экономики Японии», стр. 722 (яп.).

приятнях, и 74% двигателей в пересчете на лошадиные силы¹³. О темпах роста военных отраслей промышленности можно судить по тому, что с 1893 по 1906 г. число рабочих, занятых в военных и военно-морских арсеналах, увеличилось с 13 416 до 127 915, а мощность двигателей в лошадиных силах возросла с 3038 до 128 800¹⁴.

Усиленная милитаризация страны — перевооружение армии и флота, повышение уровня военной техники, огромное расширение старых и создание новых военных предприятий — проводилась под прикрытием так называемой послевоенной программы развития хозяйства, которая была принята японским правительством вскоре после 1895 г.

«Послевоенная программа» была рассчитана на десять лет (1896—1905) и предусматривала создание ряда отраслей тяжелой, главным образом военной, промышленности, реорганизацию и расширение вооруженных сил. На осуществление этих целей затрачивались огромные средства, в результате чего программа была выполнена в основном досрочно. Гонка вооружений составляла сущность политики поддержания «вооруженного мира», как охарактеризовал послевоенный период министр финансов Японии Мацуката Масаёси. Военные расходы покрывались за счет резко возросших налоговых поступлений, а также за счет контрибуции (368 249 тыс. иен), полученной с Китая, 90% которой были использованы для подготовки агрессии¹⁵. Эта сумма распределялась следующим образом (в иенах):

На расширение армии и флота	196 058 025
из них—на армию	56 798 638
на флот	139 259 387
На создание металлургических предприятий	579 722
Чрезвычайные военные расходы	78 957 164
Чрезвычайные военные расходы на транспорт и связь	3 214 484
На содействие производству торпедных катеров и военных кораблей	30 000 000
Расходы, связанные с захватом о. Тайвань	12 000 000

¹³ Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 116 (яп.).

¹⁴ Ямада Моритаро, *Кодзё кодзё-но хаттацу*, Токио, 1932, стр. 25 — далее — Ямада Моритаро, *Развитие фабрично-заводской промышленности* (яп.).

¹⁵ Кадзахая Ясодзи, *Дзайсэй си*, Токио, 1933, стр. 38 — далее — Кадзахая Ясодзи, *История финансов* (яп.).

Промышленный подъем, наблюдавшийся в стране после 1895 г., был прерван финансовым, а далее экономическим кризисами 1897—1898 и 1900—1902 гг., после чего японская промышленность так и не могла выйти из состояния весьма глубокой депрессии вплоть до войны с Россией. Наряду с другими это обстоятельство также подтолкнуло Японию к скорейшему открытию военных действий против России.

Кризисы, в особенности экономический кризис 1900—1902 гг., способствовали более быстрому развитию и более яркому проявлению тех качественных изменений, которые свидетельствовали о начале перехода японского капитализма в империализм и которые до этого вызревали в японской экономике подспудно.

Концентрация производства и развитие монополий в японской промышленности

Бурные темпы развития промышленности Японии, наблюдавшиеся после японо-китайской войны, сопровождались отчетливо выраженной концентрацией производства.

Согласно данным промышленной переписи 1899 г.¹⁶, в Японии (в 1899 г.) из общего числа предприятий (6551) лишь 104, или 1,6%, насчитывали более чем по 500 рабочих. Всего же на этих предприятиях было занято 127 016 рабочих, т. е. около одной трети всех рабочих, учитываемых в то время официальной фабрично-заводской статистикой. В 1900 г. из 3381 предприятия, где использовались механические двигатели, 535 имели свыше чем по 100 рабочих, в том числе 73 предприятия насчитывали более чем по 500 и 35 — более чем по тысяче рабочих¹⁷.

Однако, как указывал В. И. Ленин, «концентрация производства гораздо сильнее, чем концентрация рабочих, потому что труд в крупных заведениях гораздо про-

---

¹⁶ Окадзаки Сабуро, *Нихон сихонсюги-но хаттэн данкай*, Токио, 1954, стр. 64 — далее — Окадзаки Сабуро, *Этапы развития капитализма в Японии* (яп.).

¹⁷ «Japan in the beginning of the XX-th century», compiled by the Department of agriculture and commerce, Tokyo, 1904, pp. 406—407.

изводительнее. На это указывают данные о паровых машинах и об электрических двигателях¹⁸. В Японии в 1900 г., например, от общего числа предприятий, применявших механические двигатели, 73 предприятия с числом рабочих от 500 до тысячи каждое составляли 2,1%. В то же время на долю этих крупных предприятий приходилось 33,5% мощности всех механических двигателей, используемых в стране. В текстильной промышленности доля предприятий, насчитывавших от 500 до тысячи рабочих, равнялась в том же году 1,9% (46 из 2392) и на них приходилось 56% мощности двигателей, применяемых во всей текстильной промышленности. В машиностроении предприятия, имевшие от 500 до тысячи рабочих, составляли 3,5%, однако на этих заводах использовалось до 32% мощности всех механических двигателей, занятых в машиностроении¹⁹.

О весьма быстрых темпах концентрации производства, происходившей в рассматриваемый период, дают также представление следующие данные. В цементной промышленности в 1896 г. имелось 241 предприятие с механическими двигателями общей мощностью 1099 л. с.; в 1899 г. насчитывалось лишь 29 предприятий, в то время как общая мощность механических двигателей на них увеличилась до 1825 л. с.²⁰ В хлопкопрядильной промышленности в 1899 г. существовало 83 предприятия с 1189 тыс. веретен. Производили эти предприятия 757 тыс. кип. В 1903 г. число прядильных предприятий сократилось до 76, одновременно число веретен и уровень промышленной продукции увеличились соответственно до 1381 тыс. и 802 тыс. кип²¹.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что концентрация производства в Японии на рубеже XIX—XX вв. достигла весьма значительного уровня. Об этом можно говорить, несмотря на то что японская статистика того времени не выделяла еще предприятия по величине стоимости годового продукта. Вместе с тем следует отметить, что число мелких и мельчайших пред-

---

¹⁸ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 184.

¹⁹ «Japan in the beginning of the XX-th century», р. 406—407 (расчеты мои. — И. Б.).

²⁰ Г. Экштейн, *Рабочее движение в Японии*, СПб., 1905, стр. 28.

²¹ «История Японии», стр. 186 (яп.).

приятий в Японии было чрезвычайно велико (до 1909 г. японская официальная статистика учитывала только предприятия с числом рабочих более 10), а крупные предприятия даже после первой мировой войны не играли еще абсолютно преобладающей роли в общем объеме промышленного производства страны. Роль мелких предприятий продолжала оставаться значительной.

Это, несомненно, снижало общий уровень концентрации японской промышленности.

Низкий уровень концентрации производства по сравнению с западноевропейскими капиталистическими державами долгие годы продолжал оставаться характерным явлением для Японии, представляя резкий контраст развитию концентрации капитала в стране.

Процесс концентрации производства на крупных предприятиях сдерживался также тем, что крупный японский капитал, умножая свои прибыли, встал на путь всемерного использования остатков феодальных отношений. Наиболее ярким примером того, как феодальные пережитки в экономике страны тормозили развитие современной фабрично-заводской промышленности, может служить шелкомотальная отрасль. После японо-китайской войны крупнейшие предприниматели этой отрасли, такие, как Мицуи, Катакура и другие, расширяют старые и строят новые шелкомотальни весьма больших размеров. В 1896—1897 гг. они вводят в строй шелкомотальные фабрики, имевшие от 300 до 400 котлов («Окагая сэйси», «Корикорэ сэйси» и др.), в то время как вплоть до русско-японской войны в стране на одну шелкомотальную фабрику приходилось в среднем не более 59 котлов²². Однако уже вскоре они убедились в том, что использование дорогостоящих машин было менее выгодно, чем применение дешевого труда сельского населения, к чему прибегали предприниматели средней руки из числа местной буржуазии. Тогда Мицуи и другие капиталисты, используя непосредственную связь местной буржуазии с деревней, предоставили этой буржуазии возможность за бесценок, феодальным способом предельно эксплуатировать труд крестьян.

---

²² Иноуэ Кйёси, *Нихон-но гункокусюги*, т. II, Токио, 1953, стр. 211—212 — далее — Иноуэ Кйёси, *Японский милитаризм* (яп.).

Нищенское положение японской деревни приводило к тому, что огромное число крестьянских хозяйств не могло существовать без подсобных заработков. Выращивание тутовых деревьев и производство шелковичных коконов (наряду с другими процессами шелководства) стало для крестьянской семьи важнейшим подсобным занятием с целью приобретения необходимых средств к существованию. Занимаясь производством жокон, крестьяне становились поставщиками сырья для шелкомотальной промышленности. Это была крестьянская работа на дому за крайне низкую оплату. Скупщиком сырья у крестьян выступала обычно местная буржуазия, самым непосредственным образом связанная с деревней.

В то же время, поскольку владельцы крупных предприятий, как правило, одновременно являлись могущественными банкирами, они же посредством финансирования, а также при помощи своего сбытового аппарата держали в фактическом подчинении миллионы мелких и мельчайших предприятий. Через финансирование и сбытовой аппарат крупный капитал осуществлял контроль над местной буржуазией в шелкомотальной отрасли. Результаты этого не замедлили сказаться. Если в 1893 г. из общего числа котлов по обработке коконов на долю механизированных приходилось 80%, то после японо-китайской войны они составляли 70, а во время русско-японской войны 60% ²³.

Остатки феодальных отношений в японской деревне, позволявшие нещадно эксплуатировать крестьян и обусловившие предельно низкую заработную плату японских рабочих, задерживали механизацию предприятий, развитие современной фабрично-заводской промышленности, что в свою очередь сдерживало развитие процесса концентрации производства на крупных предприятиях.

Важную роль в превращении японского капитализма в империализм сыграли финансовый кризис 1897—1898 гг. ²⁴ и особенно мировой экономический кризис 1900 г., который стал, как указывал В. И. Ленин, одной

---

²³ Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 212 (яп.).

²⁴ В. И. Ленин указывал, что «кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают тенденцию к концентрации и к монополии» (В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, стр. 197).

из основных вех на пути перерастания старого капитализма в новый, сыграв «роль поворотного пункта в истории новейших монополий»²⁵. В кризисные годы интенсивно шел процесс концентрации и централизации производства и капитала.

Централизация капитала в кризисные годы видна прежде всего на примере текстильной промышленности, где происходил бурный процесс слияния фирм, в основе которого лежало поглощение слабых компаний сильными. Так, в конце 1896 г. «Исэ тую босэки» слилась с «Миэ босэки». «Канэгафути босэки» поглотила в кризисные 1897—1898 гг. ряд прядильных компаний — «Кюсю босэки», «Сибайто босэки» и др. В 1899 г. «Курумэ босэки» и «Кумамото босэки» слились с «Миикэ босэки». В 1900 г. на базе компании «Асахи босэки» образовалась «Осака годо босэки». В 1902 г. «Осака годо босэки» влилась в «Мэйдзи босэки». В том же году «Кюсю босэки» поглотила «Накацу босэки» и «Хаката босэки» и т. д. О централизации капитала непосредственно в годы экономического кризиса дают представление следующие данные: число прядильных фирм с 1900 по 1901 г. сократилось с 79 до 66, в то время как капитал каждой из них вырос в среднем с 430 до 520 тыс. иен²⁶.

Кризис произвел своего рода отбор наиболее мощных капиталистических предприятий, разорив слабые, технически несовершенные. Только в одном 1901 г. было заявлено о крахе 166 предприятий и банков, о наложении временного ареста на имущество — 8634, о распродаже с аукциона — 10 514²⁷. Кризисы ускорили перестройку капиталистической промышленности Японии на новом, более совершенном техническом и организационном уровне, значительно усилив процессы концентрации и монополизации.

Со второй половины 90-х годов XIX в. все более видную роль в хозяйственной жизни страны стали играть

²⁵ Там же.

²⁶ W. A. Clark, *Cotton goods in Japan and their competition in the Manchuria market*, Washington, 1914, p. 40 (расчеты мои.—И. Б.).

Кларк отмечает, в частности, что, по его мнению, 1899—1903 гг. — период наиболее интенсивного слияния фирм в прядильной промышленности; такого процесса в подобной степени не наблюдалось ни до этого времени, ни после.

²⁷ Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 132 (яп.).

крупные капиталистические компании (организованные как замкнутые фамильные фирмы или на акционерных началах), сосредоточившие в своих руках огромные суммы капитала.

По данным японской статистики, в 1896 г. из общей суммы оплаченного капитала компаний (397,5 млн. иен), инвестированного в японское народное хозяйство, 342,3 млн. иен, или 86,2%, концентрировалось в компаниях с капиталом от 100 тыс. иен до 5 млн. иен и выше и лишь 55,2 млн. иен, или 13,8%, концентрировалось в обществах с капиталом менее 100 тыс. иен ²⁸.

В 1903 г. на крупные компании с оплаченным капиталом от 100 тыс. иен и выше приходилось уже 89,1% общей суммы капитала, инвестированного в народное хозяйство страны ²⁹.

Еще более убедительную картину с точки зрения удельного веса крупных компаний дает 1905 год. С этого времени японская статистика стала более четко классифицировать компании в зависимости от суммы оплаченного капитала. Если до 1905 г. все компании подразделялись статистикой на компании с капиталом до 100 тыс. иен и от 100 тыс. иен до 5 млн. иен и более, то с 1905 г. статистика стала выделять компании с капиталом от 100 тыс. до 500 тыс. иен, от 500 тыс. до 1 млн. иен, от 1 млн. до 5 млн. иен и компании с капиталом более 5 млн. иен. Капитал этих компаний распределялся следующим образом (в %) ³⁰:

Компания	Удельный вес	Оплаченный капитал
С капиталом менее 100 тыс. иен	85	13,6
С капиталом от 100 тыс. до 1 млн. иен	13,4	29,6
С капиталом от 1 млн. до 5 млн. иен и более	1,6	56,8

На долю 85% компаний с капиталом менее 100 тыс. иен приходилось лишь 13,6% оплаченного капитала, в то время как 1,6% крупнейших компаний распределялись 56,8% всего оплаченного капитала, инвести-

²⁸ «Статистический обзор экономики Японии», стр. 548 (яп.) (расчеты мои. — И. Б.).

²⁹ Там же (расчеты мои. — И. Б.).

³⁰ Там же (расчеты мои. — И. Б.).

рованного в народное хозяйство страны, причем 36,2% из этих 56,8% было сосредоточено в руках гигантских компаний с капиталом более 5 млн. иен, составлявших всего лишь 0,25% всех компаний!

Активнейший процесс концентрации и централизации производства и капитала создал к началу XX в. основу для стремительного роста и упрочения в Японии монополистических объединений.

Монопольные объединения капиталистического типа появились в промышленности Японии уже в начале 80-х годов XIX в. Прежде всего они возникли в отраслях легкой промышленности. Так, в конце 1880 г. пять компаний по производству бумаги («Одзи сэйси», «Кобэ сэйси», «Арицунэ», «Наканосима сэйси» и «Кайдзу сэйси») заключили картельное соглашение («Сэйси сорэнгокай») по вопросам сбыта, цен, найма, использования рабочей силы и т. д. В 1882 г. в прядильной промышленности был создан картель «Босэки рэнгокай» по производству и сбыту, который уже к 1890 г. вытеснил из этой отрасли значительную часть аутсайдеров. В 80-х годах в Японии возникли три объединения («Нихон биру кайся», «Саппоро биру кайся» и «Осака биру кайся») по производству и сбыту пива, поделившие внутренний рынок страны. С 1896 г. эти объединения не только вытеснили с внутреннего рынка иностранных поставщиков пива, но и вышли на внешние рынки³¹. В 1887 г. образовался электроламповый сбытовой картель. В эти же годы картельные соглашения существовали также в спичечной, сахарной отраслях промышленности, в промышленности по производству искусственных удобрений и т. д.³².

Однако в 80-е годы монополистические объединения еще не отличались большой прочностью и не были характерными для экономики страны. Все более и более широкое распространение, силу и влияние монополистические объединения начинают получать в Японии со второй половины 90-х годов, когда концентрация производства и капитала достигает такого уровня, что вплотную

---

³¹ В 1906 г. эти объединения слились в один огромный трест «Дайнихон биру кабусики кайся».

³² Норо Эйтаро, *Нихон сихонсюги-хаттацу си*, Токио, 1935, стр. 55 — далее — Норо Эйтаро, *История развития японского капитализма* (яп.).

подводит к монополии в важнейших отраслях промышленности. В конце 90-х годов XIX в.—в первые годы XX в. монополистические объединения начали стремительно завоевывать одну область промышленности за другой и стали играть ведущую роль во всей хозяйственной жизни страны.

Как уже отмечалось выше, монополистические объединения пустили корни прежде всего в легкой промышленности. В условиях ее преобладания и происходил процесс перерастания японского капитализма в империализм. К началу XX в. монопольное положение в прядильной промышленности Японии занял картель «Босэки рэнгокай»³³, объединявший крупнейшие предприятия этой отрасли. С кризисного 1900 г. число компаний, входивших в «Босэки рэнгокай», начало сокращаться, в то время как их капитал и количество механических веретен неуклонно росли. В 1899 г. число прядильных компаний, входивших в картель, составляло 78 (самое большое число), в 1903 г. их насчитывалось уже 51, а в 1904 г.—43. Одновременно капитал этих компаний и количество механических веретен увеличились с 1899 по 1904 г. соответственно с 33 млн. иен и 1170 тыс. веретен до 34 700 тыс. иен и 1300 тыс. веретен³⁴.

Внутри картеля «Босэки рэнгокай» господствующее положение занимало небольшое число мощных прядильных компаний, за которыми стояли крупнейшие воротилы финансово-промышленного мира Японии того времени (табл. 1).

Таким образом, на долю восьми крупнейших компаний приходилось около 50% всего оплаченного капитала и более 50% общего количества веретен, принадлежавших всем компаниям картеля. Если принять во внимание, что за этими крупнейшими прядильными компаниями, входившими в «Босэки рэнгокай», стояли Мицуи («Канэгафути босэки»), Мицубиси («Фудзи босэки»), Сибудзава («Осака босэки»), то становится очевидным, что в прядильной промышленности страны положение нескольких крупнейших монополистов было очень прочным.

³³ Картель неоднократно менял свое название. В 1888 г. он был переименован в «Дайнихон боси босэки догё рэнгокай», в 1902 г. стал называться «Дайнихон босэки рэнгокай».

³⁴ Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 214 (яп.).

Таблица 1

**Важнейшие прядильные компании в «Босэки рэнгокай»
(конец 1903 г.) ***

Компания	Капитал, тыс. иен			Количество веретен, тыс.
	объявлен- ный	оплачен- ный	резервный	
«Босэки рэнгокай» (51 компания)	38 555	34 029	5 123	1 295
в том числе:				
«Канэгафуги босэки» . .	5 903	5 803	641	217
«Осака босэки»	1 600	1 600	208	55
«Мие босэки»	2 000	1 750	580	81
«Сэтцу босэки»	1 500	1 400	963	103
«Амагасака босэки» . .	1 000	750	585	45
«Фудзи босэки»	2 600	2 375	101	33
«Токио часу босэки» . .	2 000	1 600	61	44
«Осака годо босэки» . .	1 600	1 600	90	91
Итого в восьми крупней- ших компаниях . .	18 103 (46,9%)	16 787 (49,5%)	3 229 (63%)	669 (51,6%)

* Таблица составлена по данным книги Като Тосихико, *История японских банков*, стр. 110 (яп.).

По степени распространения и прочности монополистических объединений в легкой промышленности после прядильной шли бумагоделательная и льняная.

В 1899 г. в бумажной промышленности Японии возникло сбытовое картельное объединение «Нихон ёси госи кайся», куда вошли пять крупнейших компаний по производству бумаги: «Токио ханси», «Фудзи сэйси», «Нисинари сэйси», «Мимасака сэйси», «Хиросима ханси». Через несколько месяцев в связи с наблюдавшимся в стране перепроизводством бумаги, а также конкуренцией со стороны иностранных фирм три крупнейшие компании «Одзи сэйси», «Фудзи сэйси» и «Ёккаити сэйси» создали синдикат «Кёдо ёси госи кайся» по производству и сбыту бумаги. В 1900 г. этот синдикат сконцентрировал в своих руках 64% всего производства бумаги в стране и 63% ее сбыта³⁵. Какое место по уровню

³⁵ Синобу Сэйсабуро, *Тайсё сэйдзи си*, Токио, 1954, стр. 19 — далее — Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Тайсё* (яп.).

производства и сбыту бумаги занимали эти важнейшие компании, за которыми также стояли такие монополисты, как Мицуи («Одзи сэйси») и другие, можно представить себе по следующим цифрам (в тыс. фунтов стерлингов) ³⁶:

	Всего в стране	„Одзи сэйси“	„Фудзи сэйси“	„Ёккантё сэйси“
Производство .	48 071	13 277	13 001	4653
Сбыт	45 140	11 010	13 063	4670

В льняной промышленности в 1901 г. четыре крупные компании заключили картельное соглашение по производству и сбыту продукции. Через два года (в 1903 г.) три из них («Оми асаито босэки», «Симоно сэйма босэки» и «Осака асаито») объединились под эгидой банка одного из крупнейших финансовых тузов Японии — Ясуда в один большой трест «Нихон сэйма кабусики кайся», сосредоточивший в своих руках 85% всего производства льняного полотна в стране ³⁷.

В годы экономического кризиса (1900—1902) образовались картели в мукомольной, спичечной, табачной и других отраслях промышленности.

Следовательно, уже в этот период влиянию небольшого числа крупнейших капиталистических монополий была подчинена огромная доля легкой промышленности страны. В картелях, трестах и концернах сосредоточивалось от 50 до 85% производства таких ведущих отраслей легкой промышленности, как текстильная, бумажная и пр.

Тяжелая промышленность Японии, как уже отмечалось, с самого начала концентрировалась в руках правительства и небольшого числа крупных капиталистических компаний (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Фудзита, Фурукава и др.).

В рассматриваемый период весьма значительную роль в экономике страны играл государственный капитал. В конце 1898 г. оплаченный капитал частнокапиталистических акционерных компаний в промышленности и транспорте составлял 319 млн. иен (122 млн. в про-

³⁶ Минобэ Рёкити, *Карутэру, торасуто, концуэрун*, Токио, 1931, стр. 21 — далее — Минобэ Рёкити, *Картели, тресты, концерны* (яп.).

³⁷ Норо Эйтаро, *История развития японского капитализма*, стр. 55 (яп.).

мышленности и горном деле и 197 млн. в транспорте). Государственный капитал в этих же отраслях составлял 148 млн. иен. Однако при оценке роли и влияния государственного капитала, исходя из указанных цифр, необходимо учитывать, что в сумму оплаченного капитала частнокапиталистических компаний (319 млн.) не вошел капитал крупнейших предприятий (находившихся под контролем столпов капиталистического мира Японии — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и др.), которые не были организованы по типу компаний³⁸.

Распределение капитала, вложенного в правительственные предприятия, видно из следующих данных (в тыс. иен)³⁹:

Государственные железные дороги	100 536
Почта, телеграф, телефон	12 534
Военно-морской арсенал Курэ	8 365
Военно-морской арсенал Ёкосука	4 895
Артиллерийский арсенал в Токио	4 804
Табачные предприятия	3 679
Артиллерийский арсенал Осака	3 603
Военно-морской арсенал Сасэбо	2 660
Металлургические заводы	1 578
Монетный двор	1 568
Предприятия по производству шерстяных тканей	1 314
Военно-морской арсенал в Токио	1 310
Типографии	1 235
Рудники Хиросима	183
Заводы по производству оборудования для телеграфа и маяков	164

Важнейшую роль среди государственных предприятий играли машиностроительные. По данным переписи государственных предприятий на 1900 г.⁴⁰, из 27 государственных предприятий 15, т. е. 56%, были машиностроительные. На них приходилось преобладающее количество рабочей силы, занятой на государственных предприятиях, и двигателей. В связи с милитаристским

³⁸ Оцука Кинносукэ и Ватанабэ Кэнкити, *Сихон тикусэки то кэйдзай кеко*, Токио, 1932, стр. 8 — далее — Оцука Кинносукэ и Ватанабэ Кэнкити, *Накопление капитала и экономические кризисы* (яп.).

³⁹ Приведенные данные взяты из журн. «Тоё кэйдзай симпо», 1900, № 167. Цит. по кн.: Оцука Кинносукэ и Ватанабэ Кэнкити, *Накопление капитала и экономические кризисы*, стр. 10—11 (яп.).

⁴⁰ См. Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 116 (яп.).

курсом правящих кругов страны большинство государственных предприятий создавалось в военных отраслях. Военные заводы и арсеналы, как уже отмечалось, составляли 40% всех государственных предприятий.

Строительство государственных предприятий в огромной степени способствовало обогащению и укреплению позиций крупной буржуазии страны. Предоставляя правительству средства для сооружения предприятий путем подписки на государственные займы, крупный капитал получал огромные проценты, пока эти предприятия возводились, а после завершения строительства они одно за другим за бесценок передавались правительством тем же крупным дельцам.

Весьма убедительным примером заинтересованности монополистической буржуазии Японии в создании государственных предприятий может служить попытка министра финансов Ватанабэ Кунитакэ в 1901—1902 гг. временно приостановить сооружение всех государственных предприятий, финансирование которых зависело от поступления средств по подписке на заем. Ватанабэ Кунитакэ не пользовался большим доверием у финансово-промышленных кругов. Желая оказать давление на правительство и убрать неугодного министра, крупная буржуазия тормозила подписку на государственный заем, необходимый правительству для упорядочения финансов. Тогда Ватанабэ предпринял контрмеры и предложил временно прекратить строительство всех государственных предприятий, зависящих от поступлений по займам. Это предложение Ватанабэ встретило чрезвычайно резкую оппозицию со стороны виднейших представителей японского капитала. Были приведены в действие все силы. Прежде всего намерению Ватанабэ воспротивился премьер кабинета Ито Хиробуми. С решительным протестом выступили известные своими теснейшими связями с Мицуи, Мицубиси, Фурукава министры Канэко Кэнтаро, Хаяси Юдзо, Хара Кэй и др. Предложение Ватанабэ провалилось. Не желая сдаваться, Ватанабэ при составлении бюджета на 1902 г. вновь предложил не строить новых государственных предприятий и до 1904 г. отложить завершение начатых строительством предприятий, субсидирование которых зависело от государственных займов. Результатом подобного курса Ватанабэ, желавшего удержаться в министерском крес-

ле вопреки воле крупного капитала, была отставка всего кабинета.

Несмотря на то что роль государственного капитала в тяжелой промышленности страны была весьма значительна, ключевые позиции в ведущих отраслях тяжелой индустрии на рубеже XIX—XX вв. были уже в огромной мере сосредоточены в руках немногих крупнейших монополистических объединений.

Прежде всего это бросалось в глаза в торнодобывающей промышленности. В угольной промышленности господствующее положение заняли крупнейшие монополисты Мицуи и Мицубиси.

Богатейшие угольные месторождения Японии были сосредоточены на Кюсю. Кроме Кюсю, уголь добывался также на Хоккайдо, в районе Дзёбан, в префектуре Ямагути, однако подавляющую часть угля давал о. Кюсю.

По данным обследования, проведенного при правительстве Сайондзи (1905—1908) в процессе подготовки национализации железных дорог, на Кюсю приходилось 79% общего количества добываемого в стране угля (по стоимости — 75%), на Хоккайдо — 11% (по стоимости — 15%) и т. д. (табл. 2).

Таблица 2

Добыча угля в важнейших районах страны (не позднее 1907 г.) *

Район добычи	Объем		Стоимость	
	т	%	иены	%
Кюсю	9 910 906	79	39 494 725	75
Хоккайдо	1 386 657	11	8 154 373	15
Дзёбан (преф. Ибараки) .	993 476	8	4 347 037	8,2
Ямагути	312 364	2	425 210	0,8
Всего . . .	12 603 403	100	52 421 345	100

* Сираянаги Сюко, *Дзайкай тайхэйки*, т. II, Токио, 1929, стр. 67, 73, 75, табл. 1 — далее — Сираянаги Сюко, *Финансовый мир Японии* (яп.).

Сираянаги Сюко — псевдоним Сираянаги Такэси (1884—1949). Еще студентом университета Васэда он вступил в общество «Хэйминся». Далее вместе с Като Токидзиро редактировал «Тёкугэн». В дальнейшем посвятил себя изучению истории своей страны и написал ряд интересных историко-экономических работ.

Приведенные данные, появившиеся в результате этого правительственного обследования, по-видимому; нельзя рассматривать как абсолютно точные, однако в целом они дают правильное представление о добыче угля в Японии того времени по районам.

Уже в конце 80-х годов XIX в. ведущие позиции в угольной промышленности страны начала занимать фирма Мицуи. Решающую роль при этом сыграло приобретение ею в 1888 г. за бесценку у правительства самых крупных в Японии угольных копей в Миикэ⁴¹. В 1896 г. в префектуре Фукуока, на Кюсю, Мицуи поглотила угольные копи Ямано, а в 1900 г. скупила акции угольной компании Тагава, принадлежавшей до этого капиталисту Ясукава.

Упрочение позиций Мицуи в угольной промышленности Кюсю проходило в упорной конкурентной борьбе с другой крупнейшей капиталистической фирмой — Мицубиси. Еще в 1881 г. Мицубиси через посредство Гото Сёдзиро за бесценку приобрела угольные шахты Такасима, принадлежавшие ранее правительству. Далее Мицубиси начала скупать угольные копи на Кюсю, стремясь превратить Такасима в опорный пункт своих позиций в угольной промышленности Кюсю.

На Кюсю компания Мицубиси была в более выгодном положении, чем Мицуи, по числу шахт, однако по размерам добычи решающий перевес обеспечивали Мицуи угольные копи Миикэ. По данным уже указанного обследования, проведенного в угольной промышленности, добыча угля на важнейших коях Мицуи и Мицубиси на Кюсю выглядела следующим образом (табл. 3).

---

⁴¹ Продажу Мицуи каменноугольных шахт в Миикэ, принадлежавших государству, подготовили в 70-е годы близкие Мицуи Иноуэ Каору и Ито Хиробуми. В то время Ито ведал делами промышленности в правительстве. Планы Иноуэ и Ито натолкнулись на упорное противодействие министра финансов в первом кабинете Ито Мацуката Масаёси. Когда вопрос о продаже встал открыто, под разными предложениями Мацуката возражал против продажи шахт Мицуи и тормозил оформление этой сделки. Действительные мотивы действий Мацуката определялись его тесными связями с Мицубиси. Окончательная передача Миикэ Мицуи произошла только при следующем кабинете Курода.

В данном случае в схватке бюрократических клик Са — Тё (Ито, Иноуэ — Тёсю, Мацуката — Сацума) проявились противоречия и борьба между двумя крупнейшими столпами нарождающегося японского монополистического капитала — Мицуи и Мицубиси.

Таблица 3

Добыча угля на важнейших копях на о. Кюсю, принадлежавших Мицуи и Мицубиси *

Копи	Местонахождение	Год приобретения	Объем, т	Стоимость, иен
Мицуи				
Миикэ	преф. Фукуока	1888	1 537 664	6 642 775
Ямано	" "	1896	180 652	699 459
Тагава	" "	1899	544 509	2 452 856
Мицубиси				
Такасима	" Нагасаки	1881	185 839	1 369 436
Синню	" Фукуока	1889	443 398	1 932 203
Намадзуда	" "	1889	247 158	1 151 039
Камиямада	" "	1895	91 175	418 124
Аити	" Сага	1900	164 503	701 081

* Сираянаги Сюко, *Финансовый мир Японии*, стр. 73, табл. 3 (яп.).

Добыча угля только на копях в Миикэ перекрывала добычу угля на всех шахтах, принадлежавших Мицубиси.

По данным того же правительственного обследования можно составить представление о том, как распределялась вся добыча угля на Кюсю между важнейшими шахтовладельцами (табл. 4).

Таблица 4

Распределение добычи угля между наиболее значительными шахтовладельцами на Кюсю *

Владелец	Объем		Стоимость	
	т	%	иены	%
Мицуи	2 264 304	25	10 698 258	27
Каисима	1 325 879	13	5 276 127	13
Мицубиси	1 255 071	12	6 007 623	15
Ясукава	731 484	7	2 567 785	6
Правительство	660 679	6	2 090 071	5
Фурукава	486 117	5	1 790 810	4
Асо	400 817	4	1 441 907	3
Мори	296 664	3	1 401 679	3
Такатори и другие мелкие владельцы	2 291 889	25	8 220 465	24

* Сираянаги Сюко, *Финансовый мир Японии*, стр. 75, табл. 4 (яп.).

Итак, судя по табл. 4, вся угольная промышленность Кюсю на три четверти была сосредоточена в руках семи-восьми крупных капиталистических компаний, при этом на долю Мицуи и Мицубиси приходилось 37% добычи угля по объему и 42% по стоимости.

Тем не менее приведенные данные далеко не исчерпывают того действительного влияния, каким пользовались к этому времени в угольной промышленности страны Мицуи и Мицубиси. В названных цифрах не нашла отражения огромная зависимость от Мицуи и Мицубиси более мелких шахтовладельцев в вопросах финансирования, сбыта и транспортировки угля.

Фирма Мицуи главенствовала в угледобыче на Кюсю не только в силу абсолютного превосходства по добыче угля в принадлежавших ей шахтах. Мицуи держала в своих руках большинство средних и мелких шахтовладельцев острова, используя их финансовую зависимость от банка Мицуи и своего сбытового аппарата в лице компании «Мицуи буссан», которая выступала скупщиком угля у Ясукава, Каисима, Асо, Мори и др. Общие интересы связывали этих шахтовладельцев с Мицуи и по линии финансирования. Таким образом, Мицуи фактически держала под своим контролем не 25, а 50% всей добычи угля на Кюсю⁴².

Укрепляя в напряженной конкурентной борьбе с Мицуи свои позиции в угольной промышленности, концерн Мицубиси обращал усиленное внимание на сосредоточение в своих руках и железнодорожной сети о. Кюсю.

Распространение влияния Мицубиси на железные дороги Кюсю началось с установления контроля над линией Тикухо. Далее, используя финансовые затруднения мелких железнодорожных компаний, Мицубиси с лихорадочной поспешностью прибирал к рукам одну за другой железные дороги острова. О том, насколько острой была борьба за господство на железных дорогах Кюсю, а по сути дела за преобладающее влияние в угледобыче, можно судить хотя бы по тому, что во время кризиса 1897—1898 гг., когда наблюдалось падение цен на акции даже крупнейших компаний, акции железнодорожной компании Кюсю повысились, о чем свидетель-

⁴² См.: Сираянаги Сюко, *Финансовый мир Японии*, т. II, стр. 47 (яп.), а также Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 171 (яп.).

ствуют приводимые ниже данные об общем падении цен на акции (в иенах) ⁴³:

Компании	1897 г. (июнь)	1898 г. (июнь)	Разница в цене
«Санъё тэцудо кайся» (ж. д.)	50,6	47,7	—2,9
«Кансай тэцудо кайся» (ж. д.)	60,6	47,3	—13,3
«Кюсю тэцудо кайся» (ж. д.)	58,1	63,9	+5,8
«Танко тэцудо кайся» (ж. д. и угольн.)	89,9	90,3	—9,6
«Нихон юсэн кайся» (па- роходн.)	59,8	47,2	—12,6
«Канэгафуги босэки кайся» (пряд.)	57,0	40,9	—16,1

К концу XIX в. семейство Ивасаки, стоявшее во главе концерна Мицубиси, фактически заняло господствующее положение на железных дорогах Кюсю. Ставленник Ивасаки, связанный родственными узами с близким семье Ивасаки Гото Сёдзиро, в 1898 г. стал президентом железнодорожной компании Кюсю, контрольный пакет акций которой принадлежал семье Ивасаки. Таким путем Мицубиси, сосредоточив в своих руках контроль над железными дорогами острова, поставил более мелких шахтовладельцев в определенную зависимость от себя в деле транспортировки угля.

С конца 90-х годов борьба между Мицуи и Мицубиси за господствующее положение в угольной промышленности начала приобретать чрезвычайную остроту.

Новая обстановка на Кюсю в связи с установлением контроля Мицубиси над железными дорогами острова заставила руководство Мицуи искать новых путей для упрочения и расширения своего господства в угольной промышленности страны. Материалы биографии одного из наиболее видных руководителей компании Мицуи, Накамигава, свидетельствуют о том, что именно активизация Мицубиси в железнодорожных делах на Кюсю и в связи с этим растущая угроза позициям Мицуи в угольной промышленности острова укрепили намерение руководства компании Мицуи прибрать к рукам угольные месторождения на Хоккайдо ⁴⁴. В 1899 г. фирма Ми-

⁴³ Сведения взяты из работы «Развитие японского капитализма», т. II, стр. 236, табл. 60 (яп.).

⁴⁴ См. Сираянаги Сюко, *Финансовый мир Японии*, т. I, стр. 375 (яп.).

цуи через подставных лиц скупает акции акционерной угольной и железнодорожной компании на Хоккайдо «Хоккайдо танко тэцудо кайся», державшей в своих руках всю угледобычу острова⁴⁵. Копи Хоккайдо наряду с Миикэ и другими копиями Кюсю (более 60% добычи угля в стране) сделали бесспорным господствующее положение Мицуи в угольной промышленности страны. Кроме того, со второй половины 90-х годов под контроль Мицуи попала почти вся горнодобывающая, в том числе и угольная, промышленность захваченного Японией у Китая о. Тайвань.

Таким образом, в Японии, как и в других странах, ставших на путь империалистического развития, угольная промышленность принадлежала к числу отраслей, где монополистические объединения пустили свои корни наиболее глубоко. Монопольное положение двух фирм — Мицуи и Мицубиси — в угледобыче Японии утвердилось в основном уже к началу XX в. (Установление господства сопровождалось упорнейшей конкурентной борьбой этих двух столпов японского монополистического капитала, достигшей кульминации в годы русско-японской войны и явившейся, в частности, наряду с соображениями военно-стратегического характера одной из важнейших причин национализации железных дорог страны в 1907—1908 гг.⁴⁶).

---

⁴⁵ Компания была учреждена в 1889 г. предпринимателями, примыкавшими к группировке буржуазии из бывшего клана Сацума.

⁴⁶ Не случайно в знак протеста против принятия закона о национализации железных дорог министр иностранных дел кабинета Сайондзи, осуществившего национализацию, Като Такааки, ставленник Мицубиси в правительственных кругах, демонстративно вышел в отставку. Официально Като мотивировал свою отставку тем, что национализация железных дорог может нанести урон «принципу частной собственности» (!) и тем самым отпугнет западный капитал, который необходим для развития японской промышленности; окажет неблагоприятное влияние на финансы страны, так как государственный заем 400—500 млн. иен, необходимый для выплаты компенсации частным владельцам железных дорог, будет провален; затруднит получение выгод от эксплуатации железнодорожной сети. Однако это была не более как маскировка подлинные причины, побудивших Като выступить с резким противодействием национализации железных дорог. В действительности оппозиция Като в данном случае объяснялась тем, что национализация железных дорог шла вразрез с интересами и замыслами Мицубиси.

Подлинные мотивы позиции Като не представляли секрета и для правительственных кругов. Министр внутренних дел кабинета Сай-

В конце XIX — начале XX в. несколько крупнокапиталистических монополий господствовало не только в угольной, но и во всей добывающей промышленности Японии. По данным японского исследователя Оцука Тоёдзи, годовая добыча всей горной промышленности страны (железная руда, уголь, золото и т. д.) в стоимостном выражении составляла к 1907 г. 106 830 тыс. иен. Из этой суммы, принимая ее за 100%, приходилось на долю Мицубиси 10,7%, Мицуи — 10,6%, Фудзита — 8,8%, Фурукава — 7,3%, Сумитомо — 4,6% и т. д. Таким образом, только в руках пяти крупнейших монополистических фирм (Мицуи, Мицубиси, Фудзита, Фурукава и Сумитомо) находилось более 42% добычи всех полезных ископаемых страны. (Цифры, приводимые японским исследователем, относятся к 1907 г., однако, учитывая, что уже до этого в угольной промышленности господствовали Мицуи и Мицубиси, в медной — Сумитомо и Фурукава и пр., можно с полной определенностью утверждать, что подобное положение сложилось в добывающей промышленности страны не в результате какого-то скачка в 1905—1907 гг. Основы господства этих фирм в указанных отраслях были заложены главным образом в период 1895—1905 гг.⁴⁷).

Ключевые позиции в горнодобывающей промышленности страны, обеспечивающие в конечном итоге господство в тяжелой промышленности, в огромной мере сосредоточились к концу XIX — началу XX в. в руках небольшой группы монополистических объединений. Уже к началу XX в. концентрация достигла такого уровня, что оказалось возможным произвести приблизительный учет всех источников сырьевых материалов в стране.

В судостроении, в то время наиболее развитой отрасли японского машиностроения, из общего тоннажа судов (88 191), спущенных на воду с 1897 по 1901 г., 50% приходилось на три крупнейшие компании — «Мицубиси», «Кавасаки» и «Осака тэккосё», две из которых («Мицубиси» и «Осака тэккосё») контролировались Мицубиси. На конец 1901 г. им принадлежало 80,9%

ондзи — Хара Кэй отмечал в связи с этим в своем дневнике, что резкая оппозиция Като закону о национализации была не чем иным, как «протестом группировки Мицубиси» («Хара кэй никки», Токио, 1951, запись 17 февраля 1907 г.).

⁴⁷ См. Като Тосихико, *История японских банков*, стр. 111 (яп.).

оплаченного капитала всех 15 судостроительных компаний Японии⁴⁸.

Крупный капитал все более уверенно занимал командные позиции не только в добывающей промышленности и судостроении. Электротехническая компания «Сибатура», находившаяся под контролем Мицуи, была, например, ведущим в стране предприятием этой отрасли и пользовалась фактической монополией; концерн Сумитомо владел самыми большими в стране медеплавильными заводами. Крупному монополистическому капиталу принадлежали и главные паровозо- и вагоностроительные предприятия.

Монополии пустили глубокие корни и в других отраслях тяжелой промышленности страны. После кризиса 1897—1898 гг. образовались картельные объединения в цементной промышленности, в часовой (соглашение по вопросам сбыта, цен и т. д.). В годы экономического кризиса 1900—1902 гг. и вскоре после него образовались картели в нефтяной промышленности, картель по продаже антрацита и т. д. В 1904 г. две крупные нефтяные компании создали синдикат с целью противостоять натиску американской компании «Стандард ойл»⁴⁹.

В конце XIX — самом начале XX в. несколько крупных монополистических объединений заняли господствующее положение и в железнодорожном транспорте и в морском судоходстве.

В 1897 г. пять (из 32) крупнейших железнодорожных частных компаний — «Нихон тэцудо», «Санъё», «Кюсю», «Хоккайдо танко тэцудо кайся» и «Кансай» — владели 90,5 из 122,5 млн. иен, или 72,34% оплаченного капитала всех частных компаний этой отрасли. В 1901 г. на указанные пять компаний (из 40) приходилось уже 73,34% всего оплаченного капитала (144,6 из 197,2 млн. иен)⁵⁰,

---

⁴⁸ Маэсима Сёдзо, *Классовые столкновения вокруг закона о повышении поземельного налога*, стр. 28 (яп.).

⁴⁹ В 1894—1899 гг. Рокфеллеры через международную нефтяную компанию скупили акции многих мелких нефтяных обществ Японии (на 10 млн. иен). Созданный в 1904 г. синдикат постепенно отобрал у «Стандард ойл» акции японских нефтяных предприятий и подчинил добычу нефти в стране своему контролю. (См. Хидзиката Сэйби, *Нихон кэйдзай кэнкю*, Токио, 1928, стр. 736—737.)

⁵⁰ Маэсима Сёдзо, *Классовые столкновения вокруг закона о повышении поземельного налога*, стр. 30 (яп.).

причем 60% его контролировали «Нихон тэцудо» и «Кюсю», за которыми стояли Сибудзава, Мицубиси и другие воротилы финансово-промышленного мира Японии. Крупнейшая из всех частных железнодорожных компаний страны «Нихон тэцудо кайся» сосредоточивала в своих руках около 25% оплаченного капитала частных компаний этой отрасли и контролировала более одной трети всей протяженности частных железных дорог.

Приводимые далее цифры свидетельствуют о соотношении в конце XIX в. протяженности железных дорог, контролируемых «Нихон тэцудо кайся», и протяженности остальных частных железных дорог (в милях) ⁵¹:

	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
Частные железные дороги	1 537	1 680	1 870	2 280	2 652
Железные дороги, контролируемые «Нихон тэцудо кайся»	596	618	658	803	855

Таким образом, уже к началу XX в. концентрация в железнодорожном деле достигла очень высокого уровня и вплотную подошла к монополии. В руках пяти крупнейших компаний сосредоточилось более 73% всей частной железнодорожной сети страны.

В морском судоходстве в 1899 г. компании «Нихон юсэн кайся» (Мицубиси), «Осака сёсэн кайся» (Сумитомо) и «Тоё кисэн кайся» располагали почти 80% оплаченного капитала всех компаний этой отрасли. Ведущее положение среди них занимала «Нихон юсэн кайся», владевшая 22 млн. оплаченного капитала из 30 750 тыс. иен, контролируемых этими тремя компаниями («Осака сёсэн кайся» — 5,5 млн. иен, «Тоё кисэн кайся» — 3,25 млн. иен), и из 38 680 тыс. иен оплаченного капитала всех компаний этой отрасли. Из общего числа судов (1221) водоизмещением 510 тыс. т на «Нихон юсэн кайся» приходилось 205 тыс. т (т. е. половина) ⁵².

⁵¹ Ватанабэ Кикуо, *Прелюдия современного рабочего движения*, — «Рэкиси хёрон», 1955, октябрь—ноябрь, стр. 118. — Данные о протяженности железных дорог, контролируемых «Нихон тэцудо кайся», взяты автором статьи из ежегодника, публиковавшегося этой компанией, за 1905 г.

⁵² Маэсима Сёдзо, *Классовые столкновения вокруг закона о повышении земельного налога*, стр. 26.

Приведенные материалы показывают, что процессы концентрации и монополизации в японской промышленности и на транспорте развивались весьма высокими темпами. Этому способствовало, в частности, более позднее по сравнению с другими странами вступление Японии на путь капиталистического развития. Освоение передовой иностранной техники и новых организационных форм производства привело к созданию предприятий, которые в условиях существования огромного числа мелких предприятий и отсталой техники с самого начала стали занимать монопольное положение в тех отраслях, где они возникали. Строительство таких предприятий, естественно, было по плечу крупной буржуазии.

О том, насколько большую роль в экономике страны играли монопольные объединения уже в конце XIX — в первые годы XX в., дают возможность судить позиции наиболее крупных из них в различных областях хозяйственной жизни страны.

Ведущее положение среди монополистических объединений Японии занимал концерн Мицуи. Один из виднейших журналистов страны периода Мэйдзи, Тоябэ Сюнтэй, занимавшийся составлением персоналий выдающихся деятелей финансово-промышленного, военного и политического мира своей эпохи, весьма образно писал: «Дом Мицуи был первым среди всех богатых домов Японии. Его предприятия, если говорить о силе их влияния, были своего рода правительством в экономическом мире, причем правительством наиболее крепким и наиболее надежным»⁵³.

В 1895—1905 гг. особенно расширилась деятельность концерна Мицуи и упрочились его позиции. Именно в это время Мицуи, как и другие крупные капиталистические фирмы, не только заложил основы своего могущества, но и занял фактически монопольное положение в ряде важнейших отраслей экономики страны.

Рамки деловой активности Мицуи были чрезвычайно широки. В «Путеводителе по предприятиям и банку Ми-

---

⁵³ Тоябэ Сюнтэй, *Дзезэнсю*, т. 2, Токио, 1910, стр. 532 — далее — Тоябэ Сюнтэй, *Собрание сочинений*, т. 2. Деятели Мэйдзи (яп.).

Тоябэ был одним из виднейших японских журналистов. Работал у Симада Сабуро в «Майнъти симбун», у Коноэ Ацумаро, у Ито Хиробуми в журнале «Тайё». Издал ряд книг о деятелях своего времени. Умер в 1908 г.

цуи», изданном в Токио в 1896 г., указывалось, что в области внешней и внутренней торговли интересы Мицуи представляла компания «Мицуи буссан гомэй кайся», в области сбыта текстильных изделий — «Гомэй кайся Мицуи гофуку тэн», в горнодобывающей промышленности — «Мицуи кодзан гомэй кайся». Еще в 1894 г. в банке Мицуи был выделен специальный отдел промышленности, в ведении которого находился контроль за всеми предприятиями Мицуи, а также специальный отдел, ведавший обширными земельными участками и постройками, принадлежавшими Мицуи.

Особенно прочными были позиции Мицуи в прядильной, бумажной и горнодобывающей промышленности⁵⁴. Контроль Мицуи в этих отраслях, как и в ряде других, особенно усилился во время финансового и экономического кризисов 1897—1898 и 1900—1902 гг.

Используя финансовую и сбытовую зависимость от банка Мицуи и «Мицуи буссан кайся», концерн Мицуи поставил в эти годы под свой контроль огромное число предприятий прядильной промышленности. В 1897 г. контролируемая Мицуи «Канэгафуги босэки» скупила акции заводов компании «Шанхай босэки» в Хёго, поглотила «Касю босэки», «Сибайто босэки» и «Авадзи босэки». Закрывая через «Мицуи буссан кайся» сделки на крупные суммы с различными текстильными компаниями на поставку им машин, хлопка, угля и других материалов и используя возникавшие в кризисные годы финансовые затруднения этих компаний, Мицуи постепенно прибирал их к рукам. Так, был наложен арест на имущество текстильной компании «Сэссю», которая затем была переименована и вновь введена в действие уже как принадлежащая Мицуи «Сибасима босэки». Под контроль Мицуи перешли (фактически за бесценок) фабрики текстильной фирмы «Асахи» в Хиросима, задолжавшие по счетам 225 тыс. иен; такая же участь постигла предприятия текстильной компании «Намихана

⁵⁴ В каждой из этих отраслей господствовали подчиненные Мицуи компании: «Канэгафуги босэки», «Одзи сэйси» и «Мицуи кодзан». Автор монографии о доме Мицуи О. Д. Рассел называет «Канэгафуги босэки» этого периода самой большой хлопкопрядильной компанией в мире, «Одзи сэйси» — самой большой бумажной компанией на Дальнем Востоке, а «Мицуи кодзан» — самой крупной угольной компанией в Японии (O. D. Russel, *The House of Mitsui*, Boston, 1939, p. 205).

босэки» и др.⁵⁵. Это, в частности, сыграло весьма значительную роль в том, что за период с 1899 по 1903 г. число веретен на предприятиях «Канэгафуги босэки» увеличилось с 84 тыс. до 217 тыс.

В 1898 г. Мицуи полностью подчинил своему контролю бумажную компанию «Одзи сэйси», устранив с поста ее председателя Сибудзава Эйити и близких ему людей. К 1900 г. «Одзи сэйси» превратилась в самую крупную компанию в японской бумажной промышленности: на ее долю приходилось почти 28% всего производства бумаги в стране⁵⁶.

Как уже указывалось, за период с конца 80-х годов — до начала XX в. Мицуи поставил под свой контроль важнейшие угольные копи на Кюсю, Хоккайдо и в других районах страны и вместе с Мицубиси пользовался бесспорной монополией в угольной промышленности Японии.

Важнейшие позиции занял концерн Мицуи в этот период и в электротехнической промышленности. Принадлежавшие ему заводы Сибаура были самыми крупными в стране предприятиями тяжелой промышленности. На заводе «Сибаура сэйсакудзё» производились машины и двигатели для военно-морских арсеналов, а также различное оборудование для ткацкой и горной промышленности. В конце 90-х годов предприятия Сибаура были сильно расширены, и в 1904 г. под контролем Мицуи была создана специальная электротехническая компания «Сибаура кабусики кайся», пользовавшаяся особым вниманием руководства концерна Мицуи⁵⁷.

Очень значительны были позиции Мицуи в шелкоткальной промышленности (во главе с компанией «Оосима сэйси кодзё»), в добыче золота, серебра, руды и т. д.

Немаловажную роль в усилении контроля Мицуи в различных отраслях производства сыграла компания «Мицуи буссан», занимавшаяся торговыми операциями

⁵⁵ Сведения об этом были опубликованы в журн.: «Токио кэйдай дзасси». Цит. по кн.: Оцука Кинносукэ и Ватанабэ Кэнкити, *Накопление капитала и экономические кризисы*, стр. 47 (яп.).

⁵⁶ Минобэ Рёкити, *Картели, тресты, концерны*, стр. 20 (яп.) (расчеты мои. — И. Б.).

⁵⁷ Цутия Такао, *Мицуи дзайбачу-но хаттэн*, ч. 3, — «Тью Корон», 1946, № 10, стр. 71 — далее — Цутия Такао, *Развитие дзайбачу Мицуи* (яп.).

самого различного характера. «Мицуи буссан» в огромной мере монополизировала импорт хлопка и экспорт хлопчатобумажной пряжи и изделий, т. е. сырья и готовой продукции важнейшей отрасли японской промышленности. При помощи операций «Мицуи буссан» концерн Мицуи сумел занять ведущее положение в картеле по продаже антрацита и др. В 90-х годах операции «Мицуи буссан» приносили концерну около 70% всех прибылей⁵⁸.

Значительно вырос и укрепил свое влияние в этот же период и другой ведущий капиталистический концерн Японии — Мицубиси. Если для Мицуи при всей многогранности его экономической деятельности наиболее близкими были банковое дело, горнодобывающая и текстильные отрасли, то для Мицубиси, отличавшегося более современной по сравнению с Мицуи формой организации, наиболее характерным было господство в морском судоходстве, имевшем для Японии, как островной страны, чрезвычайно важное значение, и в судостроении. Далее шли, как уже отмечалось, угольная промышленность и железные дороги, а также банковое дело и ряд других отраслей.

Мицубиси принадлежала крупнейшая в стране пароходная компания «Нихон юсэн кайся». Особенно стремительными темпами этот концерн начал расти после японо-китайской войны. Только за один год, с 1895 по 1896 г., капитал «Нихон юсэн кайся» вырос с 8,8 млн. до 22 млн. иен⁵⁹. Установление монополии Мицубиси в морском судоходстве сопровождалось, как и в угольной промышленности, упорной конкурентной борьбой с Мицуи, победителем из которой вышел концерн Мицубиси.

Все возрастающие доходы Мицубиси от морского судоходства, чему в немалой мере способствовали тесные связи концерна с правительственными кругами, возбуждали зависть и недовольство других представителей крупной буржуазии страны, в том числе и Мицуи. К примеру, только «Мицуи буссан» вынуждена была выплачивать Мицубиси за транспортировку грузов около 700 тыс. иен ежегодно. В начале 80-х годов между

---

⁵⁸ Отаки Курама, *Мицуи Ооку*, Токио, 1926, стр. 293—далее — Отаки Курама, *Королевство Мицуи* (яп.).

⁵⁹ См. Тогаи Есио, *Дзайбацу то сихонкатати*, Токио, 1956, стр. 146 — далее — Тогаи Есио, *Дзайбацу и капиталисты*.

Мицуи и Мицубиси развернулась ожесточенная борьба за господство в морском судоходстве. Воспользовавшись уходом из правительства в 1881 г. близкого Мицубиси Окума Сигэнобу, семейство Мицуи повело наступление на Мицубиси. Через министра сельского хозяйства и торговли Синакава фирма Мицуи добилась создания в 1882 г. получастной-полугосударственной судоходной компании «Кёдо унъю кайся». Для приобретения судов вновь созданной компании была предоставлена огромная правительственная субсидия (2 млн. 600 тыс. иен). Началась упорная конкурентная борьба между «Нихон юсэн кайся» и «Кёдо унъю кайся», взаимное снижение цен за перевозки и пр. В результате обе фирмы терпели убытки. Через три года, в 1885 г., они объединились и вскоре целиком отошли к Мицубиси. Образовалась компания «Нихон юсэн кайся», концерн Мицуи вынужден был отступить, монополия Мицубиси в морском судоходстве была восстановлена⁶⁰.

В то время как Мицуи и Мицубиси захватили верховенство в экономической жизни на востоке страны, в деловых кругах западных районов Японии руководящие позиции занимал концерн Сумитомо.

Отличительной чертой деятельности фирмы Сумитомо было сосредоточение наибольшего внимания на добыче медной руды и выплавке меди. Сумитомо принадлежали богатейшие в стране месторождения меди в Бэсси и самые крупные в Японии медеплавильные заводы. Переходя от добычи к выплавке меди и к производству изделий из нее, Сумитомо в 90-е годы скупает акции многих медеплавильных заводов и компаний («Нихон сэйко кабусики кайся», заводы Осакской медеплавильной компании и др.). В 1904 г. был введен в строй крупнейший в стране медеплавильный завод Сумитомо.

Именно в эти годы концерн Сумитомо начал специализироваться на производстве машин и оборудования по заказам военного и военно-морского ведомств, установив тесный контакт с военной верхушкой.

Сумитомо принадлежала весьма крупная пароходная компания «Осака сёсэн кайся», где объединились вла-

---

⁶⁰ Идзу Кимно, *Рёкиси-о цукуру нингэн*, Токио, 1956, стр. 257—далее — Идзу Кимно, *Люди, творившие историю* (яп.); Тогаи Ёсиро, *Дзайбацу и капиталисты*, стр. 146.

дельцы небольших судов кансайского района. (Компания была основана видными служащими концерна Сумитомо — Хиросэ и Иба Саданори и обслуживала только внутренние воды.) К 1894 г. компания «Осака сёсэн кайся» владела 18 кораблями водоизмещением 12 тыс. т⁶¹.

Помимо основных групп предприятий (медные рудники, медеплавильные и машиностроительные заводы, пароходная компания), Сумитомо принадлежал банк с многочисленными филиалами (в Кобэ, Хиросима, Вакамацу и т. д.), угольные копи, шелкомотальные фабрики, внешнеторговые конторы, фабрики по производству камфары и другие самые разнообразные предприятия, прямо или косвенно находившиеся под его контролем. В сфере экономического влияния концерна Сумитомо находилась большая часть промышленных компаний района Осака — Кобэ.

Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда стали ведущими монополиями, за которыми шли менее крупные, хотя и очень влиятельные, монополистические объединения Сибудзава, Фурукава, Окура, Фудзита, Асано и др.

В ряде отраслей промышленности, в особенности в железнодорожном строительстве и финансах, важные позиции занимал концерн Сибудзава. Его глава Сибудзава Эйити, как уже говорилось, в это время был президентом железнодорожной компании «Нихон тэцудо кайся» и выступал одновременно главным держателем акций этой компании. Со второй половины 90-х годов контроль «Нихон тэцудо кайся» стал распространяться на значительную часть железнодорожных линий страны: Киотоскую, Киото — Осака и др.⁶² Концерн Сибудзава занимал решающие позиции в 1-м банке («Дайити ко-куруцу гинко»), который уже в 1878 г. открыл свое отделение в Корее (в Пусане). Ему принадлежали одна из крупнейших текстильных компаний «Осака босэки», компания, ведавшая морскими перевозками, и т. д. Интересы концерна Сибудзава распространялись буквально на все отрасли промышленности, и, как отмечают

---

⁶¹ Для сравнения можно указать, что «Нихон юсэн кайся», принадлежавшая Мицубиси, к этому времени владела 46 кораблями общим водоизмещением более 96 тыс. т [Тогаи, Есио, *Дзайбацу и капиталисты*, стр. 146 (яп.)].

⁶² «Нихон кэйдзай си дзитэн», т. I, Токио, 1956, стр. 731—732.

японские историки, без упоминания о нем невозможно говорить об экономике страны периода Мэйдзи ⁶³.

Концерн Фурукава специализировался на добыче и выплавке меди, и его позиции в этой области были чрезвычайно сильны. Владея медными рудниками Асио, Ани, Кусакура и др., Фурукава уже с конца 90-х годов держал под своим контролем около 40% всей добычи меди в стране ⁶⁴.

В цементной промышленности руководящие позиции занимал концерн Асано, тесно связанный с одним из крупнейших банкиров страны — Ясуда.

За группой монополий типа Фурукава шли монополистические объединения, известные как группа Косю, Сацума, Оми, Киёсу и т. д. В эти объединения входили представители буржуазии, группировавшиеся по признаку принадлежности к какому-то определенному, бывшему феодальному клану или району.

Наиболее сильной и прочной из таких группировок была Косю, или «Косю дзайбацу» ⁶⁵, во главе которой стояли крупный капиталист Вакао Иппэй, а также Нэдзу Каитиро, Оно Кинроку. К этой группе примыкали, в частности, Амэмия Кэйдзиро и некоторые другие капиталисты. «Косю дзайбацу» принадлежали электроламповая компания «Токио дэнто кайся», токийский торговый банк, торговые конторы и т. д.

К такого рода монополистическим объединениям относилась и влиятельная группировка буржуазии — выходцы из бывшего клана Сацума. Во главе ее стоял крупнейший в то время в стране финансовый деятель,

---

⁶³ Вакамори Таро, *Нихон рэкиси дзитэн*, Токио, 1953, стр. 208.

⁶⁴ «Развитие японского капитализма», т. II, стр. 273 (яп.).

⁶⁵ С группой дельцов из Косю во главе с Вакао Иппэй связано, в частности, введение в обиход термина «дзайбацу» (так стала называться эта группа предпринимателей, скупивших в 90-х годах акции «Токио дэнто кайся» и владевших рядом других предприятий). В 1899 г. президентом «Токио дэнто кайся» стал один из доверенных чиновников Вакао — Сатакэ Сакутаро (отец нынешнего президента «Сёва дэнко кайся» Сатакэ Дэиро). После Косю термином «дзайбацу» стали называть и некоторые другие группы предпринимателей, как, например, Оми, основавшие в Осака банк Оми, и пр.

К Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и другим монополиям термин «дзайбацу» стал применяться позже. В период Мэйдзи Мицуи, как правило, называли термином «богатый дом» (фукко) [см. Тогаи Ёсио, *Дзайбацу и капиталисты*, стр. 151—152 (яп.)].

неоднократный министр финансов и премьер Мацуката Масаёси. Сацумская группировка буржуазии была теснейшим образом связана с 15-м банком и судостроительной промышленностью. В частности, сам Мацуката и его сыновья были владельцами верфей Кавасаки⁶⁶, паровой компании Кавасаки и других судостроительных предприятий. Через Мацуката Масаёси сацумская буржуазия в деловом отношении была весьма прочно связана с Мицубиси.

Таким образом, как видно из приведенных фактов, в конце 90-х годов XIX — начале XX в. шахты, рудники, золотые прииски, торговля, судоходство, железные дороги, судостроение, машиностроение, ткацкая, бумажная, льняная и другие отрасли промышленности в огромной мере были подчинены влиянию небольшого числа крупнокапиталистических объединений монополистического типа. Сосредоточив в своих руках командные позиции в различных отраслях производства, эта сравнительно небольшая группа объединений начала на рубеже XIX—XX вв. играть главенствующую роль в экономической жизни страны. Господство это в огромной мере усиливалось позициями указанных групп в банковом деле.

Концентрация банкового дела и образование финансового капитала

Как подчеркивал В. И. Ленин, «представления о действительной силе и значении современных монополий были бы крайне недостаточны, неполны, преуменьшены, если бы мы не приняли во внимание роли банков»⁶⁷.

---

⁶⁶ Судостроительные верфи Кавасаки, принадлежавшие дому Кавасаки, в 1896 г. были преобразованы в акционерное предприятие и фактически попали под контроль Мацуката. Президентом этой компании стал третий сын Мацуката. После японо-китайской войны верфи были значительно расширены. Если в 1900 г. капитал компании составлял 4 млн. иен, то к 1906 г. он вырос уже до 10 млн. иен. [«Дзайбацу сэйсуйки тихо тюкэн дзайбацу-но, маки», Токио, 1930, стр. 76 — далее — «Подъем и падение японских дзайбацу. Об основных местных дзайбацу» (яп.)]. Составлено редакциями газет «Осака Майнити симбун», «Токио нити-нити», журнала «Экономисутто»].

⁶⁷ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 198.

Это указание В. И. Ленина в полной мере относится и к японским монополиям, сила и рамки господства которых в огромной мере определялись их позициями и связями с банковым делом.

Процесс концентрации и централизации в банковом деле наиболее активно стал развиваться в Японии со второй половины 90-х годов, в особенности после финансового кризиса 1897—1898 гг., когда в результате массового изъятия вкладов потерпели банкротства Осакий акционерный банк, банк Симаноути, 47-й банк Кэмпэй, банк Мэйдзи в Осака, банки Тэмма, Тэнодзи, Кидзо, Тамадзо, Хэмми и др.

Решающую роль в концентрации банковского дела, как и в промышленности, сыграл экономический кризис 1900—1902 гг.

В конце 1900 г. прекратили платежи 9-й банк и депозитный банк Куматомо, а затем банковые крахи стремительно распространились на район Кюсю, Канто, Кансай, Накабэ и др. Только за первое полугодие 1900 г., по данным журнала «Токио кэдзай симпо»⁶⁸, 55 банков заявили о своем банкротстве. За то же время 1901 г. число банкротств увеличилось в три раза (165). Наиболее тяжелый удар был нанесен банкам района Осака.

И финансовый кризис 1897—1898 гг., и экономический кризис 1900—1902 гг. отразились главным образом на небольших банках и привели к краху и ликвидации множества из них. Во время кризиса 1900—1902 гг., например, среди 32 банков, прекративших платежи на Кюсю и в Кансае, 29 имели капитал каждый менее 500 тыс. иен⁶⁹.

После 1901 г. количество банков в стране начало систематически сокращаться: крахов, слияний, ликвидаций банков происходило больше, а новых банков создавалось все меньше. Этот процесс отчетливо прослеживается по табл. 5.

Концентрации банковского дела в Японии, сосредоточению его в руках группы крупнейших капиталистов в значительной мере способствовали мероприятия

---

⁶⁸ См. Осима Киёси, *Нихон кёко сирон*, Токио, 1955, стр. 236—далее — Осима Киёси, *История кризисов в Японии* (яп.).

⁶⁹ Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Тайсё*, стр. 24 (яп.).

Процесс концентрации банков в Японии *

Год	Банки			
	существо- вавшие	вновь образован- ные	ликвидированные	
			на основе крахов	на основе слияний
1895 (конец)	1 043	—	—	—
1896	1 338	342	47	3
1897	1 599	352	91	10
1898	1 806	305	98	10
1899	2 031	277	52	8
1900	2 340	399	190	18
1901	2 385	125	80	11
1902	2 343	10	52	7
1903	2 308	81	116	7
1904	2 256	23	75	7
1905	2 230	25	51	5

* См. Осима Киёси, *История кризисов в Японии*, стр. 271, табл. 148 (яп.). — Линейками отмечено, что данных за 1895 г. нет.

правлящих кругов в области банкового законодательства.

Японское правительство внимательно присматривалось и изучало политику, проводимую в этом вопросе правящими кругами Англии, где законодательство, подчиненное интересам концентрации банкового дела, развивалось в направлении превращения мелких банков в филиалы крупных. Уже в 1896 г. для ускорения слияния мелких банков японское правительство приняло специальный закон об объединении мелких банков. И не случайно, что в состав комиссии, вырабатывавшей этот закон, входили такие виднейшие деятели финансово-промышленного мира Японии, как Накамигава от Мицуи, Сёда от Мицубиси, а также Сибудзава Эйити и др. Это обстоятельство красноречиво свидетельствует о том, в чьих интересах проводился закон.

В 1901 г. правительственный курс на поддержку крупных банков усиливается. В сентябре через мини-

стерство финансов правительство дало специальное указание губернаторам префектур об ограничении создания новых банков. Лица, выразившие желание учредить банк, были обязаны, согласно этим указаниям, представить префектуральным властям надежные имущественные гарантии, и только после соответствующей проверки губернатор мог обращаться с ходатайством в министерство финансов за разрешением учредить банк. Было постановлено выдавать разрешения лишь в тех случаях, когда банк, организуемый на акционерных началах, обладает капиталом не менее 500 тыс. иен, а отдельное лицо, решившее учредить банк,— капиталом примерно 200 тыс. иен ⁷⁰.

Мелкие банки все более и более оттесняются крупными, к которым постепенно переходит главенствующая роль в банковом деле страны.

Особенно стремительными темпами укрепление позиций крупных банков происходило в кризисные годы. Уже во время финансового кризиса 1897—1898 гг. наряду с разорением и крахами мелких банков наблюдается неуклонный рост вкладов в банки Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и др. Например, позиции банка Мицуи в эти годы выглядели следующим образом (тыс. иен) ⁷¹:

Г о д	Вклад	Ссуда	Прибыль
1893 (II полугодие)	16 776	10 939	370
1896 "	24 140	18 072	422
1899 "	27 501	28 150	484

Насколько велика была роль банка Мицуи в финансовой жизни страны уже в эти годы, можно судить по следующим данным. В конце 1893 г. из общей суммы вкладов в частные банки страны (38,4 млн. иен) на долю банка Мицуи приходилось 44%. Из общей суммы ссуд, выдаваемых частными банками, банку Мицуи принадлежало 22%. С образованием вскоре после японо-китайской войны банков Мицубиси, Сумитомо и др. доля вкладов, поступавших в банк Мицуи, неуклонно увеличиваясь в абсолютных цифрах, в процентном отношении снижается.

⁷⁰ «Мйдзи дзайсэй си», т. 12, Токио, 1905, стр. 701.

⁷¹ Данные взяты из кн.: «Статистический обзор экономики Японии», стр. 520 (яп.).

В 1897 г. пятерка крупнейших банков: Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Дайити владела 25,8% вкладов всех банков страны ⁷².

В годы экономического кризиса (1900—1902) концентрация банковского дела происходит особенно заметными темпами. В 1901 г. сумма вкладов в крупные банки страны (по сравнению с 1900 г.) увеличилась на 10 млн. иен, в то время как вклады в небольшие банки сократились более чем на 20 млн. иен ⁷³.

По данным японского экономического журнала «Тоё кэйдзай симпо» (1902), из 500 млн. иен вкладов во все банки страны две трети концентрировались в нескольких десятках крупных банков. Вклады в остальные более чем две тысячи банков составляли около одной трети всей суммы вкладов ⁷⁴.

Весьма показательны данные о господстве крупных и крупнейших банков в банковых объединениях ведущих городов Японии — Токио, Осака, Киото, Нагоя, Кобэ, Иокогама (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Концентрация вкладов в крупных банках, тыс. иен *

Ведущие финансово-промышленные центры страны	Банки	1900 г.	1901 г.
Токио	крупные ^а	77 627	83 708
	прочие	27 108	29 265
Иокогама . .	крупные ^б	36 923	39 851
	прочие	3 237	3 090
Осака	крупные ^в	39 427	49 845
	прочие	20 022	2 982
Кобэ	крупные ^г	10 948	13 016
	прочие	2 578	4 549

* Като Тосихико, *История японских банков*, стр. 149 (яп.), табл. 56. (Итоговые цифры в таблице, приведенной в работе Като, перепутаны и потому нами изменены.— И. Б.)

⁷² Като Тосихико, *История японских банков*, стр. 153 (яп.).

⁷³ Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Тайсё*, стр. 24 (яп.).

⁷⁴ См. в кн.: Оцука Кинносукэ и Ватанабэ Кэнкити, *Накопление капитала и экономические кризисы*, стр. 47 (яп.).

Ведущие финансово- промышленные центры страны	Банки	1900 г.	1901 г.
Киото . . .	крупные	10 592	13 527
	прочие	9 142	5 349
Нагоя	крупные	9 387	11 777
	прочие	3 848	3 797
Всего . . .	в крупных	174 904	211 724
	в прочих	65 935	48 972

а) «Дайити гинко», 3-й банк (Ясуда), 15-й, 30-й, 100-й, «Мицуи гинко», «Мицубиси гинко», «Ясуда гинко», банк Кавасаки, «Тэйкоку сёгё гинко», банк Токио, «Мэйдзи сёгё гинко» (Ясуда), банк Маримура, филиал банка Коноикэ, филиал банка Намисоку, филиал банка Сумитомо;

б) банк звонкой монеты, 2-й банк, 74-й банк, банк Савада, филиал «Дайити гинко», филиал 3-го банка, филиал банка Мицуи, филиал 100-го банка;

в) банк Намисоку (Мацумото Сигэтаро), 34-й банк, 130-й банк (Мацумото Сигэтаро), банк Ямагути, банк Сумитомо, банк Коноикэ, банк Китако, Осацкий депозитный банк, Японский депозитный банк, филиал «Дайити гинко», филиал 3-го банка, филиал банка Мицуи, филиал банка Мицубиси, филиал «Тэйкоку сёгё гинко»;

г) филиал «Дайити гинко», 30-й банк, 65-й банк, филиал банка Мицуи, филиал Банка звонкой монеты, филиал банка Сумитомо, филиал банка Мицубиси, филиал банка Касима, филиал банка Намисоку, банк Коноикэ, филиал банка Китако;

д) филиал «Дайити гинко», филиал банка Мицуи, Киотоский торгово-промышленный банк, филиал банка Коноикэ, банк Хэйан, филиал банка Касима, филиал банка Китахама (Фудзита), филиал банка Сумитомо;

е) банк Айти, банк Мэйдзи, банк Нагоя, Торгово-промышленный банк, банк Ито, банк Огури, филиал банка Мицуи, филиал «Дайити гинко», филиал банка Коноикэ.

Таким образом, из приведенной табл. 6 явствует, что подавляющая часть вкладов в банковых объединениях шести крупнейших городов страны сосредоточивалась в руках немногим более трех десятков банков (учитывая связи и зависимость многих из них от крупных банков). Ведущие позиции среди них занимали восемь банков: «Дайити гинко», 15-й банк, банки Мицуи, Мидзубиси, Ясуда, Коноикэ, Сумитомо и Банк звонкой монеты с их многочисленными филиалами, раскинувшими свои сети буквально по всей стране. В конце 1901 г. они контролировали более 51 % общей суммы вкладов, приходившихся на указанные банковые объединения крупнейших городов Японии.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что процесс концентрации и централизации банковского дела в Японии на рубеже XIX—XX вв. развивался весьма стремительно и по своим темпам и масштабам значительно опережал концентрацию производства. К началу XX в. в Японии образовалось несколько крупнейших банковых монополий, игравших главенствующую роль в финансовой жизни страны и распоряжавшихся огромным денежным капиталом.

Непосредственное участие банкового капитала в промышленности, ведущее к установлению тесных связей и сращиванию банкового капитала с промышленным и образованию финансового капитала, также начало выявляться в Японии особенно отчетливо в последние годы XIX в., хотя факты непосредственного участия банкового капитала в промышленности наблюдались и раньше, в 80-е и даже в 70-е годы⁷⁵.

Насколько остро стоял в рассматриваемый период вопрос о решающем вмешательстве банкового капитала в промышленную сферу, свидетельствует обострение со второй половины 90-х годов борьбы внутри крупнейших банков и монополистических объединений между сторонниками и противниками новой роли банков, например между двумя виднейшими руководителями концерна Мицуи — Накамигава Хикодзиро⁷⁶ и Масуда Такаси.

---

⁷⁵ Подробнее об этом см. в кн.: Н. Вайнцвайг, *Японские концерны*, М.—Л., 1935.

⁷⁶ Накамигава был племянником крупного общественного деятеля Японии Фукудзава Юкити. Вскоре после революции 1868 г. он

Накамигава Хикодзиро активно проводил курс на превращение фирмы Мицуи в современный промышленный концерн с ведущей ролью в сфере промышленности банка Мицуи.

С этой целью в 1894 г. он создает в банке Мицуи специальный отдел промышленности и привлекает на работу туда лиц с широким экономическим образованием, способных разбираться не только в чисто банковских операциях, но и в общих вопросах промышленности, т. е. способных усилить влияние банка в промышленной сфере. Используя свои связи с Фукудзава Юкити, Накамигава приглашает для работы в управлениях концерна Мицуи лучших выпускников университета Кэйо, имевшего в значительной мере экономический уклон и поставлявшего специалистов, как правило, для предприятий Мицубиси. Накамигава пригласил для работы в фирме Мицуи таких энергичных деятелей, окончивших Кэйо, как Асабуки Хидэдзи, Цуда Кодзи, Вада Тоёдзи, Икэда Сэйхин и др.

Эта линия Накамигава на всемерное расширение деятельности банка и ограничение некоторых сторон деятельности «Мицуи буссан» встретила упорное сопротивление со стороны другого лидера администрации дома Мицуи — Масуда Такаси, который выступал против подобного «промышленного осовременивания» фирмы. Он считал, что Накамигава, стремясь очистить деятельность концерна от ряда издавна присущих ему торговых и ростовщических по своему характеру операций, связанных с деятельностью «Мицуи буссан», и делая главную ставку на использование мощи банка для всемерного закрепления позиций в промышленности, игно-

---

поехал в Лондон получить образование. Там Накамигава познакомился с генро Иноуэ Каору. По возвращении Накамигава на родину Иноуэ устраивает его в министерство торговли и сельского хозяйства, в отдел промышленности. Далее при содействии Иноуэ Накамигава переходит в министерство иностранных дел и в 1879 г. становится начальником отдела государственных займов министерства иностранных дел. В начале 80-х годов Накамигава уходит с государственной службы и по рекомендации Иноуэ — своего рода поставщика сотрудников, преданных семейству Мицуи, — становится главой акционерной железнодорожной компании Санъё. В 1891 г. по совету Иноуэ Накамигава назначается управляющим банка Мицуи, в начале 1892 г. — заместителем генерального директора банка. В дальнейшем Накамигава становится фактически главой в делах всего концерна. Умер он в ноябре 1901 г.

рирует историческое прошлое, традиции Мицуи и пр.⁷⁷. Борьба была очень упорной. Опасаясь за ее исход после своей смерти, Накамигава женит на своей дочери одного из наиболее способных и энергичных чиновников банка, Икэда Сэйхин⁷⁸, надеясь тем самым прочнее втянуть его в курс своей политики. Как и рассчитывал Накамигава, вскоре после его смерти Икэда занял руководящее положение в банке Мицуи. Масуда же под влиянием новых условий, складывавшихся в экономической жизни страны, вынужден был признать и принять курс, начатый Накамигавой.

Курс Накамигава позволил не только создать для Мицуи прочную промышленную базу (за этот период были приобретены и оказались под контролем Мицуи «Канэгафуги босэки», «Маэбаси» и «Симмати босэки», «Одзи сэйси», заводы «Сибаура», «Оосима», «Хоккайдо танко тэцудо кабусики кайся» и т. д.), но и поставить под фактический контроль концерна множество мелких и средних внешне самостоятельных предприятий самых различных отраслей промышленности, используя их зависимость от банка Мицуи.

Подобная же борьба между старым и новым руководством происходила и в концерне Сумитомо. Она отчетливо выявилась и при организации банка Сумитомо, когда главе дома Сумитомо Кйтиэмон Томоито пришлось преодолевать упорное противодействие одного из старейших деятелей фирмы Хиросэ, который резко возражал против создания банка, а также при ведении дальнейших операций в сфере промышленности.

Таким образом, для Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и других владельцев крупнейших банков в этот период характерно, стремление привлечь на работу специалистов, разбирающихся не только в чисто банковских операциях, но и в общих вопросах промышленности и отдельных ее отраслей, облегчив тем самым проникновение влияния банков в промышленность.

---

⁷⁷ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир Японии*, т. I, стр. 393 (яп.).

⁷⁸ Икэда Сэйхин окончил Гарвардский университет в Америке, специализируясь в области экономики и истории. Прослушал специальный курс по организации и ведению банковского дела. В 1895 г. вернулся в Японию. Первоначально работал корреспондентом в газете «Дзидзи симпо», основанной и руководимой Фукудзава Юкити, к кругам которого Икэда был близок. В том же году перешел на службу в банк Мицуи.

Сосредоточив в своих руках монопольные позиции не только в промышленности, но и в банковом деле, крупные капиталистические компании Японии на рубеже XIX—XX вв. начинают превращаться в костяк финансовой олигархии страны. Горстка ведущих банков раскинула свои щупальца буквально во всех отраслях народного хозяйства страны, прямо и косвенно контролируя массу предприятий самых различных масштабов.

Особенно стремительно усиливался контроль крупнейших банков в кризисные годы, когда менее прочные предприятия сталкивались с финансовыми трудностями. Уже говорилось о том, как, например, банк Мицуи в 1897—1898 гг. при помощи кредитных операций поставил под контроль Мицуи ряд мелких и средних прядильных компаний и предприятий.

Ведущие банки выступали и против крупного промышленного капитала, если тот вставал на их пути. Примером может служить нашумевшее в свое время столкновение Мицуи с группировкой предпринимателей хлопкопрядильной промышленности, во главе которой стояли весьма влиятельные промышленники Кансайского района.

В 80—90-е годы между предпринимателями хлопкопрядильной промышленности довольно часто возникали конфликты в связи с нехваткой квалифицированных рабочих, подготовка которых была делом хлопотливым, требовала затраты средств и времени. Поэтому предприниматели часто шли по пути наименьшего сопротивления, предпочитая переманивать рабочих друг у друга.

На этой же почве возник конфликт и у Мицуи с кансайскими предпринимателями. На предприятиях «Канэгафути босэки» не хватало квалифицированных рабочих. Руководство фирмы, стремясь ликвидировать эту нехватку за счет других предпринимателей, облекло свою политику в этом вопросе в самую лицемерную форму. Накамигава Хикодзиро, являясь председателем совета директоров «Канэгафути босэки», в 1897 г. выступил активным пропагандистом теории «сотрудничества труда и капитала». Он призывал к «улучшению» обращения с рабочими, к приближению взаимоотношений предпринимателей и рабочих к «идеалу» и пр. Накамигава, в частности, выступил с «осуждением» пред-

принимателей за плохое обращение с рабочими на кансайских предприятиях. Не без содействия руководства Мицуи слух об этом быстро разнесся, и в результате рабочие с кансайских хлопкопрядильных предприятий стали массами переходить на предприятия «Канэгафути». Объединение предпринимателей хлопкопрядильного производства Кансая заявило в связи с этим протест в адрес «Канэгафути» и потребовало возвратить перешедших рабочих. Накамигава остался верен взятому им курсу и ответил, что... Япония — страна цивилизованная, а в цивилизованных странах нет места насильственному удержанию рабочих, принудительному труду и т. п.

Конфликт Мицуи с кансайскими прядильщиками принял еще более острую форму после того, как компания «Канэгафути босэки» построила большую хлопкопрядильную фабрику в Хёго — главном районе кансайских прядильщиков. (До этого времени предприятия «Канэгафути» в основном сосредоточивались в районе Канто.) Предприятия «Канэгафути» в Хёго с первых же дней существования начали испытывать недостаток в квалифицированной рабочей силе и встали на путь смиривания обученных рабочих с других кансайских хлопкопрядилен.

С этого времени между двумя основными силами прядильной промышленности страны началась настоящая война, исход которой был решен могущественным влиянием банка Мицуи. Кансайские предприниматели в пылу борьбы не рассчитали своих сил, решив распространить ее на другие сферы взаимоотношений с Мицуи. Они обратились к близким им предпринимателям, связанным с морскими перевозками и импортом хлопка, с призывом прекратить торговые сделки с компанией «Канэгафути». Буквально во всех газетах страны они поместили сообщение о том, что объявляют «войну Канэгафути»⁷⁹. В ответ на это Накамигава, занимавший пост вице-президента банка Мицуи и фактически распоряжавшийся делами всей фирмы, принял, как всегда, характерные для него решительные меры. По его распоряжению банк Мицуи отказал кансайским промышленникам и всем, кто был с ними связан, в кредите и льготах, потребовал немедленного возвращения

---

⁷⁹ Отаки Курама, *Королевство Мицуи*, стр. 234 (яп.).

предоставленных им ранее денежных ссуд и т. п. Кансайские предприниматели оказались на грани банкротства и как к последней мере обратились за посредничеством к враждебному Мицуи Ивасаки Яноскэ, президенту «Ниппон гинко». На этом конфликт Мицуи с кансайскими промышленниками и закончился, так как Накамигава был трезвым дельцом и не хотел дойти до столкновения с концерном Мицубиси, руководитель которого в то время возглавлял «Ниппон гинко», тем более что через несколько десятков дней кансайские предприниматели отказались от бойкота «Канэгафути».

Столкновение «Канэгафути» с кансайскими промышленниками было поистине беспрецедентным в истории деловых кругов Японии. По существу компания «Канэгафути» выступила против всех предпринимателей прядильной промышленности Японии, и, поскольку за спиной этой компании стоял могущественный банк Мицуи, она одержала победу.

Активное вмешательство банковского капитала в дела промышленности, сращивание банковского капитала с промышленным, происходившее в Японии с конца 90-х годов стремительными темпами, отчетливо прослеживаются и на примере деятельности одного из крупнейших монополистов страны Ясуда⁸⁰.

Именно под влиянием и при непосредственном участии банка Ясуда возникает, как уже отмечалось, крупнейший в стране трест, сосредоточивший в своих руках 85% всего производства льняного полотна, и Ясуда превращается в одного из крупнейших монополистов в области льняной промышленности. Давние тесные связи банка Ясуда с цементной компанией Асано завершились в 1898 г. реорганизацией цементных предприятий Асано в акционерную компанию с совместным капиталом Ясуда — Асано. (Фраза: «если Асано затевает какое-либо дело, то финансирует его Ясуда» — стала в Японии присказкой⁸¹.) Банкир Ясуда таким образом оказал

---

⁸⁰ Банк Ясуда имел теснейшие связи с 3-м банком, торгово-промышленным банком Мэйдзи, Японским торгово-промышленным банком, с 98-м банком (с 80-х годов), с 22-м банком (с 1901 г.), с 17-м банком (с 1903 г.), со 130-м банком (с 1904 г.) и т. д. См. «Ясуда окоу-но кайбо», Токио, 1925, стр. 63 — далее — «Королевство Ясуда» (яп.).

⁸¹ См. «Подъем и падение японских дзайбацу», стр. 294 (яп.).

ся совладельцем предприятий цементной промышленности.

Так, посредством покупки акций, самостоятельного или совместного с другими предпринимателями учреждения новых компаний банковские капиталисты становились одновременно владельцами промышленных, транспортных и других предприятий, в то время как промышленники также посредством приобретения акций или учреждения банков становились в ряды банковских капиталистов.

Крупные капиталистические монополии, такие, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Сибудзава и др., были, как видно из приведенного материала, обладателями не только крупнейших и важнейших предприятий в различных отраслях промышленности, но и владельцами ведущих банков страны.

К 90-м годам имело собственные банки большинство крупнокапиталистических фирм. Несколько позже (в 1895 г.) учредили собственные банки фирмы Мицубиси и Сумитомо.

Сращивание банкового капитала с промышленным ярко проявлялось в «личной унии» руководителей банковых и промышленных монополий, чему в огромной мере способствовало то обстоятельство, что такие монополистические компании, как, например, Мицуи, возглавлялись одним семейством, насчитывавшим 11 ветвей, и узкой группой его ставленников. Как правило, директора банков были одновременно членами руководящих органов ряда других промышленных предприятий. Японская пресса того времени сообщала, к примеру, что крупный капиталист Мацумото Сигэтаро, принадлежавший к монополистической группировке сацумской буржуазии, совмещал одновременно должности директоров и председателей 36 различных банковых и промышленных объединений. Жалованье его составляло баснословную по тем временам для Японии сумму⁸². Немного уступал ему в совмещении руководящих должностей в банковых и промышленных объединениях глава «Косю дзайбацу» Вакао Иппэй, руково-

---

⁸² См. в кн.: Синобу Сэйсабуро, *Мэйдзи сэйдзи си*, Токио, 1954, стр. 90 — далее — Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи* (яп.).

дивший, помимо «Токио дэнтэ кайся», тремя торговыми конторами, Токийским торгово-промышленным банком и многими другими учреждениями⁸³.

С конца 90-х годов XIX в. и в особенности после экономического кризиса 1900—1902 гг. процесс сращивания банкового и промышленного капитала и образование, таким образом, финансового капитала протекал особенно быстро.

Формирование крупных японских банковых и промышленных монополий происходило не только на базе концентрации капитала и производства. Весьма значительную роль в этом процессе сыграло и то, что правительство Японии предоставляло широкие привилегии сравнительно небольшой группе торгово-ростовщических по своему происхождению фирм, уходивших корнями еще в эпоху феодализма, и дворянским семьям, связанным тесными узами, деловыми и родственными, с высшей правительственной бюрократией.

Это обстоятельство составляет одну из характерных особенностей японского империализма, свидетельствуя о том, что оплетение его пережитками феодализма шло буквально по всем направлениям. Очень интересные данные, говорящие, в частности, о своеобразии путей формирования крупной японской буржуазии, приводила японская пресса того времени. Газета «Дзидзи» опубликовала 23 сентября 1902 г. очень любопытные подсчеты, из которых следовало, что в Японии известно о 441 крупном капиталисте. Капитал каждого из них составлял более 500 тыс. иен. Среди них 88, или 20%, числились как представители сельскохозяйственных кругов, лесопромышленники или крупные помещики; 63 крупных капиталиста из 441 (14,2%) были представителями высшего дворянства (кадзоку) из числа бывших феодалов (даймё)⁸⁴.

Широкое покровительство указанной группе лиц со стороны правительства выражалось в самых различных формах: в продаже за бесценок государственных предприятий, шахт, рудников, золотых и серебряных приисков (табл. 7), судов, выплате огромных средств (от 25 до 33% годовых) за кредиты правительству, в пре-

---

⁸³ «Подъем и падение японских дзайбацу», стр. 36 (яп.).

⁸⁴ См. в кн.: Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 208.

доставлении избранной группе дворянства (кадзоку и сидзоку) государственных займов, в субсидировании, выгодных заказах и т. п.

Таблица 7

**Главнейшие государственные предприятия,
переданные правительством в руки буржуазии ***

Предприятия	Дата передачи	Кому переданы
Горная промышленность		
Угольные копи		
Такасима	декабрь 1874 г.	Гото Сёдзиро. (В апреле 1881 г. переданы им Ивасаки Ятаро)
Абурато	январь 1884 г.	Сирасэ Сигэки (дворянин из префектуры Ниигата)
Серебряные прииски		
Кодзака	сентябрь 1884 г.	Кухара Сёдзабуро
Иннай	декабрь 1884 г.	Фурукава Итибэй
Медные рудники Ани	апрель 1885 г.	" "
Золотые прииски Дай-кацу	февраль 1885 г.	Абэ Сэн (президент горно-рудной компании)
Железные рудники Камаси	1885 г.	Танака Тёбэй
Угольные копи		
Миикэ	1888 г.	Мицуи
Хороути	1889 г.	Акционерная компания «Хоккайдо танко тэцудо кайся»
Золотые прииски Садо	1896 г.	Мицубиси
Серебряные прииски Икуно	1896 г.	"

Судостроение

Верфи		
Хёго	1886 г.	Кавасаки
Нагасаки	1887 г.	Мицубиси

Химическая промышленность

Цементный завод Фукагава	июль 1884 г.	Асано Соитиро
Стекольный завод Синাকাва	май 1885 г.	Нисимура Тодзо

Предприятия	Дата передачи	Кому переданы
-------------	---------------	---------------

Текстильная промышленность

Прядильная фабрика		
Хиросима	1882 г.	Префектура Хиросима
Анти	1886 г.	Компания Синода
Симмати	1887 г.	Мицуи
Шелкомотальная фабрика в Фукуока	1892 г.	Мицуи

* «История Японии», т. 5, стр. 90 (яп).

В результате такой политики уже в 70—80-е годы в руках небольшой группы буржуазии, различной по своему происхождению, оказались крупные предприятия различных отраслей народного хозяйства. В японской историко-экономической литературе эта буржуазия фигурирует в качестве так называемой привилегированной буржуазии. В японском народе она получила еще более меткое определение: «сэйдзитэки сёнин (сэйсё)» — «буржуазия, выросшая на политических махинациях или спекуляциях» («политические торговцы, или торговцы политикой»). Далее этот термин переключался в литературу, правильно характеризуя исторические корни значительной части крупного японского капитала.

Наиболее ярко эта специфическая для Японии роль происхождения и связей видна на примере превращения торгово-ростовщического в прошлом, богатого дома Мицуи в крупную монополистическую компанию и в стремительном продвижении в капиталистическом мире семейства Ивасаки.

Связи дома Мицуи с высшей гражданской и военной бюрократией были весьма широки. Наиболее значительную роль в формировании концерна и распространении его влияния на важнейшие отрасли экономики страны сыграли связи семейства Мицуи с генро⁸⁵ Иноуэ Каору. (Иноуэ Каору поддерживал с Мицуи неразрывные деловые отношения, речь о которых подробнее пойдет далее.) Вскоре же после революции 1868 г. (в 60—

⁸⁵ Генро — старейшины, советники императора; неофициальный институт всемогущих временщиков после революции 1868 г.

70-е годы) фирма Мицуи благодаря связям в правительстве ведала фактически финансами 75 префектур, умножив в огромной мере свое состояние. В 70—80-е годы, когда правительство стало продавать государственные предприятия частным лицам, Мицуи воспользовалась своими правительственными связями и завладела предприятиями в самых различных отраслях—заводами Маэбаси, Симмати, Фукуока и др. С помощью Иноуэ Каору, Ито Хиробуми, Синакава Ядзиро к Мицуи перешли, в частности, крупнейшие в стране угольные копи в Миикэ, в огромной мере обусловившие монопольные позиции этой компании в угольной промышленности. Правительственные связи обеспечивали Мицуи широкие субсидии, выгодные заказы и всякого рода иные привилегии.

Еще бо́льшую роль связи с высшей правительственной бюрократией (и как результат этого — огромные привилегии самого различного рода) сыграли в превращении предприимчивого семейства Ивасаки во владельцев крупнейшего капиталистического концерна Мицубиси. Братья Ивасаки, Ятаро и Яноскэ — наиболее яркие представители так называемых политических торговцев. Использование ими политических связей в целях обогащения было столь беззастенчивым, что не раз вызывало взрыв возмущения даже в буржуазной прессе страны.

Огромную роль в создании концерна Мицубиси сыграл, в частности, граф Гото Сёдзиро — виднейший политический и государственный деятель периода Мэйдзи. Гото Сёдзиро без преувеличения можно рассматривать как одного из основателей концерна Мицубиси.

Вскоре после революции 1868 г. Гото, Сакамото, а также Хаяси Юдзо, вместе с Гото ведавший делами торговой конторы клана Тоса в Осака, устраивают передачу в личную собственность Ивасаки Ятаро всего имущества торговых контор этого клана в Осака и Натасаки, в том числе торговых судов. Этим была заложена основа и определено главное направление деловой активности будущего концерна Мицубиси.

С помощью Гото в личную собственность семейства Ивасаки попали богатые угольные копи Такасима, что позволило Ивасаки занять наряду с Мицуи ведущие позиции в угольной промышленности страны, и другие предприятия. Кроме того, в 1881 г., например, в виде помощи Мицубиси было передано 250 тыс. иен из фон-

да министерства сельского хозяйства, к которому Ивасаки имели самое отдаленное отношение, но которое неоднократно возглавлял Гото Сёдзиро⁸⁶.

Используя свои связи в правительстве, семейство Ивасаки добивалось одной субсидии за другой. За период так называемой тайваньской экспедиции, принятой японским правительством с целью захвата Тайваня в 1874 г., Ивасаки в виде компенсации за перевозку солдат, амуниции и т. д. получили от правительства 13 судов стоимостью 1,5 млн. иен. Во время Сацумского восстания 1877 г. Ивасаки пользовались фактической монополией военных перевозок, за что, не считая различных дополнительных вознаграждений, получили 3 млн. 450 тыс. иен — по тем временам огромную сумму. По мнению, которое было тогда распространено в экономических кругах, в руки Мицубиси перешло около 40 млн. иен, или до трети всех сумм, выделенных на военные расходы⁸⁷.

Покровительством правительства пользовались и Сумитомо, и Субидзава, и другие видные представители буржуазии. Менее выраженную по сравнению с Мицуи и Мицубиси политическую окраску имел концерн Ясуда, однако и он не без выгоды для себя использовал связи с Гото Симпэй и другими членами правительства⁸⁸.

Тесные связи с правительственной бюрократией и, как результат этого, покровительство со стороны государства в огромной мере ускорили превращение в капиталистические монополии страны не только таких старых, феодальных по своему происхождению фирм, как Мицуи или Сумитомо, но и капиталистических объединений типа Мицубиси, выросших после революции. И те, и другие составляли так называемую привилегированную буржуазию, или буржуазию, выросшую при помощи политических махинаций, которая в конце 90-х годов XIX в. начинает стремительно перерастать в монополистическую.

Своеобразие происхождения значительной части крупного японского капитала сказалось на экономиче-

---

⁸⁶ Идзу Кимио, *Люди, творившие историю*, стр. 257 (яп.).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Королевство Ясуда», стр. 89 (яп.).

ской и политической его деятельности и на организационных формах монополий. Для многих из них были характерны феодальная по своему происхождению замкнутость, тесная связь с помещичьим землевладением, близость к выходцам из бывших знатных феодальных домов, занявшим после революции 1868 г. видные государственные посты. Последнее обстоятельство определило, в частности, бóльшую на первых порах ориентацию крупной японской буржуазии на абсолютистскую бюрократию, чем на широкие круги буржуазии, парламент и политические партии.

Вывоз капитала — показатель перерастания японского капитализма в капиталистический империализм

С конца 90-х годов XIX в. все более отчетливо проявляется в Японии и другая важнейшая черта монополистического капитализма — вывоз капитала, черта, которая, как указывал В. И. Ленин, «стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира»⁸⁹.

Уже в 1895 г. при подписании Симоносекского мирного договора с Китаем Япония оговаривает за собой право (§ 4 статьи 6 мирного договора)⁹⁰ заниматься торговлей и промышленной деятельностью во всех открытых для иностранной торговли китайских портах и ввозить для этой цели в Китай промышленное оборудование, станки, машины, учреждать свои концессии и т. п.

Этой статьей договора (руководствуясь принципом «наибольшего благоприятствования») незамедлительно воспользовались другие капиталистические державы. В. И. Ленин в связи с этим писал: «...Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты

⁸⁹ В. И. Ленин, *Империализм и раскол социализма*, — Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 95.

⁹⁰ [Э. Д. Гримм], *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)*, М., 1927, стр. 96—97.

Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»⁹¹. Подписание Симоносекского договора в огромной мере ускорило раздел Китая на «сферы влияния». Быстрыми темпами стал проникать в Китай и Корею иностранный капитал.

Активизировались и японские предприниматели. После подписания договора японские капиталисты, всемерно расширяя сбыт товаров на китайском рынке, одновременно устремились в сферу промышленного производства в самом Китае. В погоне за быстрополучаемой и большей прибылью японский капитал был направлен прежде всего в легкую (преимущественно в текстильную), а также в горнодобывающую промышленность.

В конце 1895 — начале 1896 г. японские фирмы вкладывают капитал в ряд частных китайских текстильных предприятий в Шанхае⁹². Фирма «Найгай вата кайся», например, контролировала в Шанхае прядильную фабрику, имевшую 20 тыс. веретен, другая японская текстильная компания — прядильную фабрику, насчитывавшую 18 тыс. веретен⁹³, и т. д. В 1896 г. японские промышленники учреждают там две хлопкопрядильные фабрики с числом веретен 66 тыс. В 1897 г. среди 595 иностранных фирм в Китае 44 были японскими⁹⁴.

Бурную активность в Китае развивает в этот период Мицуи. «Канэгафути босэки» ставит под свой контроль в Шанхае прядильную компанию и ряд других. В 1902 г. концерн Мицуи приобретает там же у американских дельцов предприятия газовых тканей и учреждает первую компанию по производству газовых тканей в Шанхае⁹⁵. (Особое внимание Мицуи уделяет закреплению позиций в горнодобывающей и железнодорожной отраслях промышленности Китая. В 1899 г. концерн Мицуи получил концессию на сооружение же-

---

⁹¹ В. И. Ленин, *Уроки кризиса*, — Сочинения, т. 5, изд. 4, стр. 74.

⁹² См. С. Л. Тихвинский, *Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй*, М., 1959, стр. 130.

⁹³ W. A. Clark, *Cotton goods in Japan and their competition in the Manchuria market*, p. 55.

⁹⁴ С. Л. Тихвинский, *Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй*, стр. 132.

⁹⁵ «Развитие японского капитализма», т. I, Токио, 1957, стр. 153—154 (яп.).

лезнодорожных линий в провинциях Фуцзянь и Цзянси и на разработку там угольных месторождений⁹⁶.) Под контролем «Мицуи буссан» находилась Учанская угольная компания. В начале XX в. концерн Мицуи постепенно начинает подбираться к рудным богатствам в Дае, в 1904 г. предоставляет заем на сооружение железнодорожных линий в этом железорудном районе и т. д.⁹⁷

Являясь крупнейшим в Японии монополистом в угольной промышленности и закрепляясь в железорудной, концерн Мицуи создавал условия для захвата господствующих позиций в металлургической промышленности.

Активнейшим проводником и сторонником политики вывоза капитала в Китай и Корею стал в эти годы Сибудзава Эйити. В 1898 г., посетив Корею с целью инспектирования своих многочисленных предприятий в этой стране, Сибудзава произнес в Инчхоне (Чемульпо) речь, в которой призвал японскую буржуазию к всемерному проникновению и закреплению в Китае и Корее. Обращаясь к правительству, Сибудзава призывал активно помогать буржуазии, вывозящей капитал в Китай и Корею, широко субсидировать ее и рекомендовал использовать для этой цели даже средства, получаемые от повышения поземельного налога⁹⁸.

Китай, и в особенности его северо-восточная часть, притягивал японских промышленников не только как рынок сбыта японских товаров. Речь шла о превращении Китая в источник сырья для японской промышленности. Именно в этот период вывоз из Северо-Восточного Китая в Японию соевых бобов начал приобретать все большее значение для предприятий, производящих из этого сырья удобрения. Несравненно больше правящие классы Японии интересовались природными богатствами Китая — углем, золотом и в особенности железной рудой.

Крупнейший в Японии металлургический комбинат Явата уже с 1899 г. работал преимущественно на же-

---

⁹⁶ [Б. Б. Глинский], *Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С. Ю. Витте*, Пг., 1916, стр. 94.

⁹⁷ «Развитие японского капитализма», т. I, стр. 153—154 (яп.).

⁹⁸ См. Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 110 (яп.).

лезной руде из Дае. Насколько важна была для японской металлургии китайская железная руда, красноречиво свидетельствуют следующие данные. В 1902 г. из общего количества железной руды, потребляемой металлургическим комбинатом Явата, только 5,7% покрывалось за счет добычи в самой Японии, 1,7% привозилось из Кореи, остальные 92,6% поставляла железорудная компания Дае⁹⁹.

Японские предприниматели настойчиво закреплялись в горнодобывающей промышленности Китая. Японские фирмы перекупали золотопромышленные и другие концессии у иностранных дельцов, упорно домогались получения концессии на разработку каменноугольных копей близ Шэньяна и т. д. Особенную активность японский капитал развивал в южной части Северо-Восточного Китая.

Победа в японо-китайской войне открыла Японии возможность вывоза капитала в ее новую колонию — Тайвань (на сооружение тайваньским генерал-губернаторством сахарного завода и т. п.), а также в Корею.

После подписания Симоносекского договора Корея, как и Китай, стала объектом ожесточенной колониальной борьбы империалистических держав. Начался энергичный вывоз иностранного капитала в Корею. Это в значительной мере подстегнуло Японию, которая наметила сделать Корею своей ближайшей колонией. В сельское хозяйство, горное дело, в железнодорожное строительство Кореи были вложены значительные японские капиталы. Япония контролировала почти всю корейскую внешнюю торговлю.

После 1895 г., ревниво следя за деятельностью иностранного капитала в Корее, японские капиталисты все настойчивее ставят вопрос о своем закреплении в важнейших отраслях экономики этой страны. (Влиятельные органы печати японских деловых кругов того времени, «Токио кэйдзай дзасси», «Тоё кэйдзай симпо» и другие, помещали на своих страницах весьма подробные сведения о проникновении и деятельности американского, английского, французского капитала в Корее и неоднократно поднимали вопрос об угрозе в связи с этим японским интересам и влиянию в Корее.)

---

⁹⁹ «Развитие японского капитализма», т. II, стр. 427 (яп.).

Среди важнейших объектов, контроль над которыми принадлежал японскому капиталу, японская экономическая пресса называла в то время строительство железнодорожной линии Сеул — Пусан, телеграфную сеть Сеул — Инчхон, телеграфную сеть Сеул — Пусан, пароходство на реке Ханган, строительство железнодорожной линии Сеул — Инчхон¹⁰⁰. Помимо этих важнейших объектов, куда был вложен японский капитал, существовало множество других, более мелких по своему значению. Активно развивали, например, экспорт капитала в Корею предприниматели прядильной промышленности. Но в тот период не существовало сколько-нибудь подробной переписи японских предпринимателей в Корею. Японские промышленники настойчиво требовали от правительства проведения обследования и точного учета японских предприятий в Корею и оказания им всемерной помощи.

После войны 1894—1895 гг. правящие круги Японии обеспечили себе крайне выгодные позиции не только в Корею, но и в Китае. Однако очень скоро они убедились, что удержать влияние в этих районах только на базе военных успехов и без значительных капиталовложений в важнейшие отрасли экономики им не удастся. Отсюда шло настойчивое изыскание средств для усиления вывоза капитала.

На пороге XX в. крупная японская буржуазия обладала уже достаточным капиталом для вывоза его в свои колонии и страны, намеченные ею в качестве ближайших объектов колонизации. Однако активность ее в этом вопросе сдерживалась многими обстоятельствами, в частности тем, что и в самой Японии при существовавшем полуколониальном уровне эксплуатации японских трудящихся норма прибыли была очень велика. Кроме того, крупная японская буржуазия привыкла не начинать какое-либо новое дело без активного покровительства правительственных кругов. Примером этого может служить строительство железнодорожных линий в Корею.

В 1894 г. Япония получила у корейского правительства концессию на сооружение железных дорог Сеул —

¹⁰⁰ Сведения об этом публиковались в «Токио кэйдзай дзасси» в мае 1899 г. См. в кн.: Оцука Кинносукэ и Ватанабэ Кэнкити, *Накопление капитала и экономические кризисы*, стр. 53 (яп.).

Инчхон и Сеул — Пусан. В связи с бесконечными разговорами о нехватке капиталов и оттяжках начала строительных работ право на сооружение железнодорожной линии Сеул—Инчхон Япония утратила. В 1896 г. один из американских предпринимателей (Морзе) добился у корейского правительства передачи ему концессии на сооружение этой железной дороги. Одновременно французские капиталисты стали настойчиво добиваться у корейских властей передачи им концессии на строительство железной дороги Сеул — Пусан.

Нависшая угроза потери экономических, а одновременно и стратегических позиций¹⁰¹ в Корее повергла в смятение японскую буржуазию и правительственные круги. Крупнейшие промышленники, банкиры, директора бирж и президенты акционерных компаний развернули энергичную деятельность за возвращение утраченных позиций. Огромную заинтересованность в этом деле проявили руководители Мицуи и Мицубиси, Ясуда и Окура, Сибудзава и другие тузы финансово-промышленного мира Японии. Они создали специальное объединение, поставившее своей задачей вернуть права на утраченную концессию. В итоге, получив от правительства огромную субсидию (1800 тыс. иен), гарантию выгод и интересов, крупные японские капиталисты в январе 1899 г. выкупили у американского дельца Морзе концессию на сооружение железнодорожной линии Сеул — Инчхон. В феврале того же года для строительства дороги специально была создана акционерная компания с оплаченным капиталом 725 тыс. иен¹⁰², президентом которой стал Сибудзава Эйити. К концу 1901 г. завершилось сооружение железнодорожной линии Сеул — Инчхон, а в 1904 г. закончилось строительство железной дороги Сеул — Пусан, намного превышавшей длину линии Сеул — Инчхон.

---

¹⁰¹ Маршал Ямагата заявил в связи с этим: «Сооружение железнодорожной линии Сеул — Пусан совершенно необходимо с точки зрения перспектив обороны империи и политики в отношении Кореи. Я со всей настойчивостью подчеркиваю важность этого мероприятия и требую единства кабинета и отклонения всех и всяких возражений» [Цит. по кн.: Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 110 (яп.)].

¹⁰² Иноуэ Кнёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 223 (яп.); Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 110 (яп.).

При активной помощи и поддержке правительства осуществлялся и экспорт капитала в Китай, где Япония также с первых шагов столкнулась с противодействием иностранного капитала. Серьезная угроза создавалась, в частности, позициям Японии на рудниках в Дае в связи с энергичным проникновением туда германского капитала. Для закрепления за собой этих железорудных источников Япония в 1903 г. через свой Промышленный банк заключила соглашение о предоставлении китайской железорудной компании в Дае займа на сумму 3 млн. иен, что фактически означало установление над ней японского контроля.

Большую роль в вывозе капитала играли отдел вкладов министерства финансов и важнейшие банки Японии: Промышленный («Нихон когё гинко»), Иокогамский банк звонкой монеты («Иокогама сэйкин гинко»), и др., на долю которых приходилось до 50% всех японских капиталовложений за границей¹⁰³.

Эти банки играли огромную роль в осуществлении колонизационной политики Японии в Китае. В 1900 г. в порту Северо-Восточного Китая Нючжуан Иокогамский банк звонкой монеты учредил свой филиал, призванный финансировать и направлять деловую активность японских предпринимателей в этом районе Китая. Нючжуан стал опорным пунктом японского империализма в Северо-Восточном Китае. В 1902 г. Иокогамский банк учредил свой филиал в Тяньцзине, в 1904 г. — в Даляне.

Тайваньский банк, созданный в 1899 г. в целях колонизации Тайваня, уже в 1900 г. открыл свой филиал в Сямыне (Амое), а в 1905 г. заключил соглашение о предоставлении значительного займа местным китайским властям провинции Фуцзянь.

По подсчетам американского экономиста Ремера, за весьма короткий срок к 1902 г. Япония имела в Китае капиталовложений на 1 млн. долларов¹⁰⁴. О темпах роста японских капиталовложений в Китае в тот период

---

¹⁰³ Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Тайсё*, стр. 44—45 (яп.).

¹⁰⁴ С. Remer, *Foreign investment in China*, New York, 1933, p. 549. — По курсу того времени 1 иена равнялась 0,4984 доллара (см. U. Kobajashi, *War and armament takes of Japan*, New York—London, 1923, p. XIV).

можно судить уже по тому, что одни только вложения в рудники Дае в 1903 г. значительно перекрывали сумму, указанную Ремером.

С конца 80 — начала 90-х годов капиталистические круги Японии стали упорно поднимать вопрос о создании в стране условий для привлечения иностранного капитала с целью использования значительной его части для вывоза в Корею, Китай и т. д. Именно этим диктовалось, в частности, введение в 1897 г. золотого стандарта. Японский промышленный банк, ставивший одной из своих задач привлечение иностранного капитала, в значительной мере использовал его для вывоза на акционерных началах в Китай. За десятилетие (1902—1912) этот банк вывез около 44% иностранного капитала. Японская буржуазия настойчиво требовала от правительства использования иностранных займов для субсидирования новых предприятий и промышленных компаний, учреждаемых ею в Китае и Корее¹⁰⁵.

Трудно сколько-нибудь точно определить размеры вывезенного Японией за границу капитала в рассматриваемый период. Сведения об этом очень разрознены и неполны. [Так, Япония в 1895 г. предоставила заем Корее 3 млн. иен и в 1903 г. Китаю — 400 тыс. лян, получила большую концессию для развития шелководства в Бангкоке (Сиам, ныне Таиланд) и т. д.] Однако совершенно очевидно, что вывоз капитала стал играть для японского капитализма чрезвычайно важную роль и развивался как за счет ссудного капитала, так и за счет непосредственных вложений в промышленность.

Таким образом, можно сказать, что вывоз капитала, приобретающий особо важное значение на империалистическом этапе развития капитализма, к началу XX в. начинает становиться характерным явлением и для Японии.

Некоторые специфические особенности японского империализма

В Японии, как и во всякой другой стране, переход капитализма в империализм подготавливался и разви-

---

¹⁰⁵ См. Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Тайсё*, стр. 44 (яп.), «Рэкисагаку кэнкю», 1956, № 195, стр. 7.

вался в период господства в стране промышленного капитализма на основе всех его исторических особенностей. Незавершенная, половинчатая буржуазная революция в Японии, обусловившая сохранение многих феодальных пережитков в экономической, политической и общественной жизни, породила определенную специфику исторической обстановки, в которой происходило развитие японского капитализма. Это не могло не наложить отпечатка и на формирование отличительных черт японского империализма.

В рассматриваемый период сравнительно быстро развивались легкая, главным образом текстильная, промышленность, судостроение и военные отрасли, стимулировавшиеся военными заказами правительства, горнодобывающая промышленность; металлургия и машиностроение — медленнее. В условиях преобладания легкой промышленности, при относительно слабом развитии металлургии и машиностроения, несмотря на усилия, которые предпринимались после японо-китайской войны, и происходил переход японского капитализма в империализм.

В конце 1899 г. из 104 крупных предприятий с числом рабочих более 500 было 62 прядильных, 6 шелкомотальных и лишь 3 машиностроительных¹⁰⁶. Таким образом, ведущая роль среди крупных предприятий принадлежала текстильной промышленности. Другой пример: в 1900 г. из 7172 предприятий, учитываемых статистикой, 4156 (или 58%) были текстильные. На них было занято около 60% рабочих всех фабрично-заводских предприятий и находилось более 45% мощности механических двигателей (в пересчете на лошадиные силы)¹⁰⁷.

Преобладание легкой промышленности при относительно слабом развитии тяжелой, главным образом металлургии и машиностроения, характерно не только для раннего этапа формирования японского империализма. Оно сохранилось и в более поздний период, когда уже можно было говорить об окончательном вступлении японского капитализма в империализм. Представление об этом дает табл. 8.

---

¹⁰⁶ Окадзаки Сабуру, *Этапы развития капитализма в Японии*, стр. 64.

¹⁰⁷ «Japan in the beginning of the XX-th century», p. 403 (расчеты мои.— И. Б.).

Таблица 8

Соотношение отраслей легкой и тяжелой промышленности (%) *

Промышленность	1904 г.		1907 г.		1912 г.	
	предприятия	рабочие	предприятия	рабочие	предприятия	рабочие
Легкая	77,8	70,4	76,1	70,9	79,8	78,8
Тяжелая	22,2	29,6	23,9	29,1	20,2	21,2

* Мори Киити, *Нихон когё косэй си*, Токио, 1943, стр. 259—260—далее — Мори Киити, *История формирования японской промышленности* (яп.).

Эти официальные данные, характеризующие удельный вес тяжелой промышленности, занижены, так как из поля зрения фабрично-заводской статистики выпадали государственные предприятия, подавляющую часть которых составляли предприятия тяжелой индустрии.

После 1895 г. особое внимание уделялось военным отраслям. Были созданы новые военные и военно-морские арсеналы, а также значительно расширены и переоборудованы (с учетом повышения уровня военной техники) старые, в частности арсеналы в Токио и Осака, выпуск продукции которых в послевоенные годы удвоился¹⁰⁸. В военно-морском порту Курэ при помощи огромной правительственной субсидии был сооружен арсенал по производству брони для военных кораблей, в Майдзуру открыты новые доки для постройки миноносцев, в Оминато — судоремонтные мастерские, в Мэтуро переоборудован и расширен пороховой завод.

О темпах роста военных отраслей можно судить хотя бы по тому, что с 1893 по 1906 г. число рабочих и двигателей (по мощности) в военных и военно-морских арсеналах увеличилось соответственно почти в 10 и более чем в 42 раза.

Говоря о тенденциях в промышленном развитии страны в 1895—1905 гг., следует также отметить, что характерной чертой послевоенного периода в отличие от довоенных лет было усиление роста тяжелой промыш-

¹⁰⁸ Kobajashi Ushisaburo, *Military industries of Japan*, New York, 1922, p. 64.

ленности, а также относительное уменьшение удельного веса легкой промышленности¹⁰⁹. Росло число компаний, увеличивались инвестиции капитала в тяжелую промышленность (судостроение, станкоинструментальную, газовую, нефтяную и электропромышленность и т. д.). В станкоинструментальной отрасли, например, с 1896 по 1903 г. число компаний выросло с 34 до 100, а оплаченный капитал их увеличился с 5327 тыс. до 13 588 тыс. иен¹¹⁰. Относительное уменьшение удельного веса легкой и прежде всего текстильной промышленности (при продолжавшемся увеличении ее в абсолютных цифрах) прослеживается на следующем примере: доля текстильных компаний в общей сумме оплаченного капитала всех компаний за десятилетие (с конца 1893 по конец 1903 г.) сократилась с 9,7 до 6,3% (в шелководании — с 2,4 до 0,7%, в хлопкопрядении — с 5 до 4,5% и т. д.)¹¹¹.

Однако, несмотря на наметившийся крен в сторону усиления развития тяжелой промышленности, в особенности военной, преобладала в рассматриваемые годы легкая промышленность. Это явление, отнюдь не характерное для монополистического капитализма, составило одну из специфических черт японского империализма, обусловивших в конечном итоге его сравнительную слабость — обстоятельство, которое неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Он указывал, что Япония «сравнительно слаба экономически»¹¹², что «она никакой самостоятельной силы финансовой и военной без поддержки другой страны иметь не может»¹¹³. Это отчетливо выяснилось уже во время русско-японской войны 1904 — 1905 гг., которую Япония вела при огромной финансо-

---

¹⁰⁹ Японский экономист Норо Эйтаро отмечает, что усилению развития тяжелой промышленности способствовало, в частности, учреждение Банка звонкой монеты, торгово-промышленных банков округов и префектур, обеспечивавших промышленников долгосрочным кредитом (см. *«История развития японского капитализма»*, стр. 67).

¹¹⁰ Мори Киити, *История формирования японской промышленности*, стр. 114 (яп.).

¹¹¹ Норо Эйтаро, *История развития японского капитализма*, стр. 67 (яп.).

¹¹² В. И. Ленин. *Речь на собрании актива московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г.* — Сочинения, т. 31, изд. 4, стр. 414.

¹¹³ В. И. Ленин, *II конгресс Коммунистического Интернационала*, — Сочинения, т. 31, изд. 4, стр. 202.

вой и экономической помощи со стороны США и Англии. Империалистические круги США и Англии были основными поставщиками оружия, боеприпасов, военного оборудования, подвижного состава, военно-стратегического сырья и других товаров, необходимых для военных нужд Японии. Достаточно сказать, что более 60% жидкого горючего, израсходованного Японией в ходе войны с Россией, поставили Соединенные Штаты Америки. Слабое развитие тяжелой промышленности, нехватка сырьевых и энергетических ресурсов обуславливали в конечном итоге военно-экономическую слабость Японии, несмотря на огромное внимание к вопросам вооружения. Война и связанные с нею огромные расходы оказались непосильным бременем и для японских финансов. Более чем наполовину война против России велась на средства пяти англо-американских займов (927 млн. иен)¹¹⁴. Как писала в то время газета «Нью-Йорк таймс»: «Весьма вероятно, что без помощи США финансовые планы Японии провалились бы и сама война сделалась бы невозможной»¹¹⁵. В более завуалированном виде признавали это и японские государственные деятели. Известно, что одной из важнейших целей введения в 1897 г. золотого стандарта в Японии было получение иностранных займов. Поскольку на известный период это осложняло экспортные операции преимущественно с Китаем, где денежная система базировалась на серебре, значительная часть японской буржуазии, в том числе и «Босэки рэнгокай», отнеслась к этому мероприятию правительства очень отрицательно. Протестовал против введения золотого стандарта и Сибудзава Эйити. Впоследствии же он писал, что с его стороны это было простой недальновидностью, так как, не введя золотого стандарта, Япония попала бы в очень трудное положение во время русско-японской войны, не получив иностранных займов¹¹⁶.

Несмотря на стремительные темпы роста японской промышленности в рассматриваемый период, Япония в

---

¹¹⁴ См. Б. А. Романов, *Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907*, М.—Л., 1955, стр. 653.

¹¹⁵ Цит. по кн.: А. Добров, *Дальневосточная политика США в период русско-японской войны*, М., 1952, стр. 151.

¹¹⁶ См. Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 217 (яп.).

целом значительно отставала в экономическом развитии от передовых капиталистических стран, о чем свидетельствует табл. 9.

Таблица 9

**Добыча угля и выплавка чугуна и стали
по странам (млн. т) ***

Страна	Уголь		Чугун		Сталь	
	1895 г.	1900 г.	1895 г.	1900 г.	1895 г.	1900 г.
Англия	192,7	228,8	7,8	9,1	3,3	5,0
США	175,2	244,6	9,6	14,0	6,2	10,3
Германия	79,2	109,3	4,8	7,5	3,9	6,5
Франция	28,0	33,4	2,0	2,7	0,9	1,6
Япония	4,8	7,5	0,02	0,02	—	0,001

* «Капиталистические страны в 1913, 1920—1936 гг.». Статистический сборник, т. I, М., 1937, стр. 68—69, 242—243, 270—271. — Данные по Японии взяты из кн.: «Статистический обзор экономики Японии», стр. 769, 770.

С пуском в 1901 г. металлургического комбината Явата выплавка чугуна уже в этом году увеличилась почти в 2,5 раза (с 23 до 56 тыс. т), однако потребности страны в металле по-прежнему более чем наполовину покрывались за счет импорта. Подобная же картина наблюдалась и в судостроении. Если в области строительства судов торгового флота на производство в самой Японии приходилось всего 31%, то военные корабли, спущенные на воду в Японии за период с 1894 по 1903 г., по тоннажу составляли лишь 7,7%¹¹⁷. 92,3% всех военных судов за это же десятилетие было сооружено на иностранных верфях.

Имея в виду именно относительную финансово-экономическую слабость Японии, В. И. Ленин при определении места различных империалистических стран причислял ее к державам второстепенным — «первоклассные, но не вполне самостоятельные»¹¹⁸.

¹¹⁷ Ямада Моритаро, *Развитие фабрично-заводской промышленности*, стр. 32 (яп.).

¹¹⁸ «Ленинский сборник XXII», М., 1933, стр. 335.

С этой специфической чертой японского империализма в известной мере была связана и другая его особенность.

Сильные феодальные пережитки в экономике страны привели к тому, что японский капитализм не смог развиваться в полной мере во всех отраслях хозяйства. Японский капитал встал на путь всемерного использования феодальных пережитков, дополняя методы капиталистической эксплуатации докапиталистическими. В промышленности это выражалось в кабальной контрактации рабочих, в системе принудительных общежитий, выдаче заработной платы в денежной форме наряду с натуральной и т. д. Вместе с помещиками японские монополии извлекали выгоды из сохранения феодальных пережитков и в японской деревне. Хроническая задолженность крестьянства, выросшая из аренды, заставляла крестьян прибегать к банковскому кредиту, и в конечном счете они оказывались в зависимости от банков. Промышленные монополии грабили крестьян, устанавливая монопольные цены при закупке сельскохозяйственного сырья и продаже промышленных изделий. Помимо всего, в рассматриваемый период для крупнейших японских монополий при всем разнообразии возникновения и форм их организации, будь то Мицуи или Сумитомо (корни которых уходили в глубь феодальных времен), или Мицубиси (выросшего и окрепшего в ходе революции 1868 г. и наиболее походившего на европейские монополистические объединения), или группировки Косю, Оми, Сацума и другие, оставшиеся верными старым «клановым привязанностям» даже при переходе к новейшим формам капиталистического предпринимательства, была характерна общая черта, составляющая одну из отличительных особенностей японского монополистического капитала. Невозможно назвать буквально ни одной сколько-нибудь крупной монополистической компании, владельцы которой к этому времени не обладали бы значительными земельными участками. Располагались эти участки не только вблизи торговых и промышленных центров, как это было в других капиталистических странах, но главным образом в сельских местностях. В управленческом аппарате этих компаний наряду с отделами торговли, промышленности, банков и т. п. существовали специальные отделы, которые осу-

ществляли контроль за принадлежавшими компаниям земельными владениями.

Семейство Мицуи времен Мэйдзи было известно не только как крупнейший банкир, промышленник и торговец, но и как крупнейший землевладелец. Земельные угодья в городских и сельских местностях, целинные земли, принадлежавшие Мицуи, раскинулись буквально во всех районах страны¹¹⁹. Для удобства контроля за ними были созданы многочисленные земельные агентства. Только при токийском земельном отделе насчитывалось десять таких агентств в крупнейших кварталах города (Нихонбаси, Канда, Усигомэ, Акасака, Коисикава, Ёцуя, Конго и др.). Филиалы земельного отдела Мицуи были в городах Иокогама, Кобэ, Осака, Киото, на Хоккайдо и в самых различных уголках страны. Огромную роль в расширении земельных владений фирмы играл банк Мицуи. В 90-е годы, например, Мицуи путем беззастенчивых махинаций завладела еще одним весьма значительным земельным участком в несколько десятков тысяч цубо¹²⁰, в результате того, что в свое время выходцы из бывшего клана Сацума под залог огромных площадей в Сацума получили у банка Мицуи денежную ссуду¹²¹.

Самым крупным в стране помещиком, владельцем лесных угодий было семейство Сумитомо. Если в качестве одного из крупнейших предпринимателей страны Сумитомо в 80—90-е годы XIX в. платил подоходный налог более 3500 иен ежегодно, то сумма ежегодно уплачиваемого им поземельного налога составляла немногим меньше — 3200 иен¹²².

Крупными земельными угодьями владели и Мицубиси, и Фурукава, и другие центральные и так называемые местные дзайбацу («тихотэки сихонка»).

Особенно энергично буржуазия стала приобретать земельные участки со второй половины 90-х годов. В эти годы все более прочно внедрялась система так называемых отсутствующих помещиков, когда капиталисты с целью получения арендной платы скупали земельные

---

¹¹⁹ См. Тоябэ Сютэй, *Сочинения*, т. 2, стр. 541 (яп.).

¹²⁰ 1 цубо = 3,31 м².

¹²¹ См. Сираянаги Сюю, *Финансовый мир*, т. I, стр. 303 (яп.).

¹²² Тоябэ Сютэй, *Сочинения*, т. 2, стр. 559 (яп.).

участки. Такого рода отсутствующими помещиками были, например, руководитель монополистической группировки Косю, известный предприниматель Вакао Иппэй, крупные капиталисты Катакура, Амэмия Кэйдзи, владевший наряду с рудниками, копиями, нефтяными компаниями еще и обширными земельными угодьями и целиной, и многие другие. Лидер «Косю дзайбацу» Вакао Иппэй, в частности, получал от сдачи в аренду принадлежавших ему земель ежегодно ренту в размере 15 тыс. хё¹²³ нелущеного риса.

По данным обследования, проведенного японским министерством сельского хозяйства и торговли, особенно быстро число такого рода капиталистов, ставших одновременно крупными отсутствующими помещиками, начало расти после японо-китайской войны.

Таким образом, японский монополистический капитал опирался на полуфеодалную эксплуатацию крестьянства не только косвенно, но и непосредственно. Сочетание в одном лице руководителя или акционера какого-либо капиталистического предприятия и помещика, занимающегося полуфеодалной по своему характеру эксплуатацией крестьянства, было характерным явлением для японской буржуазии. Деревня превращалась для японских капиталистов в своеобразную внутреннюю колонию. Вложив капитал с целью приобретения земельного участка, тот или иной предприниматель, не затрачивая более ни гроша, обеспечивал себе постоянный приток средств от сдачи этой земли в аренду, занимаясь своеобразной «стрижкой купонов».

Чем больше финансовый капитал использовал пережитки феодальных отношений, углубляя нищету деревни и доводя до полуколониального уровня эксплуатацию пролетариата, тем больше сокращался платежеспособный спрос населения, препятствуя развитию японского капитализма.

Узость внутреннего рынка с самого начала толкала японских капиталистов на захват внешних рынков. Президент картеля «Босэки рэнгокай» Камисака Сэитаро следующим образом характеризовал настроения японских предпринимателей прядильной промышленности

---

¹²³ «Подъем и падение японских дзайбацу», стр. 36 (яп.).— 1 хё = 70 л.

уже во время кризиса 1890 г.: «На съезде „Босэки рэнгокай“ в ноябре 1880 г.,— отмечал он,— было принято решение, в котором говорилось, что для преодоления создавшегося тяжелого положения (со сбытом.— И. Б.) имеется только одно средство—расширение сбыта. Расширить же его можно лишь при помощи экспорта. Это было единодушным мнением всех членов „Босэки рэнгокай“. Развитие прядильной промышленности может быть достигнуто только при помощи вывоза за границу, а если говорить конкретно, с учетом обстановки того времени,—вывоза в Китай. Другого пути нет... Таково было единодушное устремление предпринимателей этой отрасли... Следовательно, прядильные компании в то время все свои усилия прилагали к расширению вывоза в Китай»¹²⁴.

В начале XX в., после экономического кризиса 1900 г., вопрос о внешних рынках приобрел еще большую остроту. Осведомленные японские крути писали в то время, что прядильная промышленность, в частности, без выгодного вывоза на внешние рынки 2300 тыс. кип хлопчатобумажной пряжи попала бы в очень тяжелое положение и предприниматели не сумели бы удержать прежние цены на свою продукцию на внутренних рынках¹²⁵.

Японский капитал, как уже отмечалось, проявлял все больший интерес к природным богатствам соседних слаборазвитых стран. Указание В. И. Ленина о том, что «к многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья; за вывоз капитала; за «сферы влияния» — т. е. сферы выгодных сделок, концессий, монополистических прибылей и пр.—наконец за хозяйствен-

¹²⁴ Цит. по кн.: Оцука Кинноскэ и Ватанабэ Кэнкити, *Накопление капитала и экономические кризисы*, стр. 22 (яп.).

¹²⁵ См. Осима Кйёси, *История кризисов в Японии*, стр. 244 (яп.).

О том, насколько сильно отразился экономический кризис 1900—1902 гг. на японской текстильной промышленности, можно судить по следующим данным. В связи с перепроизводством хлопчатобумажной пряжи с июля 1900 по март 1901 г. были приостановлены ночные работы (или более 40% веретен). С июля 1902 по декабрь 1902 г. ночные работы были приостановлены вновь. Во время кризиса 1890 г. только в течение месяца было введено восемь нерабочих дней, а во время кризиса 1907—1908 гг. бездействовало 27,5% веретен [*«Статистический справочник по экономике Японии»*, стр. 672 (яп.)].

ную территорию вообще»¹²⁶, в полной мере относилось и к японской монополистической буржуазии.

Однако к этому времени мир был уже поделен и внешние рынки заняты другими капиталистическими хищниками. В то же время относительная финансово-экономическая слабость Японии не давала ей возможности рассчитывать на успех в экономической конкуренции с другими империалистическими державами. Отсюда проистекала особая агрессивность японского империализма — выдвижение на первый план «монополии военной силы». Несмотря на огромную роль банков и экспорта капиталов в эпоху империализма, японский империализм в своей борьбе за «место под солнцем» опирался главным образом на военную силу, на прямой захват, на внеэкономическое принуждение. Военные захваты должны были расчистить дорогу господству финансового и промышленного капитала Японии, который был еще недостаточно силен, чтобы пробить себе дорогу самостоятельно. Именно это и имел в виду В. И. Ленин, говоря о том, что «в Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»¹²⁷.

---

¹²⁶ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 285.

¹²⁷ В. И. Ленин, *Империализм и раскол социализма*, — Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 104.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ КРУПНОЙ ЯПОНСКОЙ БУРЖУАЗИИ

Связи крупной монополистической буржуазии с государственным аппаратом страны

На рубеже XIX—XX вв. финансовый капитал, сконцентрированный в руках 10—15 так называемых богатых домов и пользовавшийся фактической монополией, все более уверенно занимал господствующее положение в экономике Японии и оказывал огромное влияние на политическую жизнь страны. Говоря о всевластии капитала и средствах проведения этого всевластия в жизнь, В. И. Ленин указывал: «Раз господствует товарное производство, буржуазия, власть денег — подкуп (прямой и через биржу) «осуществим» при любой форме правления, при любой демократии.

Спрашивается, что изменяется в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т. е. домонополистического капитализма монополистическим?

Только то, что власть биржи усиливается! Ибо финансовый капитал есть крупнейший, доросший до монополии, промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом. Крупные банки сливаются с биржей, поглощая ее. (В литературе об империализме говорят о падении роли биржи, но только в том смысле, что всякий гигантский банк сам есть биржа)»¹. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что господство монополий в экономике «с абсолютной неизбежностью пронизывает *все*

---

¹ В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»*, — Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 35.

стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей»².

Правильность этого ленинского определения отчетливо видна и на примере Японии конца XIX — начала XX в., несмотря на специфику политического устройства и огромное количество «частностей», связанных с особыми историческими условиями, в которых проходило формирование японского капитализма и перерастание его в монополистический империализм.

Важной вехой в политической истории Японии явилась японо-китайская война 1894—1895 гг., в огромной мере ускорившая развитие японского капитализма и перерастание его в монополистический. Именно после японо-китайской войны все более очевидной становится перегруппировка сил внутри правящего помещичье-буржуазного блока, все более заметным и ощутимым усиление политической роли буржуазии вообще и крупной монополистической буржуазии в особенности³.

Это прослеживается в правительстве, в парламенте, в политических партиях. Остановимся прежде всего на связях крупной монополистической буржуазии с наиболее видными государственными деятелями Японии того периода, с правительством, где руководители монополистических объединений, а чаще их прямые ставленники (нередко даже близкие родственники) занимали посты премьеров и т. д.

Корни подобных связей часто уходят в более ранние годы, что объясняется специфическими условиями, в которых проходило формирование японского капитализма. К такого рода связям следует прежде всего отнести взаимоотношения семейства Мицуи с выходцами из бывшего феодального клана Тёсю, семейства Ивасаки (Мицубиси) — с деятелями из кланов Тоса и Сацума

---

² В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 225.

³ Видный японский прогрессивный историк Синобу Сэйсабуро в специальном исследовании, посвященном политической истории периода Мэйдзи, отмечает, что политическая история после японо-китайской войны по сравнению с довоенным периодом совершенно иная [см. Синобу Сэйсабуро, *Мэйдзи сэйдзи си*, Токио, 1954, стр. 84, далее — Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи* (яп.)].

и т. п. По мере укрепления позиций монополистического капитала в экономике страны эти связи ширились и углублялись, приобретая все более прочный характер и образуя своего рода «личную унию» монополистического капитала с правительством. К концу XIX в. в Японии уже трудно было назвать какого-либо видного государственного деятеля, у которого не было бы самых тесных деловых или родственных отношений с крупнейшими представителями финансово-промышленного мира — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и др.

В связи с тем, что в Японии было не принято совмещать ответственный правительственный пост с официальным руководством каким-либо крупным капиталистическим объединением, установилась практика, при которой крупнейшая буржуазия стремилась тем или иным способом провести на важный государственный пост своего ставленника, связанного с той или иной фирмой. Сложилось своеобразное разделение «труда», при котором такого рода правительственный деятель (чаще всего родственник), служа верой и правдой интересам своей фирмы, используя свое положение, приумножал богатства и влияние фирмы. Фирма со своей стороны обеспечивала его материально на случай возможной отставки. Таких примеров множество. Наиболее яркие из них — отношения семейства Мицуи с Иноуэ Каору, Ивасаки — с Гото Сёдзиро, Сумитомо — с Сайондзи Кимимоти и др.

С концерном Мицуи в большей или меньшей степени явно, но очень прочно были связаны влиятельнейшие генро страны, неоднократно занимавшие посты премьер-министров, министров, членов и председателей Тайного совета (высшего консультативного органа при императоре), — Иноуэ Каору, Ямагата Аритомо, Ито Хиробуми, Синакава Ядзиро и многие другие.

Связи семейства Мицуи с выходцем из Тёсю Иноуэ Каору были широко известны. В первом издании японского ежегодника за 1905 г. в биографическом очерке влиятельных сил страны прямо указывалось, что вся деятельность Иноуэ Каору была подчинена интересам семьи Мицуи. Генро Иноуэ был одним из главнейших проводников интересов Мицуи в правительственных кругах, влиятельнейшим советником в делах компании. Отношения Иноуэ с Мицуи строились на прочной деловой

основе, установившейся еще в самом начале 70-х годов.

В 1873 г. Иноуэ уходит с государственной службы и основывает крупную торговую компанию «Сэнсю кайся», занимавшуюся внешнеторговыми операциями. Президентом компании официально становится сам Иноуэ. «Сэнсю кайся» существовала более трех лет и вела очень успешные операции. Однако вскоре Иноуэ вновь возвращается на государственную службу, а торговую контору «Сэнсю кайся» вместе с верными ему руководящими работниками передает дому Мицуи. Именно тогда на службу к Мицуи и перешел, в частности, протеже Иноуэ, вице-президент «Сэнсю кайся» Масуда Такаси, возглавивший затем «Мицуи буссан кайся». Вскоре «Сэнсю кайся» была объединена с торговой конторой Мицуи «Кокусанбо». К этому времени торговая контора Мицуи ведала только вопросами внутренней торговли, а внешней торговлей она стала заниматься лишь в результате объединения с «Сэнсю кайся». Именно на основе этого объединения в 1876 г. была создана компания «Мицуи буссан кайся». Вскоре «Мицуи буссан кайся», в создании которой немалую роль сыграл Иноуэ Каору, стала самой крупной в Японии компанией, занимавшейся не только внутренней, но и внешней торговлей.

Более завуалированными, но не менее прочными были связи семейства Мицуи с маршалом Ямагата Аритомо, генро, неоднократным премьером, лидером японской военщины.

Установление связей Ямагата с Мицуи относится к 80-м годам, когда тесть Ямагата Исикава Ёсихиро стал занимать ответственный пост в банке Мицуи⁴. (Исикава Ёсихиро удостоился даже «честь» быть названным в числе высокопоставленных чиновников банка в юбилейном издании «50 лет банка Мицуи».) Однако связи Ямагата с семейством Мицуи этим не ограничивались.

⁴ Дом Исикава относился к числу знатнейших в клане Тёсю. Малоизвестный командир кихэйтай, незнатного происхождения, Ямагата был с негодованием отвергнут Исикава Ёсихиро, когда осмелился просить руки его дочери. Тогда Ямагата с помощью своих подчиненных выкрал дочь Исикава и без всякого согласия Исикава женился на ней. Поставленный перед свершившимся фактом, Исикава должен был примириться с Ямагата. Несомненно, что видное положение тестя в финансовом мире не могло не сказаться на быстром продвижении Ямагата по служебной лестнице [см. Сираянаги Сюко, *Дзайкай тайхэйки*, Токио, 1929, т. I, стр. 482—486 — далее — Сираянаги Сюко, *Финансовый мир* (яп.)].

После смерти первой жены Ямагата на склоне лет (в 90-е годы XIX в.) женился вторично на одной из известных гейш Симбаси. Ее родная сестра, тоже известная гейша, была наложницей Масуда Такаси, ставшего после смерти Накамигава генеральным директором фирмы Мицуи. Связь Масуда с этой гейшей была очень прочна и широко известна. Их ребенок был официально признан сыном Масуда и впоследствии стал главой текстильной компании «Одавара босэки» Масуда Нобуё, унаследовав фамилию отца. Между Ямагата и фактическим главой компании Мицуи Масуда установились очень тесные, дружественные отношения. В Одавара по соседству с особняком наложницы Масуда на его средства был построен еще один роскошный особняк и преподнесен в дар Ямагата. Этот особняк в Одавара, в котором поселилась жена Ямагата, служил местом частых встреч Масуда с Ямагата.

Несколько особо стоит фигура генро Ито Хиробуми, представителя клана Тёсю, давние связи которого с семейством Мицуи были известны и весьма широко рекламировались. Однако деятельность Ито в 90-е годы позволяет говорить о том, что он начинает несколько отдаляться от Мицуи и постепенно сближаться с другим столпом капиталистического мира Японии — компанией Мицубиси, основатели которой, братья Ивасаки, немало потрудились для этого⁵. Окончательного же разрыва

---

⁵ Японский историк Сираянаги Сюко приводит очень любопытные сведения. В ходе работы над своей книгой он посетил одного из приближенных Ивасаки Яноске — Цурухара Дзёкити, занимавшего посты начальника отдела в «Ниппон гинко», когда президентом его был Ивасаки Яноске, затем главы акционерной железнодорожной компании «Кансай тэцудо кабусики кайся», мэра Осака в годы русско-японской войны. По словам Цурухара, заветной мечтой братьев Ивасаки было привести к власти в стране Окума Сигэнобу совместно с Ито Хиробуми, объединив партийного лидера с так называемым деятелем эпохи Мэйдзи, виднейшим представителем бацудзоку, и создать тем самым прочное правительство. В этом направлении настоятельные усилия прилагала вся политическая группировка Мицубиси и особенно Гото Сёдзиро.

Отмечая постепенное сближение Ито с Мицубиси, Сираянаги приводит факты установления тесных связей Ито с Цурухара, который входил в руководящее ядро созданной Ито партии сэйюкай, а также с Като Такааки, когда тот, по настоянию Ито, вошел в организованный им 4-й кабинет в качестве министра иностранных дел [см. Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 425—433 (яп.)].

Вероятнее всего, сближение Ито с Ивасаки происходило на

Ито с Мицуи и сближения с Мицубиси все-таки не произошло. От этого его удерживали очень прочные традиционные связи с выходцами из Тёсю, а последних — с Мицуи.

Теснейшие контакты фирма Мицуи поддерживала с руководством армии, командные посты в которой были сосредоточены в руках выходцев из Тёсю⁶, а также с министерством иностранных дел, в особенности с консульским аппаратом. Эти связи осуществлялись преимущественно через «Мицуи буссан кайся», которая имела в ряде стран многочисленных представителей. Об этом в свое время откровенно писала японская печать⁷.

Связи концерна Мицубиси с государственным аппаратом страны не только не уступали связям Мицуи, но в ряде случаев даже превосходили их. Руководители концерна Мицубиси, братья Ивасаки, проявляли значительно менее завуалированную активность в политической жизни страны, чем семейство Мицуи. Мимо бьющей в глаза политической активности Мицубиси в то время не могла пройти даже буржуазная печать Японии. Например, в одном из номеров журнала «Сэкай-но ниппон» за 1898 г. бурный политический натиск Мицубиси характеризовался следующим образом: «В настоящее время уже нельзя сказать, что руководители Мицубиси — только чистые предприниматели. В тех случаях, когда они не могут одолеть представителей других объединений сами, они начинают выступать единой политической группировкой, открыто, официально обсуждая и критикуя проводимую в стране политику. В планы Мицубиси с самого начала входило намерение использовать свои политические связи для ведения деловых операций, а

почве известного единства взглядов на изменение методов управления страной, в частности на необходимость перестройки партий и прихода их к власти. Однако если Ивасаки стремился сделать Ито проводником преимущественно интересов Мицубиси, то сам Ито стремился к объединению в одной партии по возможности интересов всего крупного капитала.

⁶ Автор монографии о доме Мицуи Рассел отмечает, что во время японо-китайской и русско-японской войн фирма Мицуи, используя эти связи, получала огромное количество всевозможных выгодных военных заказов (O. D. Russel, *The House of Mitsui*, Boston, 1939, pp. 216, 226).

⁷ Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 88 (яп.).

свое положение в деловом мире (экономическую — мощь) — для захвата политической власти. Сейчас эти сокровенные планы Мицубиси постепенно становятся все более и более явственными, и те, кто желает составить себе и имя и богатство одновременно, равняясь на руководителя Мицубиси, учась у них, могут стать политиками и дельцами по совместительству»⁸.

Особенно характерна в этом отношении фигура Гото Сёдзиро. На дочери Гото был женат один из основателей концерна Мицубиси, а после смерти Ивасаки Ятаро его глава — Ивасаки Яноскэ.

Граф Гото Сёдзиро, ловкий политический деятель, пользовался огромным авторитетом в делах концерна Мицубиси и был, как уже говорилось, по сути дела одним из его основателей. Неоднократно занимая министерские и другие ответственные посты в правительстве, Гото Сёдзиро в немалой мере использовал свое положение для дальнейшего упрочения и расширения экономического могущества братьев Ивасаки, превращения их в руководителей одного из могущественнейших концернов страны. Вплоть до своей кончины Гото был главной опорой Мицубиси в правительственных кругах. Не имея в верхах такого ловкого и изворотливого проводника своего влияния, как Гото, фирма Мицубиси вряд ли могла бы так активно и с такой огромной выгодой для себя вмешиваться в политическую жизнь страны.

Связи Гото с семейством Ивасаки были очень давние и относились еще к периоду до революции 1868 г. В те времена Гото Сёдзиро был в гораздо большей мере дельцом капиталистического типа, чем сам Ивасаки Ятаро. Накануне революции Гото владел торговой компанией в Нагасаки, ведавшей фактически торговлей всего клана Тоса. Ивасаки Ятаро, родом из низшего самурайства, был в то время одним из его доверенных служащих в торговой конторе Нагасаки, а затем и г. Осака. Предпринимательская деятельность мешала политической карьере Гото, и он перепоручил ее Ивасаки Ятаро.

С помощью Гото была заложена не только основа будущего концерна Мицубиси. Благодаря ему к Ивасаки перешли огромные денежные средства и промышленные предприятия, среди которых важнейшими были

---

⁸ Там же, стр. 87—88.

угольные копи Такасима, находившиеся до этого в собственности правительства. В 1874 г. Гото добился у правительства права на покупку этих копей по крайне дешевой цене. Чтобы получение им такого лакомого куска не выглядело слишком откровенным использованием служебного положения, Гото немедленно после покупки копей вышел в отставку. Вскоре он снова вернулся на государственную службу, а бразды правления в основанной им акционерной компании передал своему доверенному лицу. Спустя несколько лет копи Такасима официально перешли в собственность Ивасаки.

Зная о весьма разгульном образе жизни Гото и его постоянных в связи с этим денежных затруднениях, братья Ивасаки постепенно прибрали Гото к рукам и заставили его служить интересам концерна Мицубиси.

После смерти Гото одним из важнейших ставленников Мицубиси в правительственном аппарате становится зять основателя концерна Ивасаки Ятаро — представитель знатного аристократического семейства Като Такааки, женатый на старшей дочери Ивасаки Ятаро. Способный дипломат, неоднократно занимавший пост министра иностранных дел, он возглавлял японскую дипломатию в ответственный период подготовки англо-японского союза 1902 г. и русско-японской войны. Като Такааки был неутомимым проводником и защитником интересов концерна Мицубиси.

Тесные деловые и родственные отношения с Мицубиси имел неоднократно министр, премьер-министр, виднейший финансовый деятель страны, с именем которого связано проведение важнейших финансовых мероприятий (введение золотого стандарта и т. д.), Мацуката Масаёси.

Деловые связи братьев Ивасаки с Мацуката возникли еще в 80-е годы, когда происходило сближение Мицубиси с кланом Сацума, выходцем из которого был Мацуката. Впоследствии эти связи были подкреплены родственными отношениями. Незадолго до того как в конце августа 1896 г. был создан новый кабинет министров во главе с Мацуката Масаёси, второй сын Мацуката женился на старшей дочери главы концерна Ивасаки Яносэ⁹. Этот брак рассматривался в деловых кру-

---

⁹ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 451.

гах как связующее звено между Мицубиси и сацумской группировкой буржуазии, во главе которой стоял Мацуката.

В то же время о Мацуката нельзя сказать, что он целиком находился под влиянием Мицубиси и руководствовался исключительно его интересами. Мацуката сам, а также через своих сыновей был, как уже указывалось, владельцем крупных промышленных и финансовых предприятий (широко известны, например, его связи с 15-м так называемым дворянским банком)¹⁰. Он имел также прямые родственные отношения с владельцем другой быстро растущей крупной капиталистической фирмы Японии — Кухара. Отец главы компании Кухара Исамуси был старшим братом Мацуката Масаёси¹¹. В середине 90-х годов именно благодаря своим связям с Мацуката Ивасаки Яноске, оттеснив Мицуи, сумел занять влиятельный пост президента Японского банка («Ниппон гинко») ¹².

С самого своего основания в 1882 г. «Ниппон гинко» был тесно связан с верхушкой финансового мира страны. При его создании в учредительный комитет, помимо трех чиновников из министерства финансов, вошли вице-директор банка Мицуи Саномура Рискэ (приемный сын одного из виднейших деятелей фирмы Мицуи Саномура Рисаэмон) и директор 3-го государственного банка («Дайсан кокурицу гинко»), крупный капиталист Ясуда Дзэндзио. Главными держателями акций банка в то время были министерство финансов и так называемые богатые дома востока и запада страны — Мицуи Хатираэмон, Кавасаки Хатираэмон, Ясуда Дзэндзио, Коноикэ Дзэнъэмон, Отани и другие. Кроме того, акции «Ниппон гинко» имели Сумитомо Китиэмон, Сибудзава Эйити, Окура Кихатио и др. Инициатором создания этого банка был министр финансов Мацуката, который уже в 1889 г. сумел провести на пост президента банка одного из доверен-

---

¹⁰ О. Р. Hopkins, *The big five in Japanese banking*, Washington, 1929, p. 5.

¹¹ Сираякаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 303.

¹² Маэсима Сёдзо, *Нихон сэйто сэйдзи-но ситэки бунсэки*, — «Киндай нихон-но кэйсэй то мицу Сэнсо», Киото, 1954, стр. 80, далее — Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 80 (яп.).

ных служащих Мицубиси Кавада Коитиро¹³. С этого времени и вплоть до 1903 г., т. е. на протяжении 14 лет, важнейший, президентский пост в банке находился в руках Мицубиси. После смерти Кавада в 1896 г. президентом банка стал сам Ивасаки Яноскэ, а после него — один из его служащих, воспитанник Кавада — Ямамото Тацуо (для известного равновесия сил у Мицуи сохранился пост директора банка). В тот период «Ниппон гинко» играл чрезвычайно важную роль в финансовой жизни страны. Частные банки, не имевшие еще к тому времени достаточно крупных накоплений, получали у «Ниппон гинко» долгосрочные кредиты на финансирование промышленных предприятий. Президент банка мог оказывать известное влияние при решении вопроса о финансировании того или иного лица. На поклон к президенту «Ниппон гинко» ездили не только крупнейшие капиталисты¹⁴, но и виднейшие представители правительственной бюрократии вплоть до премьер-министров. По отзывам современников, Кавада, находившийся на посту президента «Ниппон гинко» в течение восьми лет, держался на равной ноге с генро Ямагата Аритомо и Ито Хиробуми, смотрел сверху вниз на таких, как Сибудзава и Окура, вызывал для отчета в свой роскошный особняк министров, причем делал это отнюдь не всегда в учтивой форме. Кавада держался столь высокомерно не только потому, что занимал высокий пост, но и потому, что за его спиной стоял концерн Мицубиси. За блеск

---

¹³ Кавада был служащим у Ивасаки Ятаро еще до революции 1868 г., когда Ятаро занимал ответственный пост в торговой конторе Нагасаки (см. Тогаи Есио, *Дзайбацу то сихонкатати*, Токио, 1956, стр. 14, далее — Тогаи Есио, *Дзайбацу и капиталисты*).

¹⁴ Известно, например, что даже могущественный дом Мицуи в 80—90-е годы не рисковал портить отношения с президентом «Ниппон гинко». Когда во время кризиса 1890 г. банк Мицуи оказался в затруднительном положении и вынужден был обратиться к «Ниппон гинко» за помощью (которую в итоге получил), ходатаю Мицуи, генро Иноуэ Каору, пришлось испытать в беседе с Кавада немало горьких минут. Крайне высокомерно, заносчиво встретил в свое время Кавада и Накамитава, когда тот в начале 90-х годов пришел представиться ему в качестве главы «Мицуи гинко». После этого оскорбительного приема, как пишет Тогаи Есио, Накамитава заявил, что необходимо поставить фирму Мицуи на столь прочную базу, которая дала бы возможность во второй раз уже не кланяться таким, как Кавада (см. Тогаи Есио, *Дзайбацу и капиталисты*, стр. 121 (яп.)).

и высокомерие, с таким держался Кавада, еще при жизни он получил прозвище «Кавада великолепный»¹⁵.

Учитывая значение «Ниппон гинко», легко представить себе, что братья Ивасаки, имея в своих руках должность президента банка, а также экономическую мощь Мицубиси, получили широкие возможности вмешиваться не только в экономическую, но и в политическую жизнь страны.

С Мицубиси были связаны и неоднократно занимавшие ответственные министерские посты Сайго Цугимити (морской министр, министр внутренних дел), Такасида Томоноске (военный министр)¹⁶, Хаяси Юдзо, сближение которого с Ивасаки или группой Тоса (как называли сторонников Мицубиси, имея в виду клан, в котором родился основатель концерна) относится еще к 70-м годам, Инукай Каору¹⁷ и многие другие.

Несколько особо стоят связи Мицубиси с двумя виднейшими политическими деятелями Японии Окума Сигэнобу и Итагаки Тайскэ¹⁸, неоднократно занимавшими в правительстве министерские посты. В 1898 г. на короткий срок они даже возглавили правительство. Одновременно через них осуществлялись связи с политическими партиями, во главе которых они стояли.

Широко известны прочные связи Мицубиси с военноморскими кругами, где на всех командных должностях находились выходцы из бывшего клана Сацума. Мицу-

---

¹⁵ Там же, стр. 118—119.

¹⁶ Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 79 (яп.); Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 87 (яп.).

¹⁷ Инукай подчеркивал, что с самого начала своей деятельности он был последователем графа Гото Сёдзио [Сираноги Сюю, *Финансовый мир*, т. I, стр. 426 (яп.)].

¹⁸ Окума Сигэнобу и Итагаки Тайскэ были виднейшими политическими деятелями периода Мэйдзи. С именем Итагаки связано создание в 1881 г. первой политической партии Японии риккэн дзиюто (конституционная либеральная партия). В 1898 г. партия была переименована в кэнсэйго (конституционная). В 1900 г. в значительной мере на базе кэнсэйто была создана партия риккэн сэйюкай, или, как ее обычно называли, сэйюкай (Общество политических друзей). Окума явился организатором в 1882 г. второй политической партии Японии — риккэн кайсинто (конституционная партия реформ). В 1896 г. она была переименована в симпото (прогрессивная), а далее (в 1898 г.) — в кэнсэйхонто (подлинно конституционная партия). Дзиюто с самого начала в большей мере ориентировалась на Мицуи, кайсинто — на Мицубиси.

биси же был связан с Сацума издавна. Со второй половины 80-х годов это сближение особенно усилилось.

Имел своих прямых ставленников в правительственных кругах и концерн Сумитомо. Это прежде всего был маркиз Сайондзи Кимимоти, занимавший в разное время посты вице-председателя верхней палаты, члена и председателя Тайного совета, министра, премьер-министра и т. д.

Сайондзи был родным братом главы концерна Сумитомо и являлся влиятельнейшим советником в делах концерна. Одновременно Сайондзи состоял в родственных отношениях и с семейством Мицуи.

Широко распространенный в Японии обычай усыновления с последующим изменением не только фамилии, но зачастую и имени делает очень запутанными родственные связи и создает серьезные затруднения при выяснении происхождения того или иного деятеля. Примером этого может служить история связей Сайондзи Кимимоти с концернами Сумитомо и Мицуи.

Сайондзи Кимимоти был урожденный Токудайдзи Дзинкэй, второй сын в одном из знатнейших семейств феодальной Японии — Токудайдзи Кимиито. Его усыновило другое знатное семейство — Сайондзи и дало ему новое имя и фамилию. Младший, шестой сын Токудайдзи Кимиито — Такамаро в 1892 г. был усыновлен в богатом доме Сумитомо и получил имя Сумитомо Китиэмон Томоито. Он-то и стал главой фирмы Сумитомо¹⁹. Приблизительно в то же время дочь старшего сына в семье Токудайдзи, министра императорского двора, маркиза Токудайдзи Санэнори, т. е. племянница маркиза Сайондзи, вышла замуж за старшего сына Мицуи Такаюсу.

---

¹⁹ После смерти в 1890 г. Сумитомо Китиэмон **Томотийка** во главе фирмы встал его сын Китиэмон Томотада. Однако через два года умер и он. Наследников по мужской линии в семье Сумитомо больше не было. На короткое время фирму возглавила мать Томотада, а вскоре на семейном совете было решено усыновить друга покойного Томотада — Токудайдзи Такамаро, женившегося вскоре после усыновления на младшей сестре Томотада. В 1893 г. Такамаро по давно установившейся в доме Сумитомо традиции изменил имя и фамилию и возглавил фирму. В 1892 г., когда Такамаро вошел в дом Сумитомо, ему было 29 лет. Токудайдзи Санэнори и Сайондзи Кимимоти были его старшими братьями [см. Тогаи Ёсио, *Дзайбачу и капиталисты*, стр. 102—105 (яп.)].

Учитывая, что за спиной Сайондзи стояли могущественные столпы капиталистического мира Японии в лице Сумитомо и Мицуи, нетрудно объяснить и столь стремительное продвижение его по служебной лестнице, и то блестящее положение, которое он занимал в правящей верхушке страны.

Яркий пример сращивания монополистического капитала с государственным аппаратом дает и история взаимоотношений с правительственными лицами концерна Фурукава.

Наиболее тесные отношения с концерном Фурукава имел Муцу Мунэмицу, неоднократно занимавший министерские посты в правительстве. Положение Муцу Мунэмицу и характер его деятельности в правительстве нетрудно понять и оценить, если принять во внимание, что Фурукава Дзюнкити, один из руководителей концерна Фурукава (вплоть до своей смерти в 1905 г.), был в действительности родным вторым сыном Муцу Мунэмицу. В возрасте 14 лет он был усыновлен семейством Фурукава, изменил фамилию и имя, а затем женился на дочери Фурукава²⁰. Через семейство Муцу Фурукава был тесно связан также и с политическими партиями, в особенности с сэйюкай. Окадзаки Кунисукэ, занимавший видное положение в сэйюкай, был родным братом Муцу Мунэмицу. С 1897 г. он становится одним из видных служащих в концерне Фурукава.

В верхней палате японского парламента интересы Фурукава в течение многих лет представлял некто Накасима²¹. Следует отметить, что крупный японский капитал был представлен в верхней палате не только высокими налогоплательщиками, но и представителями аристократических кругов, тесно с ним связанных.

Этот перечень связей монополистического капитала Японии с государственным аппаратом, свидетельствующих о фактическом сращивании финансовой олигархии с правительственными кругами страны и образовании «личной унии», можно было бы продолжить и далее. Так, Хара Кэй, в разные годы депутат парламента, министр

---

²⁰ «Дзайбацу сэйсуйки, тихо тюкэн дзайбацу-но, маки», Токио, 1930, стр. 214, 221, далее — «Подъем и падение японских дзайбацу» (яп.), см. также статью Сайто Бункэй в журн. «Рэкиси хёрон», 1952, № 37, стр. 19—25.

²¹ «Подъем и падение японских дзайбацу», стр. 221.

связи в четвертом кабинете Ито, видный деятель сэйю-кай, в дальнейшем премьер-министр, занимал один из важнейших постов в концерне Фурукава и именно на этом посту составил себе состояние. К 1905 г. Хара Кэй, находясь на посту вице-президента горнорудной компании Фурукава, становится наряду с тремя другими деятелями главным держателем акций горнорудной компании Фурукава и фактически ведает делами всего концерна. Хара был также тесно связан с Сибудзава Эйити, Иноуэ Каору и др.²² Сибудзава Эйити, один из ярких представителей крупной японской буржуазии, идейный лидер и японских дзайбацу, и средней буржуазии, был выходцем из правительственных кругов²³. Пользуясь связями с этими кругами, он упрочил свое экономическое положение, продвинул на министерский пост своего зятя.

Прцветание другой крупнокапиталистической фирмы — Фудзита также в немалой мере объяснялось положением и влиянием в высших правительственных кругах Иноуэ Каору, на приемной дочери которого был женат глава этой фирмы²⁴, и. т. п.

Буржуазная печать страны не без удовлетворения констатировала, что крупный капитал проводит нужную ему политику уже не только при помощи старых политических деятелей, используя власть денег, но и через новых, нередко через зятьев руководителей крупнейших компаний, занимавших министерские посты в правительстве и постепенно оттеснявших клановую бюрократию, так называемых ханбацу²⁵.

Даже простое перечисление связей правительственных кругов с монополистической буржуазией дает зна-

---

²² См. «Нихон рэкиси кодза. Нихонси кэнкюкай. Рэкисигаку кэнкюкайхэн», т. 5, Токио, стр. 276, далее — «История Японии» (яп.).

²³ Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 84 (яп.).

²⁴ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 311 (яп.). — Журнал «Сэкай-но нихон», например, в одной из статей за 1898 г. прямо связывал усиление или ослабление фирмы Фудзита с тем, насколько прочно влияние в высших кругах генро Иноуэ Каору [см. Синнобу Сэйсабуро, *Политическая история Мэйдзи*, стр. 90 (яп.)].

²⁵ См. в ст. Канэтийка Тэруо, *Политическое значение вопроса о повышении земельного налога, принятого 13-й сессией парламента*, — «Тайе», № 16, стр. 152.

чительный материал, показывающий огромное влияние крупного капитала на политическую жизнь страны.

Еще очевиднее становится фактическое сращивание государственного аппарата с финансовой олигархией и расстановка классовых сил в правящем блоке, если хотя бы бегло просмотреть состав японских кабинетов после японо-китайской войны.

Второй кабинет Ито, сформированный в 1892 г., помимо самого премьера и его последователей, несомненно ориентировавшихся в то время на Мицуи, включал также представителей компаний Мицубиси и Фурукава. Первая была представлена министром сельского хозяйства и торговли Гото Сёдзиро и военным министром Тавасима Томоноске, а вторая — министром иностранных дел Муцу Мунэмицу и др. В кабинет входил также Сайондзи, занимавший пост министра просвещения. В 1896 г. деловые круги в неприкрытой форме стали навязывать Мацуката Масаёси на пост министра финансов вместо неугодного им Ватанабэ Кунитакэ. К этому стремился и сам Ито, понимая, что без поддержки деловых кругов (речь шла о предоставлении средств путем подписки на заем) он не сумеет удержаться у власти. Невозможность осуществления этого плана из-за разногласий в самом кабинете (речь о которых подробнее пойдет далее) привела к отставке кабинета Ито.

На смену ему с сентября 1896 г. пришло правительство Мацуката. Это правительство известно в истории Японии под именем кабинета Мацуката — Окума — Мицубиси, что само по себе уже делает очевидной его классовую сущность. Мацуката совмещал посты премьера и министра финансов, Окума стал министром иностранных дел, Такасима возглавил военное министерство и министерство колоний, Сайго получил пост морского министра. Министерские и даже вице-министерские и другие важные правительственные должности находились, таким образом, большей частью в руках ставленников Мицубиси — из числа либо сацумцев, либо членов партии Окума.

В январе 1898 г. правительство Мацуката сменил третий кабинет Ито, в большей мере представлявший интересы Мицуи. В качестве министра финансов в него вошел Иноуэ Каору, министра просвещения — Сайондзи, военного министра — Кацура Таро, ставленник Ямагата,

связанный через него с Мицуи. В составе кабинета были также выходцы из клана Тёсю Канэко Кэнтаро, Суэмацу и Ниси.

Через полгода (июнь 1898 г.) сформировался кабинет Окума — Итагаки. Пять министерских постов в нем заняли члены партии Окума. Сам Окума стал премьером и министром иностранных дел, а посты министра внутренних дел и министра финансов заняли члены партии Итагаки. Военное и морское министерства возглавили Кацура и Сайго. Большинство деятелей этого правительства были связаны с Мицубиси.

Этот кабинет продержался у власти недолго. В ноябре 1898 г. к власти пришел второй кабинет Ямагата. В нем в равной мере были представлены интересы как Мицуи, так и Мицубиси. Об этом красноречиво свидетельствует состав кабинета, куда входили и сам Ямагата, и военный министр Кацура, и министр финансов Мацуката, и министр внутренних дел Сайго Цугимити, и др.

Ставленники крупнейших монополий вошли и в четвертый кабинет Ито (сентябрь 1900 г.). Это были Ито и выходцы из Тёсю Канэко Кэнтаро и Суэмацу, военный министр Кацура, связанные с Мицуи, Като Такааки — министр иностранных дел, Хара Кэй — министр связи.

Для кабинета Кацура, пришедшего на смену кабинету Ито и просуществовавшего с апреля 1901 г. до конца 1905 г., было характерно то, что так называемые генро — наиболее одиозные фигуры абсолютистского бюрократического аппарата — сошли с передовой линии, во многом уступив место другим лицам, таким же ревностным проводникам интересов монополистического капитала, но выступавшим в новом обличье.

Более чем недвусмысленно высказывалась на этот счет и японская пресса того периода. Так, например, в журнале «Сэкай-но нихон» отмечались резко возросшие после японо-китайской войны возможности крупной буржуазии воздействовать на проводимую в стране политику. «Это, — читаем мы в 1898 г., — только кажется на первый взгляд, что если тот или иной деятель входит в состав кабинета Ито, то проводит линию этого кабинета, а если входит в состав кабинета Мацуката, то следует его линии. Если приглядеться повнимательнее, то увидишь, что между этими деятелями есть четкая грани-

ца, перепутать которую невозможно. Прежде всего бросается в глаза разделение всех этих деятелей главным образом на сторонников Мицубиси или Мицуи»²⁶.

Говоря о сращивании финансовой олигархии Японии с правительственным аппаратом, небезынтересно привести некоторые материалы, проливающие свет на характер отношений, складывавшихся в те годы между монополистической буржуазией и государственными деятелями, особенно теми, которые не имели под собой собственной прочной финансовой базы.

Если раньше, в 70—80-е годы, видные государственные деятели пользовались весьма широким кредитом у крупных капиталистических фирм, который очень часто вообще не погашался, то в 90-е годы картина резко меняется. Крупная японская буржуазия почувствовала себя достаточно прочной во всех отношениях, чтобы субсидировать только в тех случаях, когда она преследовала определенные политические или экономические цели. Впервые это правило ввела фирма Мицуи, когда во главе ее встал энергичный, предприимчивый делец Накамигава, поставивший отношения с правительственными деятелями, даже самыми значительными из них, на сугубо «деловую» почву.

Накамигава не только проверил и взыскал по всем старым долговым обязательствам, но и отдал распоряжение местным отделениям банка Мицуи не удовлетворять никаких просьб о предоставлении денежных займов, от кого бы они ни исходили, если не будут представлены достаточные финансовые гарантии.

Первое столкновение на этой почве произошло у Мицуи с Ито Хиробуми, когда тот проездом через Киото обратился к местному отделению банка Мицуи за весьма незначительной суммой (500 иен). Выполняя распоряжение Накамигава, местное руководство банка потребовало у Ито гарантий. Заверения Ито в том, что у него имеется солидная сумма вкладов в центральном банке Мицуи, не помогли²⁷. Действия руководства кiotоского

---

²⁶ Цит. по кн.: Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 86 (яп.).

²⁷ Японский историк Сираянаги, в частности, считает, что именно с этого времени и начался отход Ито и ряда других выходцев из Тёсю от Мицуи [Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 304—308 (яп.)].

филиала получили одобрение Накамигава, и, когда близкий личный друг Накамигава и советник семьи Мицуи генро Иноуэ Каорү заявил, что глава концерна зашел слишком далеко (имея в виду положение и вес Ито в политической жизни страны), Накамигава ответил, что у него нет уверенности в том, что Ито именно тот человек, которому следует давать деньги²⁸. Учитывая, что такое заявление было сделано в адрес одного из столпов японской бюрократии, которому еще при жизни были сооружены памятники, человека, близко стоявшего к японскому императору и оказывавшего на него известное влияние, можно трезво оценить реальную власть в стране крупной буржуазии, в данном случае Мицуи.

Не менее показателен и другой случай. В тот же период (середина 90-х годов), приводя в порядок счета, Накамигава натолкнулся на документ, свидетельствовавший о том, что видный уже в то время государственный деятель Кацура Таро задолжал фирме Мицуи определенную сумму. Накамигава возбудил против него иск, добился наложения ареста на особняк Кацура и держал этот особняк за собой до тех пор, пока причитавшаяся сумма не была полностью возвращена Мицуи²⁹.

Эти незначительные, на первый взгляд, факты проливают тем не менее яркий свет на действительную силу и влияние крупнокапиталистических монополий Японии и на характер отношений, складывавшихся между монополистической буржуазией и государственным аппаратом.

Не приходится говорить о тесных связях монополистического капитала с менее высокопоставленным гражданским и военным чиновничеством. Если в Европе, как отмечал В. И. Ленин³⁰, переход чиновников на службу в частные банки вызывал толки в прессе по поводу их продажности, то в Японии это было вполне «ординарным» явлением. Так, например, как само собой разумеющееся был встречен переход в фирму Мицуи на виднейший руководящий пост Накамигава Хикодзиро, занимавшего

---

²⁸ Автор монографии о доме Мицуи Рассел расценивает это событие в свете существовавшего в то время в Японии положения как из ряда вон выходящее и считает, что оно неизбежно войдет в историю страны (!) (O. D. Russel, *The House of Mitsui*, p. 202).

²⁹ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 297—298 (яп.).

³⁰ См. В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 225, 226.

до этого должность начальника отдела государственных займов в министерстве иностранных дел. После смерти Накамигава его место занял Хаякава Сэнкитиро, перешедший в «Мицуи гинко» с ответственной должности из министерства финансов. Перечень этих отнюдь не случайных «перемещений» видных чиновников в частные банки и компании можно было бы продолжить, так как это вошло в практику не только Мицуи, но и других крупнокапиталистических компаний страны³¹.

Отмечая фактическое сращивание финансовой олигархии с правительственным аппаратом, следует иметь в виду и другое обстоятельство, очень характерное для Японии и составляющее один из тех многочисленных феодальных по своему происхождению пережитков, оплетение которыми японского капитализма и позволяет говорить о его специфике. Это связи виднейших государственных деятелей того времени с бывшими феодальными кланами, выходцами из которых они были.

Широко известными в те времена были связи генро Ито, Ямагата, Иноуэ с кланом Тёсю; Мацуката, Сайго, Такаси́ма и других — с кланом Сацу́ма³² и т. д. Это были своего рода лидеры, вокруг которых группировались занимавшие более или менее высокое административное положение в государственном аппарате лица, делившиеся, как правило, по принадлежности к Тёсю, Сацу́ма, Тоса и т. д. Связи, тянувшиеся еще от бывших знатных феодальных семей, клановой бюрократии, приобрели со временем традиционный характер и прочно вошли в политическую жизнь страны на длительный период. Крайняя живучесть, устойчивость феодальных пережитков в политической жизни страны объяснялась прежде всего сохранением в японской деревне паразитического помещичьего землевладения.

На рубеже XIX—XX вв. старые клановые привязанности начали несколько ослабевать. На смену им постепенно пришло деление на сторонников и противников

---

³¹ См., например, Тогаи Ёсио, *Дзайбацу и капиталисты*, стр. 128—134, 138, 150 и др.

³² Это, правда, не мешало Ито и Ямагата выступать ожесточенными противниками на политической арене, придерживаясь разных взглядов на ряд серьезных вопросов внешней и внутренней политики, но внешне в значительной мере обязывало сохранять вид «друзей». Как отмечают японские историки, Ито и Ямагата были известны «внешне как друзья, тайно как политические противники».

установления в стране системы ответственных перед парламентом правительств в виде партийных кабинетов. На этой почве часто сближались представители разных кланов или расходились выходцы из одного клана. Так, в частности, окончательно разошлись Ито и Ямагата.

Однако старые клановые привязанности были еще очень сильны. Японская военщина особенно ревностно берегла старые феодальные традиции, ибо видела в них средство сохранить и упрочить свое привилегированное положение и относительную самостоятельность в качестве одного из звеньев бюрократического аппарата монархии. В связи с тем что в 90-е годы возросла угроза позициям абсолютистской бюрократии, с одной стороны, под натиском политических партий, с другой — в связи с наметившимися разногласиями внутри самой бюрократии военщина начинает становиться оплотом абсолютистских сил. Именно в эти годы предпринимаются шаги, направленные на обеспечение ее относительно самостоятельной роли. В то же время, как это было показано на примере Ямагата, Сайго и других, японская военщина верой и правдой служила монополистическому капиталу.

Приверженность к давно сложившимся узким группировкам бывшей клановой знати, также в значительной мере вставшей после революции 1868 г. на путь буржуазного перерождения, представляла собой пережиток старых феодальных связей и отношений, которым платили дань так называемые деятели эры Мэйдзи в лице генро и виднейшей правительственной бюрократии.

Эти старые феодальные узы, устоявшиеся, ничем не прикрытые и даже рекламируемые, и процветавшие на этой основе протектирование, семейственность и всякого рода беззакония мешали выдвинуться на передний план, выйти на поверхность политической жизни все более укреплявшимся связям правительственных деятелей из Тёсю, Сацума с монополистической буржуазией, от которой эти деятели зависели уже не в силу традиции, а на базе реального соотношения экономических сил, сложившегося к этому времени. Именно идущие еще со времени феодализма и потому внешне более явные связи давали возможность говорить о засилье, господстве в государственном аппарате поочередно или вместе клик Тёсю — Сацума и затушевывали все большее

сосредоточение подлинной власти в стране в руках монополистической буржуазии, интересы которой, как было уже показано, в огромной мере выражали виднейшие государственные деятели из этих клик.

Засилье в правящем аппарате страны клик из бывших кланов Сацума и Тёсю действительно имело место — в том смысле, что в руках этих клик был сосредоточен аппарат власти, которая осуществлялась старыми, игнорирующими парламент абсолютистскими методами. В то же время само по себе это не было показателем господства в правящем аппарате помещиков, к чему иногда сводится сосредоточение аппарата государственной власти в руках выходцев из Тёсю или Сацума³³. Несмотря на значительное представительство в государственном аппарате выходцев из помещичьих кругов, японская бюрократия по своему характеру к концу XIX в. была буржуазной не менее, чем помещичьей. Более того, на примере Иноуэ Каору, Гото Сёдзиро, Мацуката Масаёси и других видно, что японская бюрократическая верхушка в значительной степени, и притом в наиболее влиятельной части, стала к этому времени вполне буржуазной, если не по происхождению (следует учитывать при этом, что Япония поздно стала на путь капиталистического развития), так по характеру деятельности и психологии.

Фактическое сращивание с крупнейшей монополистической буржуазией характеризовало не только правительство, но и высшую придворную аристократию. Многие ее виднейшие представители — графы Токудайдзи, Сайондзи и другие, игравшие важную роль при императорском дворе, владея обширными землями, выступали в качестве продолжателей рода и традиций старых знатных феодальных фамилий. Однако вряд ли можно правильно понять и оценить подлинную роль этих деятелей и подлинные причины их столь прочного положения, если не учитывать и то обстоятельство, что за этими фа-

---

³³ В противном случае это противоречило бы и принятым в нашей японоведческой литературе взглядам на руководящую роль кланов Сацума и Тёсю в осуществлении революции 1868 г. Если эта роль была обусловлена наибольшим, развитием в этих кланах капиталистических отношений, выразителями которых и были деятели революции из кланов Сацума — Тёсю, то почему после прихода к власти те же самые деятели стали рассматриваться как выразители интересов прежде всего помещичьего класса?

миллиардами к концу XIX в. стояли Мицуи, Сумитомо и другие лидеры японского монополистического капитала. Многие представители бывшей феодальной знати встали в ряды крупного капитала непосредственно, по характеру своей деловой активности. Известно, например, что 15-й банк, наряду с 9—10 крупнейшими банками обладавший фактической монополией в финансовом мире страны, неофициально назывался дворянским, или аристократическим, так как держателями акций этого банка состояла почти вся знать верхней палаты, а также императорский двор³⁴. Выходцами из рядов бывшей феодальной знати были почти все крупные акционеры «Нихон тэцудо», которая вместе с другими четырьмя компаниями контролировала подавляющую часть железных дорог страны.

С монополистическим капиталом были тесно связаны не только ближайшее окружение японского императора, но и сама императорская фамилия. Иноуэ Киёси совершенно справедливо указывает в связи с этим, что императорский дом выступал одновременно в качестве сверхкрупного помещика и крупнейшего капиталиста³⁵.

Таким образом, на основании всего сказанного можно сделать вывод, что конец XIX в. ознаменовался в Японии огромным усилением политических позиций монополистического капитала. Тесные связи с ним поддерживали не только правительство, что в огромной мере определяло проводимую им политику, но и высшая придворная аристократия. В то же время сращивание финансовой олигархии с государственным аппаратом монархии, сохранившим в силу специфики исторического развития страны множество феодальных черт, обуславливало подчас весьма уродливую форму, в которой проявлялось влияние этой олигархии.

Связи крупной японской буржуазии с парламентом и политическими партиями

После японо-китайской войны связи и влияние крупной японской буржуазии в огромной мере укрепляются в политических партиях, а следовательно, и в нижней,

³⁴ О. Р. Hopkins, *The big five in Japanese banking*, p. 9.

³⁵ Иноуэ Киёси, *Нихон-но гункокусюги*, т. II, Токио, 1953, стр. 208 — далее — Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм* (яп.).

выборной, палате парламента, где представители политических партий составляли абсолютное большинство³⁶.

Связи крупной буржуазии с руководителями политических партий установились еще в 80-е годы. Например, были широко известны связи Ивасаки с лидером партии кайсинто (далее симпото) графом Окума. Отношения эти носили очень прочный характер.

С семейством Ивасаки был связан также лидер другой партии — дзиюто (далее кэнсэйто) — Итагаки Тайскэ, несмотря на то что между кайсинто и дзиюто существовали бесконечные трения, а между Окума и Итагаки — глубокая личная неприязнь и соперничество³⁷. Отношения Ивасаки с Итагаки Тайскэ были менее явны. Они поддерживались через упоминавшегося уже тестя Ивасаки Яноскэ — Гото Сёдзиро, входившего вместе с Итагаки в состав руководящего ядра дзиюто. Говоря о связях Ивасаки с Итагаки Тайскэ, в то же время следует отметить, что они не были равносильны связям Ивасаки с Окума. Итагаки не был проводником исключительно влияния Мицубиси. Он был очень близок и к Мицуи.

По мере того как крупный капитал укреплял свои позиции, влияние его в политических партиях не ограничивалось уже только личными связями с руководи-

---

³⁶ Представительство политических партий в нижней палате парламента в рассматриваемый период выглядело следующим образом. Из общего числа депутатов в нижней палате (300 человек) на представителей двух основных политических партий приходилось на 11-й сессии парламента (декабрь 1897 — апрель 1898 г.) 168 человек, из них от симпото — 86, от дзиюто — 82;

на 12-й сессии парламента (май — июнь 1898 г.) — 189 человек, из них от симпото — 91, от дзиюто — 98;

на 13-й сессии парламента (декабрь 1898 — март 1899 г.) — 242 человека, из них от кэнсэйхонто — 123, от кэнсэйто — 119;

на 14-й сессии парламента (ноябрь 1899 — февраль 1900 г.) — 234 человека, из них от кэнсэйхонто — 116, кэнсэйто — 118;

на 15-й сессии парламента (декабрь 1900 — март 1901 г.) — 222 человека, из них от кэнсэйхонто — 67, от сэйюкай — 155;

на 16-й сессии парламента (декабрь 1901 — март 1902 г.) — 229 человек, из них от кэнсэйхонто — 70, от сэйюкай — 159;

на 17-й сессии парламента (декабрь 1902 г.) — 293 человека, из них от кэнсэйхонто — 104, от сэйюкай — 189.

³⁷ Имея в виду общий источник финансирования и в то же время соперничество и глубокую личную неприязнь между Окума и Итагаки, Сираянаги Сюко метко охарактеризовал этих двух партийных деятелей как две ветви, растущие на одном стволе — Мицубиси, но тянущиеся в противоположные стороны [Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 447 (яп.)].

шими партийными лидерами типа Гото Сёдзиро, Окума или Итагаки. Усиление этого влияния облегчалось растущей зависимостью средней и мелкой буржуазии и обуржуазившихся помещиков, составлявших костяк партий и их социальную опору, от 10—15 крупнейших капиталистических компаний, которые в конечном итоге так или иначе были связаны либо с Мицуи, либо с Мицубиси. (Именно по линии ориентации и шло разделение между политическими партиями. Симпото все больше тяготела к Мицубиси; а дзюто, в которой чрезвычайно сильны были позиции так называемой местной буржуазии, теснейшим образом связанной и зависевшей от Мицуи, все определеннее становилась партией Мицуи.) Поэтому, говоря о влиянии крупной японской буржуазии в парламенте и в политических партиях, было бы недостаточно проследить лишь ее связи с наиболее влиятельными партийными и парламентскими деятелями типа Хара Кэй (концерн Фурукава), Хоси Тору (концерн Ясуда) и т. п. Отнюдь не все они (и, вероятнее всего, даже не большинство, в особенности в нижней палате парламента, в которой избирательный закон 1880 г. не предполагал прямого господства буржуазии) выступали в качестве прямых ставленников монополистического капитала. В руках крупной буржуазии находилась масса других средств, и прежде всего самые разнообразные формы экономического давления (в том числе подкуп), которые она явно, а чаще тайно пускала в ход, обеспечивая проведение необходимой ей политики. Буржуазная печать Японии того времени («Тайе», 1897, № 3) констатировала, что «деловые круги обладают властью денег, а власть денег — это реальная власть»³⁸.

Огромное влияние, каким пользовалась крупная японская буржуазия не только в кругах правительственной бюрократии, но и в нижней палате и в политических партиях, наиболее отчетливо выявилось в ходе одной из важнейших политических баталий рассматриваемого периода, развернувшейся в стране в конце 90-х годов между буржуазией и помещиками по вопросу об увеличении поземельного налога. Ход и исход борьбы во-

---

³⁸ Цит. по кн.: Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 79 (яп.).

круг поземельного налога выявил те изменения, которые произошли в политической жизни страны, и прежде всего то, что японская буржуазия как класс в целом одержала серьезную победу над помещиками в борьбе за руководящие позиции в правящем блоке, за право первого слова при решении важнейших государственных вопросов. В данном случае мы коснемся лишь одного аспекта этого вопроса, а именно, как в ходе этой борьбы выявилось решающее влияние крупного капитала не только в правительственных кругах, но и в политических партиях и парламенте.

В ходе осуществления «послевоенной программы развития народного хозяйства» значительно выросли военные расходы и перед правящими кругами Японии встал вопрос о необходимости нового увеличения налогов, в том числе налога на землю.

Экономическое положение страны было весьма напряженным. Послевоенный бум быстро закончился, и с конца 1896 г. в стране разразился финансовый кризис, продолжавшийся в 1897 и 1898 гг. Кризисные явления затронули частично и японскую промышленность. Широкие круги японской буржуазии упорно требовали от правительства отмены налога на предпринимательство³⁹ и одновременно развернули широкую кампанию за увеличение ставки поземельного налога. Добиваясь отмены налога на предпринимательство и не желая в то же время общего сокращения финансов страны, японская буржуазия стремилась, сняв с себя тяготы налогового обложения, переложить их на плечи помещиков. Буржуазия, и в первую очередь крупнейшая, возглавившая движение за увеличение поземельного налога, рассчитывала, что полученные таким путем средства будут в значительной мере обращены на широкое субсидирование промышленности.

Впервые после японо-китайской войны вопрос о повышении поземельного налога встал в 1896 г. при каби-

---

³⁹ В Токио и других городах страны создавались специальные организации, которые должны были мобилизовать общественное мнение в пользу отмены налога на предпринимательство. Деловые круги, в частности Всеяпонское объединение торгово-промышленных палат, направляли в адрес правительства многочисленные просьбы и требования отменить этот налог. Во главе движения за отмену налога на предпринимательство стоял Сибудзава Эйити.

нете Мацуката, наиболее последовательно и прямолинейно выражавшего настроения крупной японской буржуазии. Однако вследствие того что в нижней палате парламента кабинет не смог заручиться поддержкой одной из политических партий (переговоры об этом велись с симпото), законопроект о повышении налога на землю на рассмотрение 11-й сессии парламента не вносился. По той же причине увеличение поземельного налога не было проведено и при кабинете Ито на 12-й сессии парламента (в мае 1898 г.). Проект даже не выносился на широкое обсуждение, так как был отклонен 247 голосами против 27 в специальной парламентской комиссии.

Проведение через нижнюю палату парламента проекта увеличения поземельного налога, как и других финансовых мероприятий правительства, зависело от того, сумеет ли правительство договориться о поддержке с одной из политических партий, которая обеспечила бы большинство при голосовании его в парламенте. Для парламентских партий, руководство которых в рассматриваемый период стремилось путем компромисса с абсолютистскими силами добиться участия в управлении страной, вопрос о поземельном налоге был средством давления на правительство с целью получения уступок. Не добившись их, политические партии становились в оппозицию, отказываясь поддержать в парламенте правительственный законопроект. Так было при кабинетах Мацуката, Ито, подобная же угроза нависла над проектом увеличения поземельного налога и при кабинете Ямагата.

Перед кабинетом Ямагата (ноябрь 1898 г. — сентябрь 1900 г.) стояла основная задача — обеспечить быстрое осуществление «послевоенной программы». Поэтому Ямагата намеревался любой ценой добиться увеличения поземельного налога. Кацура, занимавший пост военного министра в кабинете, предложил даже, в случае надобности, приостановить действие конституции. Министр финансов Мацуката Масаёси еще накануне создания кабинета обусловил свое участие в нем непременно проведением проекта увеличения земельного налога.

Учитывая создавшуюся обстановку, кэнсэйто (бывшая дзюто), в переговоры с которой вступило прави-

тельство, потребовала за свою поддержку проекта в парламенте серьезных уступок от абсолютистских сил и, в частности, введения в состав кабинета нескольких руководящих деятелей партии. После того как Ямагата отказался принять эти требования, переговоры были прерваны, и обе стороны опубликовали заявления о их провале. Проект увеличения поземельного налога вновь повис в воздухе.

Когда стало очевидно, что и кабинету Ямагата на 13-й сессии парламента не удастся добиться одобрения проекта поземельного налога, в борьбу совершенно открыто вмешалась крупнейшая монополистическая буржуазия, продемонстрировав тем самым, какие силы были особенно заинтересованы в повышении поземельного налога и чью волю в конечном итоге проводили и правительство, и политические партии. Крупная буржуазия выступила на этот раз единым фронтом, оставив в стороне свое соперничество в ряде вопросов. Это были Мицуи Хатираэмон и Масуда Такаси (президент «Мицуи буссан кайся») — от Мицуи; Ивасаки Яноскэ, Кондо Рэмпэй (президент «Нихон юсэн кайся» с 1895 по 1921 г.) и другие — от Мицубиси; президент «Ниппон гинко» Ямамото Тацуо — ставленник Мицубиси; Сибудзава Эйити, Сумитомо Китиэмон, Фудзита Дэндзатуро, Коноикэ Дзэнъэмон, директора банков, торговых и промышленных компаний и прочие тузы финансово-промышленного мира Японии, в первую очередь заинтересованные в быстрейшем осуществлении «послевоенной программы», сулившей им широкие субсидии, выгодные заказы и всякого рода иные привилегии. Узнав о провале переговоров правительства с кэнсэйто, крупная буржуазия немедленно (в 11 часов вечера того же дня — 24 ноября) отправила в резиденцию премьер-министра Ямагата своих представителей. Среди них были Одзаки Сабуро, Амэмия Кэйдзиро, Вакао Икидзо и другие, объединявшиеся вокруг так называемого «Общества изучения экономики» («Кэйдзай кэнкю досикай»). Они потребовали от Ямагата добиться соглашения с кэнсэйто. В создавшейся обстановке, заявили они Ямагата, новый разгон парламента не принесет пользы ни стране в целом, ни предпринимателям в особенности⁴⁰. Делега-

---

⁴⁰ См. «Васэда сэйдзи кэйдзай гаку», 1957, № 144, стр. 154.

ция посетила также министра финансов Мацуката. Такое же давление оказала буржуазия и на руководство кэнсэйто. 24 ноября 1898 г. руководство «Кэйдзай кэнкю досикай» встретилось с лидерами кэнсэйто и совещалось с ними о необходимости благополучного исхода 13-й сессии парламента по финансовому вопросу (как весьма уклончиво сообщила о состоявшихся переговорах японская печать ⁴¹).

Результаты вмешательства крупного капитала сказались очень быстро: встречи между правительством и лидерами партии немедленно возобновились, и не далее как через три дня — 29 ноября — соглашение было достигнуто. Но о том, как обсуждался вопрос о поземельном налоге лидерами кэнсэйто и с представителями крупной буржуазии, и с правительством, сведения в печать предусмотрительно не попали. Учитывалось, что в кэнсэйто были весьма сильны помещичьи элементы. Однако дальнейшее поведение руководства партии в этом вопросе не оставляло сомнений, в каком именно направлении было оказано давление на нее со стороны крупного капитала.

Заручившись поддержкой руководства кэнсэйто, правительство внесло проект увеличения поземельного налога на рассмотрение 13-й сессии парламента.

Следует отметить, что наиболее отчетливо борьба между буржуазией и помещиками по вопросу об увеличении поземельного налога выявилась вне стен парламента. В самом парламенте, несмотря на то что во время обсуждения четко определились сторонники и противники нового закона ⁴², классовый характер этого

---

⁴¹ См. там же.

⁴² В полемике по проекту поземельного налога, развернувшейся в парламенте, интересно отметить выступления лидера противников проекта — крупного помещика Тани Татэки и лидера сторонников нового увеличения налога на землю — Тагути Укити. Отстаивая помещичьи интересы и стараясь склонить в их пользу общественное мнение, Тани главным своим козырем сделал защиту так называемого независимого землевладельца (с наделом от одного до двух тэ), который сам обрабатывал свой участок и для которого повышение налогового обложения грозило, по словам Тани, смертельной опасностью. Однако на деле этот «независимый землевладелец» оказался для Тани не более как ширмой, за которой он намеревался прикрыть интересы не только мелкого, но и среднего помещика. Более того, Тани старательно опекал интересы и крупных помещиков. Он говорил: «Если сравнить крупных помещиков Японии с

столкновения был несколько затенен межпартийной парламентской борьбой и рядом других обстоятельств, побудивших руководство кэнсейхонто (в целом партии городской буржуазии, с несравненно меньшим, чем в кэнсэйто, представительством помещичьих элементов) выступить против увеличения налога на землю. И не случайно, что в связи с подобной позицией руководства партии в центре и на местах наблюдался уход из нее ряда представителей буржуазных кругов.

В связи с тем что после внесения проекта на рассмотрение 13-й сессии парламента борьба вступила в свой завершающий этап, крупная буржуазия вновь развернула лихорадочную деятельность, чтобы обеспечить условия для принятия нового закона. По всей стране началось движение за одобрение увеличения налога на землю («сансэй ундо»). В Токио, Осака, Сидзуока, Нагасаки и других больших городах страны «сансэй ундо» возглавили представители торгово-промышленных палат

крупными помещиками Европы, то они окажутся не более, как мелкопоместные. Доход тех помещиков, которые проходят в парламент как высокие налогоплательщики, обычно не превышает 2—3 тыс. иен в год. По префектурам наберется очень незначительное число помещиков, имеющих ежегодный доход от земли в 10 тыс. иен. В то же время в префектурах найдется отнюдь не мало лиц, также проходящих в парламент как высокие налогоплательщики, которые располагают ежегодным доходом от владения акциями и государственными займами более чем 10 тыс. иен. Те, кто рассматривается в Японии как крупные помещики, совсем не одно и то же, что помещики в Европе, которые считают арендатора (?!) рабочим скотом. Вместе с тем японский помещик отнюдь не так богат, как предприниматель».

Резким и весьма метким было ответное выступление Тагути. Прежде всего он разоблачил попытку Тани объединить всех налогоплательщиков поземельного налога под рубрикой «номин» («крестьянин») и разделил их на две категории: помещиков и арендаторов. Арендаторов Тагути характеризовал как лиц, являющихся наполовину рабочими, и заявил, что увеличение поземельного налога их фактически не коснется, как очень незначительно коснется оно, по его словам, и дзисакуну (крестьянин, сам обрабатывающий свою землю). Помещиков Тагути охарактеризовал как людей праздных, бездельников, абсолютно не имеющих никакого отношения к обработке земли. Называя помещиков, и мелких и крупных, «бездельниками» и «паразитами», Тагути заявил, что было бы справедливо брать с них увеличенный земельный налог (см. ст.: Канэтика Тэруо, *Политическое значение вопроса об увеличении земельного налога, принятого 13-й сессией парламента*, — «Васэда сэйдзи кэйдзай гаку», 1957, № 144, стр. 157—158).

и других организаций предпринимателей. В более мелких городах и пригородных районах во главе движения за одобрение проекта поземельного налога встали делегаты местных собраний, в которых буржуазия часто контролировала большинство голосов. В центре и на местах проводились многочисленные митинги с целью мобилизации общественного мнения в пользу обсуждавшегося проекта. В адрес правительства, парламента и политических партий направлялись резолюции, подчас чрезвычайно решительные, требовавшие одобрения проекта. Одновременно в парламент направлялись специальные делегации от торгово-промышленных кругов с целью «обработать» депутатов в нужном направлении.

Для координации усилий сторонников «сансэй ундо» 15 декабря 1898 г. была создана специальная организация — «Общество содействия увеличению поземельного налога». Через три дня она уже насчитывала в своих рядах более 840 человек. Среди них 64 члена верхней палаты (в том числе 12 высоких налогоплательщиков) и 24 члена нижней палаты. Остальные в большинстве представляли крупную монополистическую буржуазию. Это были Сибудзава Эйити, Масуда Такаси, Окура Кихатири, Одзаки Сабуро, Фудзита Дэндзабуро и др.⁴³ Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, какие силы были наиболее заинтересованы в увеличении налога на землю и обеспечили его принятие.

Не менее широко развернули борьбу против увеличения поземельного налога помещичьи круги («хантай ундо»). В центре этого движения стала специально созданная организация — «Лига борьбы против увеличения налогов». Борьба за мобилизацию общественного мнения, оказание давления на парламент в нужном направлении имели в общем те же формы, что и «сансэй ундо» (те же резолюции и требования в адрес правительства, политических партий и парламента, отправка специальных делегаций и т. п.). Как наиболее действенный и веский «аргумент» для убеждения депутатов нижней палаты участники «хантай ундо» использовали угрозу провалить их на следующих выборах.

Преимущества, которые обеспечивал помещичьим кругам избирательный закон, были широко использо-

---

⁴³ См. «Васэда сэйдзи кэйдзай гаку», 1957, № 144, стр. 154.

ваны ими. В бесчисленных резолюциях, принятых на различных съездах, митингах и собраниях, помещики предупреждали депутатов нижней палаты, что в случае, если они одобряют повышение земельного налога, вторично в парламент от своих избирательных округов они избраны не будут⁴⁴. Такое давление оказывалось не только на депутатов, избранных в районах, где большинство голосов на выборах контролировалось помещиками, но и на тех депутатов, которые прошли в парламент от городов, но вели свой род из этих районов⁴⁵.

И тем не менее, используя всевозможные средства экономического давления, крупный капитал сумел преодолеть упорное сопротивление помещичьих кругов. 13-я сессия парламента 10 декабря 1898 г. 161 голосом против 134 в нижней палате и почти единогласно в верхней одобрила проект закона об увеличении поземельного налога сроком на пять лет. Выполняя волю крупнейшей монополистической буржуазии, руководство кэнсэйто обеспечило поддержку непопулярного законопроекта своими депутатами в нижней палате, не посчитавшись с тем, что для этого ей пришлось восстановить против себя более 7 млн. плательщиков поземельного налога и тем самым нанести серьезный урон своему престижу. Немаловажным «аргументом» в ходе «убеждения» депутатов оппозиции, возражавших против увеличения поземельного налога, а также определенных групп в самой кэнсэйто (от районов Токайдо, Кюсю, Сикоку, Канто, Тюгоку и др.) стал прямой подкуп. 13-я сессия вошла в историю японского парламента как наиболее продажная⁴⁶ и может служить ярким примером того, как нарождавшаяся финансовая олигархия в Японии, подобно тому как это было и в других империалистических странах, налагала «густую сеть отношений зави-

---

⁴⁴ Там же, стр. 159.

⁴⁵ Это обстоятельство было учтено Ямагата и в немалой степени способствовало принятию им требований оппозиции о пересмотре избирательного закона в сторону некоторого расширения прав средней буржуазии.

⁴⁶ В этой связи Екояма Гэнноскэ писал: «После того как заканчиваются формальности, предусмотренные избирательным законом, положение депутата парламента становится чрезвычайно доходным, положение же это может быть куплено за деньги, как товар на рынке» [цит. по кн.: Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий*, стр. 107 (яп.)].

симости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества...»⁴⁷. Говоря о 13-й сессии парламента, следует коснуться еще одного вопроса. История бурной борьбы, развернувшейся в нижней палате парламента вокруг неоднократно повышавшегося после японо-китайской войны поземельного налога, получившего в японской исторической науке образное название «наследственного рака» японских кабинетов того времени, служит обычно одним из наиболее веских аргументов в пользу того, что большинство в нижней палате в рассматриваемый период принадлежало помещикам.

Действительно, проекты увеличения поземельного налога неизменно вызывали бурю протестов в нижней палате и нередко служили одним из поводов для правительственных кризисов. Однако вряд ли можно категорически утверждать, что в самом японском парламенте силой, выступавшей против увеличения налога на землю, были исключительно помещики и что в конце 90-х годов они по-прежнему составляли абсолютное большинство в нижней палате.

Начиная со второй половины 90-х годов значительно усилилось влияние не только крупной японской буржуазии, но и буржуазии в целом, особенно средних ее кругов. Отчетливо это прослеживается на примере возросшего представительства буржуазии в парламенте (имеется в виду выборная, нижняя палата).

Об абсолютном большинстве помещиков в парламенте вряд ли можно говорить даже до реформы избирательного закона в 1900 г., после проведения которой были несколько увеличены возможности представительства буржуазии⁴⁸. Тем более трудно утверждать это после

---

⁴⁷ В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, стр. 285.

⁴⁸ По новому избирательному закону возрастной ценз остался прежним: 25 лет для активного избирательного права и 30 лет — для пассивного. Имущественный ценз снижался с 15 до 10 иен. Очень важным моментом в новом законе было создание самостоятельных избирательных округов для городов с населением более 30 тыс. (это обеспечивало избрание в них депутатов от буржуазных кругов). В сельских местностях и в городах, не отнесенных к числу самостоятельных избирательных округов, предусматривалось избрание одного депутата от 130 тыс. человек. Реформа увеличила число избирателей с 400 тыс. (в 1890 г.) до 967 тыс. (в 1902 г.), а число членов нижней палаты возросло с 300 до 381.

выборов 1902 г., когда избирательная кампания впервые проводилась по новому избирательному закону. Об этом довольно красноречиво свидетельствуют приводимые далее сведения о составе нижней палаты парламента по роду занятий депутатов ⁴⁹:

	В ы б о р ы				
	5-е, март 1893 г.	6-е, август 1898 г.	7-е, август 1902 г.	8-е, март 1903 г.	9-е, март 1904 г.
Сельскохозяйственные					
круги	128	134	120	129	129
Помещики	15	11	—	—	—
Торгово-промышленные					
круги	32	24	33	35	39
Горнопромышленники	5	7	9	8	3
Члены компаний	19	15	10	13	18
Банкиры	4	6	19	16	12
Адвокаты	22	24	51	54	59
Журналисты	7	4	9	8	13
Медицинские работники	4	3	9	9	3
Рыбопромышленники, владельцы винокурен, промышленники про- дуктов моря	—	—	7	5	7
Представители прочих профессий и лица без определенных занятий	64	72	109	99	85
Всего	300	300	376	376	378

Еще более показательно следующее сопоставление, свидетельствующее об изменениях, происшедших в составе нижней палаты парламента со времени японо-китайской войны ⁵⁰:

	Выборы	
	1-е, апрель 1892 г.	9-е, март 1904 г.
Представители сельскохозяйственных кругов, рыбопромышленники, лесопромышленники	146	136
Представители торговых, финансовых, ростовщических, биржевых кругов	25	40
Руководители банков, компаний, газетных объединений	11	31
Адвокаты, учителя, журналисты, писатели, врачи	37	81
Чиновники, военные	11	5
Лица без определенных занятий	67	83

⁴⁹ Цифры взяты из кн.: «Тихо си кэнкю», Токио, 1956, стр. 206—207—далее — «Справочник по изучению местной истории» (яп.) и из табл. 2, опубликованной в журн. «Дзэнгэй», 1957, № 9, стр. 108.

⁵⁰ «Справочник по изучению местной истории», стр. 206—207 (яп.).

При ознакомлении с составом нижней палаты парламента по роду занятий депутатов за эти годы становится очевидным, что, если более внимательно приглядеться к тому, кто в действительности скрывается за рубрикой «сельскохозяйственные круги», говорить об абсолютном преобладании в ней помещиков и незначительном представительстве буржуазии достаточных оснований нет.

Как видно из приведенных цифр, число депутатов, проходивших в нижнюю палату парламента под рубрикой «помещики», было ничтожно. Более того, даже эти числа (15 и 11) были зарегистрированы лишь на пятых и шестых выборах. Ни до этого, начиная с первых выборов в 1892 г., ни после выборов 1898 г. под рубрикой «помещики» депутаты нижней палаты не значились. Видимо, не случайно в отличие от рубрики «помещики» для подразделения депутатов нижней палаты была введена рубрика «сельскохозяйственные круги», число представителей которых в рассматриваемые годы было относительно стабильно.

В то же время неуклонно возрастало представительство в нижней палате торгово-промышленных и финансовых кругов, увеличивалось число адвокатов, занимавших видные посты в банковских и промышленных компаниях и выступавших прямыми ставленниками финансово-промышленных кругов⁵¹.

Таким образом, говорить о преобладании помещиков в нижней палате в конце 90-х годов можно только при условии, если под помещиками безоговорочно подразумевать категорию депутатов, проходивших в парламент под рубрикой «сельскохозяйственные круги». В первые годы XX в. это преобладание сходило на нет, даже если отождествлять целиком и полностью «сельскохозяйственные круги» с помещиками.

В действительности же рассматривать депутатов сельскохозяйственных кругов только как представителей помещиков в японском парламенте было бы преувеличением. Под сельскохозяйственными кругами в нижнюю палату в значительной, если не преобладающей, мере проходила так называемая японская местная буржуа-

---

⁵¹ См. Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 86 (яп.).

зия, или «тихотэки сихонка» (этот термин прочно вошел в японскую историческую и историко-экономическую литературу). Под местной буржуазией подразумевалась та буржуазия, которая выросла на доходах от сдаваемой в аренду земли. И по происхождению и потому, что владели землей, они считались помещиками. Однако средства, получаемые от сдачи земли в аренду, они вкладывали в промышленные, банковые и торговые предприятия, государственные займы.

Процесс обуржуазивания помещиков значительно усилился в 90-е годы, особенно после основания в 1896 г. Японского ипотечного банка и сельскохозяйственных банков округов и префектур, которые по сути дела стали органами финансирования помещиков⁵². Получая значительные суммы под очень низкие проценты и на длительный срок, помещики либо пускали их на мелкие ссуды крестьянам под очень высокие проценты, либо приобретали акции промышленных и финансовых предприятий. Таким путем помещики, не теряя своих помещичьих интересов, постепенно становились мелкими, средними и даже крупными торговыми, промышленными и банковскими капиталистами. Они-то и составляли большую часть тех, кого называли в Японии местной буржуазией или местными дзайбацу («тихо дзайбацу»), в зависимости от размеров капитала. К таким представителям крупной местной японской буржуазии относились дом Охара в префектуре Окаяма, Катакура — из Синсю, дом Ито — из Нагоя и многие другие. Виднейшими представителями местной буржуазии были Амэмия Кэйдзи, Комакура, Танака⁵³ и др. Судя по деловой

---

⁵² Целью создания этих банков было предоставление денежных ссуд на длительный срок и с выплатой низких процентов под залог недвижимого имущества. Однако ни Японский ипотечный банк, ни местные банки не стали органами финансирования крестьян с целью развития ими сельскохозяйственного производства, ибо деньги выдавались под залог земли, а крестьяне владели мелкими участками, которые к тому же были уже заложены. В тех же случаях, когда мелкие крестьянские участки еще и не были заложены, крестьяне не получали ссуд из-за отсутствия у банков «доверия» к крестьянам [см. Иноуэ Кисси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 206 (яп.)].

⁵³ Эту группу характеризовало, в частности, владение большим числом железных дорог, как писала об этом в свое время японская пресса [см. Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 91—92 (яп.)].

активности, они были капиталистическими предпринимателями в гораздо большей мере, чем помещиками.

Характеризуя процесс буржуазного перерождения японского помещика в эпоху бурного развития капитализма в стране, автор ряда интересных работ по экономической истории Японии Сираянаги Сюко отмечает, что японский помещик в массе своей непосредственно ведением хозяйства уже не занимался. Принадлежавшую ему землю он, как правило, сдавал мелкими участками в аренду. Превратив свою землю в капитал, такой помещик все средства, получаемые от сдачи ее в аренду, стал вкладывать в банковые, торговые и промышленные предприятия, обеспечив себе тем самым существование в качестве «хатамото» или «гокэнин»⁵⁴ крупного капитала. В связи с этим, указывает Сираянаги, деревня стала играть для такого рода паразитического помещика второстепенную роль, оставаясь местом, где погребены его предки и будет похоронен он сам, а также... его избирательным участком. Постоянно такой помещик жил в городе. В деревню он приезжал только тогда, когда наступали сроки выборов в парламент, и, естественно, в парламент он проходил как представитель сельского хозяйства⁵⁵. (Само собой разумеется при этом, что в его карман не переставали идти доходы от сдачи земли в аренду и он не упускал случая расширить принадлежавшие ему земельные владения. В 80—90-е годы число такого рода помещиков значительно выросло и положение их упрочилось за счет широкой экспроприации земель беднейших слоев крестьянства.)

Процесс превращения японских помещиков в так называемую местную буржуазию очень ярко иллюстрируют следующие цифры, хотя они и относятся к более позднему периоду: на десятых всеобщих выборах в японский парламент в 1908 г. в нижнюю палату прошло 105 депутатов от сельскохозяйственных кругов. С точки зрения действительного положения и рода занятий 48 из них находились на руководящих постах в банковых

---

⁵⁴ Хатамото — высшие самураи, вассалы сёгунов Токугава, по феодальной лестнице стоявшие непосредственно за владетельными князьями; гокэнин — непосредственные вассалы Токугава.

⁵⁵ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 494 (яп.).

и промышленных компаниях, т. е. занимались капиталистическим предпринимательством⁵⁶.

Не располагая достаточными данными, трудно делать более или менее обоснованные предположения о подлинном характере состава депутатов от сельскохозяйственных кругов в парламенте конца 90-х годов XIX в. — первых годов XX в., однако несомненно, что подобное положение создалось не за четыре года, прошедшие со времени девятых выборов (март 1904 г.), и не в результате какого-то исключительного скачка, а существовало и ранее.

При этом нельзя сбрасывать со счета и то обстоятельство, что в переходе помещика к капиталистическому предпринимательству громадную роль (особенно на раннем этапе) играла арендная плата, получаемая с крестьян, а помещик, несмотря на обуржуазивание, не терял чисто помещичьих качеств и интересов.

Чрезвычайно яркой фигурой в этом отношении был король шелкомотальной промышленности Японии Катакура⁵⁷. Помещик по происхождению, Катакура превратился в одного из крупнейших промышленников страны. Особенно стремительными темпами могущество Катакура нарастало в конце 90-х годов XIX в. — начале XX в. Наряду с Мицуи он основал большое число крупных фабрик, имевших от 300 до 400 котлов, и скупил массу шелкомотальных предприятий. Огромные средства, которые Катакура получал от шелкомотальной промышленности, он тратил одновременно на скупку новых земельных угодий уже не только в собственно Японии, но и на Тайване, и в Корее. Положение паразитического помещика, арендная плата, взимаемая с крестьян, дали Катакура возможность выйти в число виднейших шелкопромышленников страны. В то же время предпринимательская деятельность Катакура в шелковой промышленности дала ему огромные дополнительные средства и позволила невероятно расширить земельные владения и таким образом не только упрочить его положение как помещика, но и использовать помещичьи доходы для того, чтобы превратиться в «короля шелкомотальной промышленности».

---

⁵⁶ «Дзэнъэй», 1957, № 9, стр. 108.

⁵⁷ См. Иноуэ Кийёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 212 (яп.).

Подобное положение наблюдалось не только в шелкомотальной промышленности, но и в хлопкопрядении, и в других отраслях. Достаточно сказать, что в рассматриваемый период, по данным японской прессы, 88 крупных капиталистов (из 441, капиталы которых составляли более полумиллиона иен), или 20%, числились представителями сельскохозяйственных кругов, лесопромышленников или крупных помещиков⁵⁸.

Приведенные факты заставляют весьма критически подходить к оценке тех сил, которые проходили в нижнюю палату под рубрикой представителей сельскохозяйственных кругов. Принимая во внимание энергичный процесс превращения японского помещика в полупомещика-полукапиталиста, нельзя, на наш взгляд, рассматривать депутатов нижней палаты парламента, числившихся под рубрикой «сельскохозяйственные круги», исключительно или главным образом как представителей и выразителей интересов помещичьих кругов.

Таким образом, представительство буржуазии в нижней, выборной, палате японского парламента (как в лице прямых представителей банковых и промышленных объединений, так и в лице предпринимателей из числа «сельскохозяйственных кругов»), особенно со второй половины 90-х годов XIX в., неуклонно возрастало. Если с полной уверенностью еще нельзя утверждать, что в конце 90-х годов большинство в нижней палате принадлежало буржуазии, то о равновесии сил помещиков и буржуазии к этому времени можно говорить уже совершенно определенно. В парламенте первых лет XX в. (после реформы избирательного закона) буржуазное большинство в нижней палате становится все более очевидным.

В то же время, если говорить о причинах столь шумного прохождения в парламенте закона о поземельном налоге, не следует упускать из виду, что его плательщиками, а следовательно, и недовольными его повышением (помимо крестьян) были не только помещики и так называемая местная буржуазия, интересы которой

---

⁵⁸ См. Иноуэ Кийёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 208 (яп.). — Классическим представителем такого рода лиц Иноуэ называет японскую императорскую фамилию, в огромных масштабах сочетавшую капиталистическое предпринимательство с получением помещичьих доходов от владения землей.

тесно срослись с помещичьим землевладением. Владельцами значительных земельных угодий и, таким образом, плательщиками поземельного налога, как уже отмечалось, выступали весьма широкие круги японской буржуазии. И если для таких, как Мицуи, и других представителей крупной буржуазии выплата поземельного налога не составляла никаких трудностей, так как в огромной мере перекрывалась другими доходами, а также широкими субсидиями из той же государственной казны, то для менее влиятельных кругов буржуазии это было известным бременем.

После японо-китайской войны число так называемых отсутствующих помещиков (из буржуазных кругов) растет особенно стремительно. Процесс обуржуазивания японских помещиков, с одной стороны, и превращения капиталистов одновременно в отсутствующих помещиков — с другой, процесс сращивания экономических интересов помещиков и буржуазии в рассматриваемый период происходил так стремительно, что очень часто было уже невозможно провести четкую границу в деятельности помещичьего или капиталистического типа того или иного буржуа или помещика.

Этого двустороннего процесса сращивания и переплетения интересов помещиков и буржуазии не следует забывать и при рассмотрении парламентской борьбы вокруг проекта увеличения поземельного налога, а также и при анализе роли поземельного налога в общей сумме налоговых поступлений⁵⁹.

Интересно отметить, что в ходе парламентских дебатов по вопросу о земельном налоге, независимо от того, за или против его увеличения высказывалась та или иная, или обе сразу политические партии (это обуслов-

---

⁵⁹ В 90-е годы земельный налог уже не играл в системе государственных финансов той роли, какая принадлежала ему в 70—80-е годы. Если в общей сумме налоговых поступлений процент поземельного налога составил в 1892 г. 56,4, то в 1897 г. он равнялся 39,8, а в 1902 г. — 28,4. Подоходный налог исчислялся соответственно в 1892 г. — 1,6%, в 1897 г. — около 2,2%, а в 1902 г. — до 4,5%. Налог на промышленность, введенный впервые в 1897 г., составлял 4,6%, в 1902 г. — 4,5%.

Если учесть, что определенная часть поземельного налога выплачивалась крестьянами и частично буржуазией, владевшей землей, резкой разницы в положении помещиков и буржуазии в системе государственных финансов не получится.

ливалось многими обстоятельствами и соображениями), аргументация их оставалась без изменений. Сводилась она неизбежно к тому, что львиную долю поземельного налога по сути дела выплачивает средняя и мелкая промышленная и торговая буржуазия, которой и должно принадлежать в конечном итоге последнее и решающее слово в определении налоговой политики на землю. Так, в 1902 г., выступая от лица объединенной парламентской оппозиции, Тагути Укити, крупный делец и небызвестный идеолог японской средней и мелкой буржуазии, на этот раз резко протестовал против правительственного проекта дальнейшего сохранения увеличенного поземельного налога. Отметив, что после японо-китайской войны поземельный налог чрезвычайно увеличился, Тагути заявил: это тяжело отразилось на положении мелких и средних промышленников и торговцев, так как они, владея одновременно земельными участками, выступают основными плательщиками этого налога. По утверждению Тагути, за пять лет (начиная с 1897 г.) по плану увеличения земельного налога именно такая средняя и мелкая буржуазия выплатила 240 из 250 млн. иен⁶⁰. Независимо от того, насколько Тагути в пропагандистских целях мог завysить эту цифру, пройти мимо нее невозможно.

В 1898 г. тот же Тагути по ряду обстоятельств, как это отмечалось выше, столь же рьяно выступал в нижней палате за увеличение поземельного налога, возглавив целую парламентскую группировку. Однако, подобно тому как это было и в 1902 г., аргументация Тагути была той же, т. е. что помещики за последние годы перестали уже быть только помещиками, превратились наполовину в банкиров, промышленников и торговцев и что повышение поземельного налога не будет для них тяжелым ударом, так как земля отнюдь не является их единственным источником существования.

Таким образом, естественно, что, попав в ряды плательщиков поземельного налога, известные круги буржуазии, в особенности мелкой, выступали вместе с помещиками против его увеличения⁶¹, что не могло не от-

---

⁶⁰ См. Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 498 (яп.).

⁶¹ Видный представитель крупной японской буржуазии, активно выступавший за увеличение поземельного налога, Окура Кихатио после очередного провала проекта увеличения поземельного налога

разиться на обстановке и в нижней палате⁶², и за ее стенами. Накал споров в нижней палате парламента по вопросу о повышении ставки поземельного налога постепенно уменьшался, в особенности если сравнить с тем, что происходило по этому поводу в парламенте в первой половине 90-х годов. Немаловажную роль в этом сыграл активно протекавший в эти годы процесс срачивания экономических интересов японской буржуазии и помещиков. Борьба вокруг поземельного налога в нижней палате стала все в большей мере определяться соображениями партийной и межпартийной борьбы, а не непосредственными столкновениями буржуазии и помещиков (такого рода чистых политических группировок в японском парламенте вообще не было в рассматриваемый период). Без учета этого, в частности, было бы трудно объяснить то, что кэнсэйто, представительство помещиков в которой было более значительным, чем в кэнсэйхонто, часто выступала в поддержку правительственного проекта увеличения поземельного налога, а кэнсэйхонто — против.

Возвращаясь к вопросу о соотношении сил помещиков и буржуазии в нижней палате и возросшем представительстве в ней буржуазии, следует отметить, что политический вес японской буржуазии в целом был несравненно выше, чем ее формальное представительство

на 12-й сессии парламента в мае 1898 г. (проект был почти единогласно провален еще в специальной парламентской комиссии) выразил сожаление промышленных кругов по поводу того, что некоторые депутаты парламента, посланные туда торгово-промышленными организациями Токио и других городов, вместе с представителями помещичьих кругов протестовали против увеличения налога, призванного служить «прогрессу страны» (см. журн.: «Васэда сэйдзи кэйдзайгаку», 1957, № 144, стр. 147).

⁶² В связи с этим следует отметить, что верхняя палата японского парламента, которая обычно рассматривается как оплот помещичьих кругов, проводила проекты увеличения поземельного налога без особого шума. На 13-й сессии проект увеличения поземельного налога был одобрен почти единогласно. Однако было бы странно делать на этом основании вывод о том, что помещиков в верхней палате было меньше, чем в нижней. Вопрос скорее всего, видимо, заключался в том, что в верхней палате (наряду с крупнейшей буржуазией) были представлены наиболее крупные помещики, являвшиеся одновременно и крупными предпринимателями, в силу чего выплата поземельного налога, во много раз перекрываемого широкими правительственными субсидиями, не представляла для них особой трудности и не вызывала протеста.

в парламенте. Об этом свидетельствовал не только исход борьбы вокруг поземельного налога, но и ряд других моментов, в том числе результаты борьбы между буржуазией и помещиками по вопросу об отмене высоких пошлин на вывоз хлопчатобумажной пряжи и в особенности на ввоз импортного хлопка-сырца.

Уже со времени кризиса 1890 г. начала определяться узость внутреннего рынка для отечественной прядильной промышленности. В это время текстильный картель «Босэки рэнгокай» впервые прибег к сокращению производства. В связи с отчетливо выявившейся перспективой перепроизводства хлопчатобумажной пряжи перед «Босэки рэнгокай», как и перед всей хлопкопрядильной промышленностью страны, остро встал вопрос о форсировании экспорта пряжи и завоевании иностранных рынков, в первую очередь корейского и китайского. В такой обстановке высокие налоги на вывоз пряжи и в особенности высокие таможенные пошлины на импортный хлопок-сырец стали тормозом для развития отечественного хлопкопрядения. Все предприниматели прядильного производства во главе с магнатами этой отрасли, объединенными в «Босэки рэнгокай», развернули ожесточенную кампанию за отмену налогов на вывоз хлопчатобумажной пряжи и ликвидацию высоких пошлин на импортный хлопок-сырец. В 1894 г. буржуазия добилась отмены налога.

Гораздо более острая борьба развернулась вокруг отмены заградительных пошлин на ввоз иностранного хлопка-сырца, и в этом отношении победа, одержанная буржуазией, была еще более убедительной.

Отечественный хлопок, производимый множеством мелких крестьянских хозяйств, не мог удовлетворить растущих потребностей крупных механизированных хлопкопрядилен не только в количественном, но и в качественном отношении. В то же время отмена высоких пошлин на иностранный хлопок-сырец означала бы гибель производства хлопка внутри страны, удар по множеству мелких крестьянских хозяйств, занимавшихся выращиванием хлопка, и, следовательно, по паразитирующим на них помещикам. Таможенная политика правительства носила защитительный характер для помещичьих кругов, помогая им удерживать высокие цены на хлопок-сырец и высокие пошлины на импортный хлопок.

Естественно, что требования буржуазии об отмене высоких таможенных пошлин на импортный хлопок-сырец натолкнулись на ожесточенное сопротивление со стороны помещичьих кругов, которые начали широкую кампанию за мобилизацию общественного мнения против отмены заградительных пошлин на ввоз хлопка-сырца. Под их руководством в стране развернулось своеобразное петиционное крестьянское движение. Однако, несмотря ни на что, буржуазия и на этот раз вышла победителем из схватки с помещичьими кругами. В 1896 г. пошлина на импортный хлопок-сырец была отменена. В страну хлынул дешевый индийский хлопок. Японская буржуазия в лице прежде всего крупных прядильных предпринимателей одержала новую победу над помещичьими кругами в борьбе за право первого слова при решении важнейших государственных дел.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что крупная японская буржуазия на рубеже XIX—XX вв. пользовалась огромным влиянием в политической жизни страны. Как показала борьба вокруг поземельного налога, монополистический капитал, несмотря на сильные политические позиции японских помещиков, осуществлял необходимую ему политику не только руками абсолютистских правительств, но и через парламент и политические партии, представленные в нем, если решение вопроса, интересующего крупную буржуазию, зависело именно от них. Характеризуя огромное влияние в Японии 10—15 так называемых богатых домов, в особенности Мицуи и Мицубиси, и отмечая, что от них в большой мере зависят и ими направляются и бюрократические, и политические деятели, Сираянаги Сюко весьма образно писал: «...Будь то один из так называемых деятелей эры Мэйдзи или партийный лидер — все они беспрекословно склонялись перед волей богатых домов... Эти богатые дома... по сути дела управляли правительствами и водили за нос политические партии. Правительства или политические партии, которые не следовали их желаниям, незамедлительно испытывали на себе устрашающую власть желтого дьявола и прямо или косвенно сбрасывались или уничтожались»⁶³. Не менее образно характеризовала огромный политический вес

---

⁶³ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 491—492 (яп.).

крупной японской буржуазии и существо ее взаимоотношений с правительством и политическими партиями и японская пресса того периода. В одном из номеров журнала «Сэкай-но нихон» за 1898 г. мы читаем: «Власть буржуазии растет изо дня в день. Она повергла в безвыходное положение предыдущий кабинет⁶⁴, затормозив подписку на заем, и укрепила положение кабинета Мацуката, активно проводя эту подписку. Своими разговорами о депрессии буржуазия может повергнуть в уныние кабинет Мацуката и заставить его в интересах развития предпринимательства проводить золотой стандарт. Своей критикой неустойчивости проводимой политики она в состоянии убрать кабинет Мацуката. Она может парализовать деятельность всех политических партий своими разговорами о необходимости ликвидации банков и загонять правительство и партии, ссорясь между собой о поддержке „Юсэн кайся“. Когда она выступает единым фронтом, она может создавать законы, отменять их, свергать правительства»⁶⁵.

Наряду с огромным усилением роли и влияния в политической жизни страны крупной буржуазии конец XIX в. ознаменовался также значительным укреплением позиций весьма широких кругов средней буржуазии, и это незамедлительно сказалось на положении политических партий. Те немалые усилия, которые пришлось приложить крупному капиталу, чтобы обеспечить необходимое большинство при голосовании выгодных ему законопроектов в нижней палате, все более убеждали его в необходимости иметь свою, более послушную политическую партию, могущую служить надежной опорой в парламенте⁶⁶.

---

⁶⁴ Кабинет Ито навлек на себя резкое недовольство буржуазии введением налога на предпринимательство (см. *«История финансов в годы Мэйдзи»*, т. 3, стр. 45).

⁶⁵ Цит. по кн.: Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 99 (яп.).

⁶⁶ Окура Кихатиро, выражая эти настроения, под непосредственным впечатлением безрезультатности дискуссии по земельному налогу на 12-й сессии парламента говорил: «В создавшейся обстановке наше вмешательство в политику совершенно необходимо... И сейчас и в дальнейшем мы должны приложить максимум усилий к созданию политической партии, которая, как мы надеемся, будет стоять на прочной основе и проводить нужную политику. В такой партии мы должны участвовать и сами» (цит. по ст.: Канэтийка Тэроу в журн.: «Васэда сэйдзи кэйдзай гаку», 1957, № 1, стр. 147).

Глава III

УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Анализируя политическую обстановку, характеризующую перерастание капитализма в империализм, В. И. Ленин писал: «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом (империализм есть монополистический капитализм) является поворот от демократии к политической реакции». В. И. Ленин подчеркивал при этом, что усиление реакции происходит по всем направлениям. «И во внешней политике, и во внутренней одинаково, — писал он, — империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции»¹.

В отличие от некоторых стран Запада Япония по существу не знала периода сколько-нибудь широкой буржуазной демократии. Из-за половинчатости, незавершенности буржуазной революции 1868 г. и ряда других причин, обусловленных спецификой исторической обстановки, в которой проходило формирование и развитие японского капитализма, японская демократия была крайне куцей и ограниченной. Япония этих лет весьма напоминала в политическом отношении прусское государство² второй половины 70-х годов XIX в., очень

---

¹ В. И. Ленин, *О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»*, — Сочинения, т. 23, изд. 4, стр. 31.

² Не случайно, что после ознакомления с конституциями и политическим строем западных государств (1882—1884 гг.) японская бюрократическая верхушка во главе с Ито Хиробуми, в задачу которой входила выработка проекта первой японской конституции,

образно охарактеризованное в «Критике Готской программы» К. Маркса как государство, «которое представляет собою не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...»³. Естественно поэтому, что поворот от демократии к политической реакции в Японии, происходивший попутно с перерастанием японского капитализма в империализм, не был так четко выражен, как в других странах. Тем не менее и для Японии рубеж XIX—XX вв. ознаменовался усилением реакции, отчетливо обозначившись и во внутренней, и во внешней политике.

Переход к активному наступлению реакции во внутренней политике, наиболее ярко выразившийся в процессе консолидации сил правящего лагеря, происходил в большей мере на базе реакционного крыла этого лагеря в лице абсолютистской бюрократии, а также в откровенно антинародном законодательстве и был ускорен тем, что перерастание японского капитализма в империализм совпало по времени с началом организованного рабочего движения в стране.

Положение рабочего класса.

Рост его организованности.

Создание первой социал-демократической партии: (сякай минсю то)

Во второй половине 90-х годов XIX в. вновь началось ухудшение положения широких масс японских трудящихся. Подготовка новой агрессивной войны, начатая правящей верхушкой немедленно после грабительской войны 1894—1895 гг., и связанная с ней гонка вооружений принесли японскому народу нищету и разорение. Военные расходы, составлявшие с 1896 по 1903 г. (исключая 1901—1902 гг.) от 44 до 51% всех годовых расходов⁴, обогащая крупную буржуазию, тяже-

остановила свое внимание именно на Пруссии и ее архиреакционной конституции, по образу и подобию которой и была составлена японская конституция 1889 г.

³ К. Маркс, *Критика Готской программы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, — Сочинения, т. XV, стр. 284.

⁴ Иноуэ Киёси, *Нихон-но гункокусюги*, т. II, Токио, 1953, стр. 216—далее — Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм* (яп.).

лым бременем легли на плечи основных налогоплательщиков — рабочих и крестьян.

Из года в год росли как прямые, так и косвенные налоги. С 1896 по 1904 г. неоднократно повышались земельный и подоходный налоги, налоги на сою, сахар, масло, сакэ, на потребление шерстяных и хлопчатобумажных изделий и т. п. Не довольствуясь этим, правительство ввело новые чрезвычайные налоги, установило монополию на соль, листовой табак и табачные изделия⁵. Значительно увеличились почтовые, телеграфные и телефонные тарифы.

О росте косвенных налогов, т. е. налогов на товары широкого потребления и продовольственные товары, отчетливое представление дают следующие цифры. В общей сумме налоговых поступлений косвенные налоги составляли в 1892 г. 35%, в 1897 г. 47, в 1902 г. 60,9%⁶.

Положение японских трудящихся после войны 1894—1895 гг. усугублялось и неуклонным ростом цен на продукты питания и товары первой необходимости. По сравнению с предвоенными годами резко поднялись цены на рис, пшеницу, почти в два раза увеличились цены на сою, бобы, более чем в два раза — на мясо и т. д. Особенно болезненно сказывалось на жизни японских трудящихся повышение цен на рис — основной продукт питания японского населения. Приводимые ниже цифры указывают размеры средних розничных цен (в иенах) на рис в Токио (за 1 коку)⁷:

Год	Цена	Год	Цена
1893	9 969	1900	16 186
1896	12 806	1901	16 586
1897	15 978	1902	17 009
1898	19 323	1903	19 433
1899	12 976		

---

⁵ Особенно тяжелым налоговым гнет был в годы русско-японской войны. В первый год войны увеличение налогов по сравнению с предшествующим годом составило 50, во второй год войны — 100%.

⁶ «Нихон кэйдзай токэй сокан», Осака, 1930, стр. 170—173 — далее — «Статистический справочник по экономике Японии» (яп.).

⁷ «Мэйдзи тайсё жокусэй соран», Токио, 1927, стр. 374—384 — далее — «Статистический справочник по экономике Японии периода Мэйдзи — Тайсё» (яп.); 1 коку равен 180 литрам.

Если же сравнить цены на рис в послевоенное время с ценами 80-х годов, картина получится еще более разительная, поскольку тогда один коку риса в среднем стоил около пяти иен.

Повышению цен на продукты питания в эти годы способствовали правительственные мероприятия по увеличению импортных пошлин, введению новых защитительных тарифов для ограждения крупных помещиков и предпринимателей от иностранной конкуренции на внутреннем рынке. В частности, стремясь компенсировать некоторое сокращение доходов помещичье-буржуазных кругов в результате повышения поземельного налога в послевоенные годы, правительство ввело увеличенные импортные тарифы на рис, пшеницу, бобы и другие сельскохозяйственные продукты. Это дало возможность крупным производителям взвинтить цены на продукты питания и прочие товары. О ежегодном увеличении цен на рис и товары первой необходимости за период с 1896 по 1903 г. (по сравнению с довоенным 1894 г.) дают представление следующие цифры (в иенах) ⁸:

Год	Цены на рис	Цены на товары первой необходимости	Год	Цены на рис	Цены на товары первой необходимости
1896	108,4	115	1900	140,2	145
1897	133,9	128	1901	143,9	139
1898	166,8	135	1902	163,9	140
1899	113,5	136	1903	150,2	148

Резко выросла за эти же годы квартирная плата, и в 90-е годы она равнялась в среднем 30% среднего бюджета рабочего, в то время как в 80-е годы она составляла 10%. Увеличилась также плата за бытовые услуги.

В то же время зарплата японских рабочих продолжала оставаться на крайне низком уровне. Некоторое повышение заработной платы японских рабочих, наблюдавшееся после японо-китайской войны, не привело к улучшению условий жизни трудящихся, так как увеличение налогового обложения и неуклонный рост цен на продовольствие и товары широкого потребления зна-

⁸ Цены на рис даны применительно к средним рыночным ценам за один коку риса в Токио. Цены на товары первой необходимости соответствуют оптовым ценам, существовавшим в то время в Токио (см. Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 203 (яп.)).

чительно опережали темпы роста зарплаты. Реальная заработная плата японских рабочих за послевоенные годы не только не увеличилась, как об этом сообщала буржуазная пресса, но понизилась. Катаяма Сэн в одной из своих статей о положении рабочего класса страны, опубликованной в 1897 г., писал, что все утверждения буржуазных газет и журналов о повышении жизненного уровня японских трудящихся (в связи с некоторым ростом номинальной заработной платы) разлетаются в прах при первом столкновении с данными о росте цен на продукты питания и предметы первой необходимости⁹.

Японская статистика приводит данные о росте номинальной заработной платы в сравнении не с довоенным 1894 г., а с 1900 или 1914 г. Но даже по этим сведениям, хотя они и затрудняют сопоставление, можно судить, что номинальная зарплата увеличилась в 1895—1899 гг. крайне незначительно. Приводимые ниже цифры показывают индекс заработной платы в Токио и в Осака (1900 г. = 100)¹⁰:

Год	В Токио	В Осака	В среднем по стране
1901	97,4	100,6	100,7
1902	99,0	102,6	104,5
1903	101,2	110,8	106,6
1904	103,0	105,0	103,8

Таким образом, ясно видно, что жизненный уровень японских рабочих, учитывая рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, не только не повышался, но неуклонно падал.

Еще более наглядное представление о положении японских рабочих дают следующие сведения: средняя дневная заработная плата японского рабочего составляла в 90-е годы 30—35 сен. Эти цифры складывались из весьма неравномерной оплаты труда по отраслям промышленности. Если в отраслях тяжелой промышленности, например в металлургической, средний дневной заработок рабочего составлял 30—35 сен, то в легкой

⁹ «Мэйдзи саякай ундо сисо», т. I, Токио, 1955, стр. 49—50 — далее — «Общественные движения и общественная мысль периода Мэйдзи» (яп.).

¹⁰ «Статистический обзор экономики Японии», стр. 921, 930, 940.

промышленности он был значительно ниже. Например, в текстильном производстве средняя дневная заработная плата не превышала 15—17 сен. Оплата за сверхурочную работу производилась из расчета 3 сены в час. Квалифицированный рабочий зарабатывал до 70 сен в день ¹¹.

По данным японских исследователей, уровень жизни семьи даже квалифицированного рабочего был чрезвычайно низким (при одном работающем в семье). Прожиточный минимум (в месяц) для семьи рабочего из трех-пяти человек в 90-е годы составлял от 20 до 23,5 иены, в то время как средняя месячная заработная плата квалифицированного рабочего не превышала 16—17 иен. Особенно тяжелым положение японских рабочих было в 1897—1898 и 1900—1902 гг. С кризисом 1897—1898 гг. связано появление в Японии безработицы. Число рабочих, учитываемых фабрично-заводской статистикой, сократилось с 437 254 в 1897 г. до 412 205 в 1898 г. ¹².

Условия труда японских рабочих продолжали оставаться чрезвычайно тяжелыми. Продолжительность рабочего дня, как правило, достигала в среднем 12—14 часов в сутки. Более того, после японо-китайской войны предприниматели стремились к дальнейшему увеличению рабочего дня. Широко использовался детский и женский труд. Процветали полуфеодалные формы и методы эксплуатации: система ученичества, принудительных общежитий, широкое распространение которых приходится как раз на 90-е годы, и т. д.

Потрясающие сведения о положении японских рабочих приводились, например, в документе, подготовленном в свое время министерством сельского хозяйства и торговли Японии и опубликованном в 1903 г. ¹³. В связи с предстоящей выработкой проекта фабричного за-

---

¹¹ «Нихон сихонсюги-но хаттэн», т. I—II, Токио, 1957—далее — «Развитие японского капитализма», т. I (яп.).

¹² Огава Син'ити, *Нихон-но родо дзётэй оёби родося ундо си*, т. I, Токио, 1932 — далее — Огава Син'ити, *Положение рабочего класса и история рабочего движения* (яп.), а также «Статистический справочник по экономике Японии», стр. 960 (яп.).

¹³ Результаты этого обследования приводятся по кн.: «Нихон рэкиси кодза. Нихонси кэнкюкай. Рэкисигаку кюнкюкайхэн», т. 5, Токио, 1956, стр. 193—194 — далее — «История Японии» (яп.).

кона это министерство создало специальную комиссию для проведения обследования положения и условий труда рабочих каждой отрасли промышленности¹⁴. Обследование проводилось в течение нескольких лет, и в результате в 1903 г. был издан объемистый документ, озаглавленный «Действительное положение трудящихся». В нем было несколько разделов, посвященных различным отраслям промышленности. В разделе о положении рабочих в шелкомотальной промышленности сообщалось, что в 90-е годы продолжительность рабочего дня в этой отрасли составляла в среднем 14 часов в сутки. Нередко рабочий день женщин-шелкомотальщиц достигал 17—18 часов. Еще более тяжелым было положение трудящихся хлопкопрядильной промышленности (раздел 1). Так, приводились многочисленные примеры, когда предприниматель, испытывая недостаток в рабочих для ночных смен, принуждал их работать после дневной смены и ночью (т. е. по 24 часа подряд). Были случаи, когда работницу после 24 часов непрерывной работы заставляли трудиться еще 12 часов¹⁵.

Предприниматели для обеспечения своих предприятий необходимой рабочей силой не останавливались ни перед чем, особенно когда дело касалось наиболее тяжелых, ночных работ. Например, в 1900 г. в префектуре Нагано шесть крупнейших предпринимателей шелкомотальной промышленности — Катакура, Когуты, Хаяси и др. — заключили между собой соглашение с целью ограничить свободу перехода рабочих с одного предприятия на другое в связи с нехваткой рабочих (преимущественно для ночных работ), препятствовать борьбе рабочих за улучшение условий труда и т. п. Подобные же союзы

---

¹⁴ В работе комиссии, в частности, принимал участие Ёкояма Ёэнносукэ (1871—1915), одним из первых начавший печатать в японской прессе правду о положении рабочего класса страны. В 1898 г. в результате непосредственного ознакомления с жизнью и условиями труда рабочих на предприятиях Ёкояма выпустил книгу «Низшие слои японского общества», где нарисовал поистине ужасающую картину эксплуатации японского рабочего. Ёкояма сотрудничал в журнале японских социалистов «Родо сэкай» и позднее в газете «Хэймин симбун». Участие Ёкоямы в работе указанной комиссии по обследованию условий труда рабочих несомненно повлияло на публикацию в ее отчете правдивых сведений о положении японских трудящихся.

¹⁵ «История Японии», стр. 194 (яп.).

предпринимателей существовали в префектуре Симанэ и др.

Эксплуатация японского рабочего класса была практически неограниченной. В стране совершенно отсутствовало какое-либо рабочее законодательство. Беспредельным цинизмом пронизаны заявления буржуазного «либерала», ярого противника фабричного законодательства Тагути Укити, который следующим образом характеризовал положение рабочих в 90-е годы: «...Нынешние японские заводы и фабрики для рабочих — предельный рай, а для нанимателей и держателей акций — сущий ад». Тагути рекомендовал тем, «кого не удовлетворяет положение рабочего ...старательно экономя и накапливая... стать капиталистом»¹⁶. Высказываясь против организации бесплатных больниц и приютов и вечерних школ для народа, этот «либерально» настроенный политический деятель ратовал за «усовершенствование публичных домов».

Японская буржуазия, жестоко эксплуатируя рабочих и наживая на их каторжном труде огромные богатства, была уверена, что на место каждого неугодного ей найдутся десятки других, которые предпочтут любой труд и нищенское существование голодной смерти. Полукрепостническое угнетение японского крестьянства обуславливало постоянное пополнение армии безработных и широкие возможности для эксплуатации рабочих.

Положение японского крестьянства, задавленного многочисленными налогами и поборами, также было крайне тяжелым. Непосильным бременем лежал на нем поземельный налог, неоднократно повышавшийся в послевоенные годы. В 1898 г. ставка поземельного налога была увеличена от 0,8 до 2,5% в зависимости от характера земельного участка. Затем ставка поземельного налога увеличилась еще от 1,8 до 5,5% и через некоторое время — от 1,2 до 12%. В итоге за десятилетие между двумя войнами (1895—1905) земельный налог в зависимости от характера земельного участка был увеличен от 3,8 до 20%¹⁷. В денежном выражении за эти

---

¹⁶ См. в кн.: «Современные японские мыслители», М., 1958, стр. 123, 124.

¹⁷ Ogawa Gotaro, *Expenditure of the Russo-Japanese war*, New York, 1923, p. 72.

годы он вырос с 38,4 млн. иен в 1898 г. до 46,7 млн. в 1900 и 1903 гг. и до 60,9 млн. иен в 1904 г.¹⁸ (Число лиц, плативших поземельный налог, составляло в 1902 г. 7,7 млн., в 1903 г. 7,9 млн. и в 1904 г. 8,1 млн.¹⁹.)

Поземельный налог разорял и обезземеливал крестьян. Во второй половине 90-х годов XIX в. значительно увеличилось число крестьян-арендаторов.

Послевоенные годы были чрезвычайно тяжелыми для японского крестьянства и в связи с частыми и тяжелыми неурожаями. В 1897—1898 гг. в стране был большой недород риса. Вместе с тем в 1898 г. (по сравнению с 1897 г.) в связи с испано-американской войной сократился экспорт шелка-сырца на 20%, что не могло не отразиться на жизненном уровне японского крестьянства²⁰.

В 1900 г. неурожай риса в стране повторился. В 1902 г. из-за заморозков в районе Тохоку, наводнения и тайфунов в районах Канто и Тюгоку Японию вновь постиг страшный недород риса. Голод, охвативший страну, по мнению японских историков²¹, был даже тяжелее тех, которые поражали Японию в последние годы господства Токугава. В районе Тохоку, например, из-за истощения умерли несколько сотен тысяч людей.

Нищета и бесправие широчайших масс японских трудящихся создавали крайне напряженную обстановку в стране. То здесь, то там вспыхивали так называемые «рисовые бунты» голодных людей. Все решительнее поднимались на борьбу рабочий класс и крестьянство.

В истории японского рабочего движения послевоенный период был переломным. С этого времени в Японии начало развиваться организованное рабочее движение. Прогрессивные японские историки справедливо называют 1897 год годом рождения современного рабочего движения в Японии. Так же оценивали его руководители

---

¹⁸ «Статистический обзор экономики Японии», стр. 164 (яп.).

¹⁹ «Статистический справочник по экономике Японии периода Мэйдзи — Тайсё», стр. 659 (яп.).

²⁰ Окадзаки Сабуро, *Нихон сихонсюги-но хаттэн данкай*, Токно, 1954, стр. 74—75.

²¹ См., например, Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 210 (яп.).

рабочего и социалистического движения страны того периода Катаяма Сэн и Котоку Дэндзи́ро.

Официальная японская статистика, начавшая публиковать сведения о рабочих конфликтах лишь со второй половины 1897 г., давала далеко не точное представление о развитии рабочего движения в стране ²²:

Год	Число конфликтов	Число участников
1897 (вторая половина)	32	3517
1898 " "	43	6292
1899 " "	15	4284
1900 " "	11	2316
1901 " "	18	1948

Опираясь на высказывания Катаяма Сэн и Котоку Дэндзи́ро ²³ и используя в своих подсчетах материалы японской периодической печати того времени, японские прогрессивные историки сумели восстановить подлинную картину подъема стачечной борьбы японского пролетариата в 1897 г. По их подсчетам, в 1897 г. произошло 92 трудовых конфликта, в то время как в 1896 г. число трудовых конфликтов составляло всего 19 ²⁴.

В эти годы стачки происходили в горнодобывающей промышленности, в текстильной, полиграфической и др. Видную роль в рабочем движении послевоенного периода играли японские металлисты и железнодорожники.

Особенно серьезное беспокойство правительственных кругов вызвала стачка машинистов и кочегаров ведущей железнодорожной компании страны «Нихон тэцудо», вспыхнувшая в феврале 1898 г. на линии Токио — Аомори, связывавшей столицу с северо-востоком страны. На фоне, как правило, разрозненных выступлений рабочих стачка машинистов резко выделялась своей органи-

---

²² Огава Синьити, *Положение рабочего класса и история рабочего движения*, стр. 35 (яп.).

²³ Катаяма Сэн, *Нихон-но родо ундэ*, Токио, 1952, стр. 245—далее — Катаяма Сэн, *Рабочее движение в Японии* (яп.); Котоку Дэндзи́ро, Исигава Сансиро, *Нихон но сякайсюги си*, — «Мэйдзи бунка дзэнсю», т. 21, Токио, 1933, стр. 355—далее — Котоку Дэндзи́ро, *История японского социализма* (яп.).

²⁴ При подсчетах были использованы газета «Осака Асахи симбун», журн. «Тоё кэйдай дзасси», «Токио кэйдай дзасси» и др. См. Ямамото Сиро, *Рабочее движение в 20-х годах периода Мэйдзи*, — «Нихон си кэнкю», 1957, № 34, стр. 47—48.

зованностью, перед которой вынуждена была отступить одна из могущественных монополистических компаний страны.

Стачка машинистов напугала правящие круги не только своей организованностью и упорством, но и тем влиянием, которое она оказала на широкие круги рабочих. В многочисленных злобных призывах буржуазной печати к подавлению силой забастовки машинистов²⁵ отчетливо звучали нотки страха, что примеру машинистов компании «Нихон тэцудо» могут последовать и другие рабочие. (А такая реальная угроза выявилась в ходе забастовки.) Буржуазная печать с тревогой писала, что забастовка машинистов линии Токио — Аомори повлекла за собой забастовки на других железных дорогах (например, на линии Симбаси — Кобэ), где положение машинистов и подсобных рабочих было столь же тяжелым. Экономический журнал «Токио-кэйдзай дзаси», издававшийся Тагути Укити, в номере от 26 марта 1898 г. писал, что, если не принять необходимых мер, борьба машинистов может принять всеяпонские масштабы²⁶.

Правящие круги были напуганы не столько самой стачкой машинистов, сколько ростом сознательности рабочего класса, его растущей организованностью.

Конец 90-х годов ознаменовался в Японии бурным развитием профсоюзного движения, активным проникновением в рабочую среду социалистических идей. В первых профсоюзных объединениях и социалистических кружках начала выявляться тенденция не только устанавливать более прочные связи с рабочими массами, но и в известной мере руководить их борьбой.

В апреле 1897 г. группа прогрессивно настроенных японских рабочих, только что вернувшихся из Америки, создала «Добровольное общество рабочих» («Сёкко гиюкай») и обратилась к японским трудящимся с призывом объединиться в рабочие профессиональные сою-

---

²⁵ См. об этом работу Катаяма Сэн, *Рабочее движение в Японии*, стр. 95 (яп.).

²⁶ Подробно о ходе стачки и ее значении в истории развития рабочего движения в Японии см. Ватанабэ Кикую, *Прелюдия современного рабочего движения*, — «Рэкиси хёрон», 1955, № 70, стр. 16—33.

зы²⁷. В воззвании говорилось о необходимости объединения рабочих в отраслевые профсоюзы для борьбы за улучшение жизненных условий. Разъяснения давались на примере рабочих Америки.

«Обращение ко всем рабочим» (так называлось это воззвание) фактически было составлено с реформистских позиций. Оно отвергало революционный путь решения рабочего вопроса в стране, предлагая нечто вроде установления мирного сосуществования рабочего и капиталиста по взаимному соглашению, достигнутому в ходе забастовочной борьбы объединенных в профсоюзы рабочих. В этом документе отсутствовал какой бы то ни было научный анализ причин нищеты и безработицы и других язв капиталистического общества. И все же «Обращение» «Добровольного общества рабочих», получившее широкое распространение на предприятиях страны, сыграло важную роль в вовлечении рабочих в профсоюзы. Оно послужило своеобразной инструкцией, в которой тщательно, на примерах разъяснялось, как следует создавать рабочие союзы, для чего необходимы и как будут использоваться членские взносы и т. п. Новым для Японии моментом было, в частности, и то, что в «Обращении» говорилось не только о необходимости создания отраслевых профсоюзов на отдельных предприятиях, но и о необходимости организации всеяпонских отраслевых профсоюзов и образования Всеяпонской федерации профсоюзов. Таким образом, впервые ставился вопрос об объединении рабочих в масштабе всей страны.

В это время в движение за создание профсоюзов активно включился Катаяма Сэн. При его поддержке в июле 1897 г. было образовано «Общество содействия организации рабочих профсоюзов» («Родо кумиай кисэй домэйкай»). В воззвании к рабочим оно сообщило о своих целях: наряду с борьбой в защиту и за расширение прав и интересов рабочих и повышение уровня их сознательности центральной задачей «Общества» провозглашалось объединение рабочих в профсоюзы²⁸. Обращало на себя внимание отсутствие в этом документе

²⁷ Текст воззвания см. в сборнике статей периодической печати 1897—1909 гг. «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 22—29 (яп.).

²⁸ Там же, стр. 37—39.

призыва к сотрудничеству между трудом и капиталом, который был характерен для всех рабочих обществ и организаций предыдущего периода.

Вслед за воззванием в журналах «Рикуго дзасси», «Тайё» последовала серия статей Катаяма Сэн, разъясняющих рабочим необходимость объединения их в профессиональные союзы²⁹. Катаяма убеждал рабочих, что при создавшейся обстановке организация их в профсоюзы вызывается настоятельной необходимостью, что, только объединившись, рабочие смогут добиться «избавления от капиталистического рабства». В статье, опубликованной 15 августа 1897 г. в журнале «Рикуго дзасси», Катаяма, говоря о бедственном положении рабочих, о необходимости объединения их и ведения забастовочной борьбы, указывал, что в создавшейся обстановке невозможно добиться улучшения жизненных условий трудящихся посредством подливания в их отношения с капиталистом «масла гармонии труда и капитала»³⁰.

Результатом всего этого явился быстрый рост «Общества содействия организации рабочих союзов». За первые полгода его существования в него вступило до двух тысяч, преимущественно рабочих Токийского артиллерийского арсенала, железных дорог, судоверфей Июкогама, военно-морского арсенала Июкосюка. В 1899 г. «Общество содействия» насчитывало уже более 5700 членов³¹, что составляло значительную цифру в условиях Японии того времени. «Общество содействия организации рабочих союзов» по существу стало своеобразным организационным центром по созданию в стране отраслевых профсоюзов. В декабре 1897 г. от него отпочковался профсоюз металлистов, первый в стране отраслевой профсоюз. Он быстро рос, организуя рабочих своей отрасли буквально по всей стране — и на государственных, и на частных предприятиях. Через год после создания он имел уже 30, а далее до 50 отделений на различных предприятиях (включая крупнейший завод Сибaura) и в арсеналах. В момент возникновения

---

²⁹ Катаяма Сэн, *Необходимость объединения рабочих* (см. там же, стр. 40—48).

³⁰ Катаяма Сэн, *Рабочий вопрос в Японии* (см. там же, вып. 1, стр. 49—57).

³¹ Котоку Дэндзиро, Июкава Самсиро, *История японского социализма* (яп.).

в этом профсоюзе было 1184 члена, а к 1900 г. уже насчитывалось до 5400 человек ³².

Ко дню создания союза металлистов был приурочен выпуск первого номера первого в Японии рабочего журнала «Родо сэкай» («Рабочий мир») органа «Общества содействия организации рабочих союзов» и профсоюза металлистов. Главным редактором журнала стал Катаяма Сэн.

Вслед за профсоюзом металлистов организовался профсоюз машинистов компании «Нихон тэцудо», в ходе забастовки возник профсоюз печатников и многие другие, имевшие несколько иные организационные формы, но объединявшие немало рабочих ³³. Эти профсоюзы не были еще достаточно крепкими. Как среди их рядовых членов, так и среди руководства были очень разнородные по убеждениям люди. Здесь находились и те, кто искренне стремился к улучшению условий жизни рабочих, но не осознавал еще необходимости организации и мобилизации масс и стоял на позициях христианского социализма, и те, кто, как и Катаяма Сэн, все тверже становился на путь классовой борьбы, и те, кто, подобно предпринимателю Симада Сабуро и др., намеревался с самого начала сбить с правильного пути рабочее движение в стране, направив его по рельсам «сотрудничества», «гармонии» между трудом и капиталом.

Однако конец 90-х годов характеризуется не только бурным ростом рабочего и профсоюзного движения. Прогрессивная интеллигенция страны и передовые представители рабочего класса проявляют растущий интерес к социализму. Социалистические идеи начинают все более проникать в рабочие массы.

В октябре 1898 г. при активном участии Катаяма Сэн, Котоку Дэндзиро и других было создано «Общество по изучению социализма» («Сакайсюги кэнкюкай»), которое явилось первой в стране организацией, поставившей своей целью не только изучение различных социалистических учений, но и изучение возможности применения их в условиях Японии. На первых порах чле-

---

³² Катаяма Сэн, *Рабочее движение в Японии*, стр. 30, 80 (яп.).

³³ См. статью Ватанабэ Кижю, *Прелюдия современного рабочего движения*, стр. 30 (яп.).

ны Общества еще не делали различия между научным социализмом и социалистическими учениями домарковского периода³⁴, однако постепенно среди членов Общества начался процесс размежевания на сторонников и противников марксизма. К 1900 г. в Обществе назрел раскол.

В январе 1900 г. противники марксизма вышли из Общества и оно реорганизовалось в «Социалистическую лигу» («Сякайсюги кёкай»), которая поставила своей первоочередной задачей расширение и укрепление связей с рабочими массами и активную пропаганду среди них социалистических идей. Осуществление этой задачи облегчалось, в частности, тем, что многие члены «Социалистической лиги» (например, Катаяма Сэн) возглавляли одновременно профсоюзное движение в стране.

Таким образом, с конца 90-х годов со стороны японских социалистов уже отчетливо начинает выявляться тенденция — определенным образом направлять развитие рабочего движения в стране, в частности оказывать влияние на деятельность и характер профсоюзного движения. Начав с молчаливого отрицания пресловутой теории «классового сотрудничества», японские социалисты вскоре развернули непримиримую борьбу за разоблачение этой теории, ликвидацию ее влияния на рабочие массы и направление рабочего движения страны по социалистическому пути. Большую роль в этой борьбе сыграли, в частности, выступление Катаяма Сэн на собрании профсоюза печатников и широкая пропагандистская кампания, развернутая им и его единомышленниками на страницах журнала «Родо сэкай», с выходом которого в свет японское рабочее движение заявило о себе как о самостоятельной силе в политической жизни страны.

Очень показательной с точки зрения стремления воздействовать на развитие пролетарского движения в стране можно считать статью Катаяма Сэн «Направление рабочего движения в XX веке», опубликованную

---

³⁴ На равных правах на заседаниях Общества заслушивались доклады о «Социализме Сен-Симона», «Социализме Луи Блана и Прудона», «Социализме Ф. Лассалья» и «Социализме Карла Маркса» [Танака Согоро, *Нихон сякай ундо си*, т. I, Токио, 1947, стр. 230—231— далее — Танака Согоро, *История общественного движения в Японии* (яп.)].

1 января 1901 г. в «Родо сэкай»³⁵. В этой статье Катаяма подверг детальному анализу профсоюзное движение в стране, разобрал характер и направление деятельности трех крупнейших японских профсоюзов того времени.

Констатируя наличие в рабочем движении страны двух направлений — прогрессивного, развивающегося в целом по правильному пути, и соглашательского, Катаяма резко бичевал последнее, называя его «безобразным (позорным) явлением в рабочем движении XX века»³⁶.

Соглашательскую линию в рабочем движении Катаяма Сэн связывал с деятельностью профсоюза печатников, в руководстве которого засели в то время активные проводники интересов и влияния буржуазии. Клеймя позором роль руководства этого профсоюза, Катаяма пытался всемерно выправить недостатки в деятельности двух других профсоюзов — машинистов и металлистов.

Профсоюз машинистов Катаяма назвал «хорошим примером по-настоящему боевого рабочего союза»³⁷. В то же время он указывал на ошибки и недостатки в его деятельности, которые мешали ему встать на подлинно социалистический путь. Катаяма критиковал профсоюз за его замкнутость, изолированность от других профсоюзных организаций и нежелание оказывать им помощь и т. д. Катаяма призывал профсоюз машинистов и его руководство объединить в себе не только машинистов одной компании («Нихон тэцудо»), но и машинистов всей страны, создав Всеяпонскую лигу машинистов, твердо встать на позиции социализма.

Говоря о высоком уровне сознательности членов другого союза — металлистов, стремлении этого профсоюза вести борьбу с социалистических позиций, Катаяма одновременно отмечал слабую борьбу его за ближайшие, повседневные требования рабочих и т. п.

Названная нами статья Катаяма ярко отражала стремления японских социалистов в тот период не только теснее связаться с рабочим движением, но и напращ-

---

³⁵ См. «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 146—150 (яп.).

³⁶ Там же, стр. 149.

³⁷ Там же, стр. 147.

вить его развитие по социалистическому пути. Усилия эти не оказались бесплодными. Широкая разъяснительная работа японских социалистов привела, в частности, к тому, что профсоюз машинистов, где ранее большое влияние имела христианская идеология, на своем съезде 18 апреля 1901 г. принял резолюцию о том, что рабочий вопрос в стране может быть решен только на путях социализма. (Крупнейший в стране профсоюз металлистов придерживался этой установки и ранее.)

В создавшихся условиях перед японскими социалистами встал вопрос о формировании в стране самостоятельной политической партии пролетариата, способной возглавить и направить борьбу рабочих масс. 20 мая 1901 г. Катаяма Сэн, Котоку Дэндзиро и другие создали первую в Японии социал-демократическую партию (сякай минсю то). В этот же день «Родо сэкай» в специальном выпуске опубликовал «Декларацию социал-демократической партии», включавшую в себя программные вопросы и уставные требования новой партии³⁸.

Как отмечал впоследствии Катаяма Сэн, социал-демократическая партия тогда не стояла еще на марксистских позициях и являлась по существу партией мелкобуржуазного социализма³⁹. Провозглашая своей целью осуществление в стране социализма, она признавала лишь легальные методы борьбы за него. «В прошлом при проведении великих революций,— говорилось в декларации,— нередко прибегали к средствам физического воздействия, однако это объяснялось существовавшими в те времена условиями. Мы ни в коем случае не последуем этим методам... Ареной нашей деятельности в будущем станет имперский парламент. Именно в тот год и день, когда наша партия добьется большинства в парламенте, и наступят условия, при которых мы сможем осуществить свои планы. Сегодня парламент, как мы уже говорили, целиком находится в руках помещиков и капиталистов, которые превратили его в средство обеспечения своих интересов». Отвечая на вопрос о том, каким путем большинство народа сможет получить политические права и послать своих представителей в парла-

---

³⁸ Текст декларации см. там же, стр. 155—168.

³⁹ Сэн Катаяма, *К вопросу о зарождении и развитии марксизма в Японии*,— «Коммунистический Интернационал», 1933, № 7—8, стр. 79.

мент, японские социалисты писали в декларации, что «для этого существует лишь один путь — это пересмотр избирательного закона и введение всеобщего избирательного права»⁴⁰.

В декларации японские социалисты дали краткий анализ внутриполитической обстановки в стране, провозгласили свои программные установки, а также назвали и обстоятельно пояснили те ближайшие цели, достижению которых намерена была посвятить себя новая партия.

Характеризуя политическую обстановку в стране, они писали: «Сейчас... государственный аппарат целиком и полностью находится в руках богатых. О том, что верхняя палата представляет небольшое число богатых дворянских домов, говорить уже не приходится. Более того, если повнимательнее приглядеться и к нижней палате, станет очевидно, что и она представляет исключительно помещиков и буржуазию. Поэтому не будет клеветой сказать, что существующий в нашей стране парламент является парламентом богачей». О роли современных политических партий страны в декларации говорилось, что они «целиком и полностью стали орудием в руках богачей и ни в какой мере не выражают воли большинства народа». В то же время «большинство народа составляют арендаторы, трудящиеся на полях с киркой и мотыгой в руках, и рабочие, из которых выжимают кровь и пот на предприятиях! Почему же они не пользуются политическими правами и не могут посылать своих представителей в парламент? Может быть, потому, что они невежественны и неграмотны, или, может быть, потому, что их мораль стоит ниже морали богатых? Конечно, нет! Они не имеют этих прав и не могут получить необходимого образования потому, что не владеют собственностью... Несмотря на то что рабочие и арендаторы, которые составляют в настоящее время большинство народа, необразованны и невежественны... именно они являются фактическими производителями богатств. Поэтому в будущей социальной организации они, вне всякого сомнения, должны будут занимать важнейшее место. Поставить их на это место означает увеличить

---

⁴⁰ «Декларация социал-демократической партии», цит. по сб.: «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 166 (яп.).

счастье и благополучие всего общества. Именно для защиты интересов большинства народа и рождена наша партия»⁴¹.

Программа социал-демократической партии состояла из восьми пунктов. Впервые в истории Японии в ней звучали такие требования, как полная отмена классов и вооружения, обобществление земли и капитала, установление мира во всем мире и т. д.

Среди ближайших целей, которые составляли своеобразную программу действия (всего 28 пунктов), провозглашалась борьба за обобществление всех железных дорог, муниципализацию городского трамвая, электростанций, за полную отмену косвенных налогов, ложившихся всей тяжестью на трудящихся, и увеличение прямых налогов на наследство (подходного и др.), выплачиваемых помещиками и капиталистами, запрещение работать детям школьного возраста, запрещение использовать на вредных и ночных работах женщин и детей, сокращение рабочего дня до восьми часов в сутки, признание за рабочими права свободно объединяться, издание закона о защите рабочих и арендаторов и др. Комментируя этот последний пункт своих ближайших требований, авторы декларации заявляли: «Мы требуем, чтобы правительство приняло необходимые меры по охране рабочих и арендаторов, которые составляют большинство населения, и одновременно ввело закон, предоставляющий им право свободно объединяться. Объединение — это вопрос жизни для рабочих, их единственное оружие»⁴².

Программа действия новой партии включала в себя также ряд требований, направленных на обеспечение в стране элементарных демократических свобод, таких, как свобода политической деятельности и создание рабочих союзов, введение закона о всеобщем избирательном праве, прямом и тайном голосовании при выборах в парламент, проведение всенародных референдумов при решении важнейших государственных вопросов и т. д. В условиях, когда в стране фактически отсутствовали элементарные буржуазно-демократические свободы, а буржуазно-помещичьи партии все более плотно смыка-

---

⁴¹ Там же, стр. 155—156.

⁴² Там же, стр. 166—167.

лись с лагерем реакции, движение за проведение в стране общедемократических преобразований не могло не стать одним из важных направлений в борьбе японского пролетариата и социал-демократии.

Как было видно из манифеста, японские социалисты в рассматриваемый период были еще весьма далеки от подлинно революционной, марксистской теории. Цели, провозглашенные ими, несмотря на всю их значимость и прогрессивность в условиях Японии, были еще очень расплывчаты и неконкретны, единственным средством для их достижения признавалась парламентская борьба в рамках, допускаемых реакционным японским законодательством. И тем не менее создание первой социал-демократической партии, выступившей от лица рабочих и крестьян-арендаторов, чрезвычайно напугало правящие классы страны. Партия была немедленно запрещена японскими властями, а специальный выпуск «Родо сэкай» и несколько других японских газет, опубликовавших программные документы новой партии, конфискованы и подвергнуты штрафу.

Таким образом, в конце 90-х годов XIX в. — начале XX в. рост рабочего и профсоюзного движения, создание социалистических кружков и первые попытки соединить социализм с рабочим движением стали грозным сигналом появления на политической арене страны новой силы — вставшего на путь организованной борьбы рабочего класса. За короткий срок взгляды прогрессивной японской интеллигенции и передовых представителей рабочего класса, составлявших костяк первых социалистических кружков страны в конце 90-х годов, претерпели серьезные изменения, неуклонно развиваясь в сторону марксизма. Вехами на этом пути были создание первого органа рабочего класса «Родо сэкай», социалистических кружков, а также «Общества по изучению социализма», «Социалистической лиги» и первой социал-демократической партии. Японские социалисты, преодолевая свои ошибки и заблуждения, неуклонно стремились направлять пролетарское движение в стране по социалистическому пути.

Растущая борьба японского пролетариата, переплетавшаяся с крестьянскими волнениями, весьма многочисленными на рубеже XIX—XX вв. в условиях назревания серьезных внешнеполитических авантур, на путь

которых стали в это время правящие классы Японии, создавала крайне напряженную обстановку в стране.

Борьба рабочего класса и выявившаяся тенденция со стороны японских социалистов встать во главе этого движения начали беспокоить не только правящую группировку сил, но и так называемую оппозицию в лице парламентских буржуазно-помещичьих партий. В этих условиях и абсолютистские силы, и сторонники так называемых партийных правительств начали искать пути к сглаживанию своих противоречий, к сговору, к созданию объединенного фронта против растущего народного недовольства. Эта тенденция реакции к образованию единого фронта в борьбе против своего народа, консолидации сил правящего лагеря наиболее отчетливое выражение нашла в политике соглашений политических партий с абсолютистскими силами, завершившейся в начале XX в. созданием партии сэйюкай.

Консолидация сил правящего лагеря и создание сэйюкай

Как уже отмечалось, развитие парламентских буржуазно-помещичьих партий неуклонно шло в направлении все большего укрепления в них позиций буржуазии вообще и все большего подчинения монополистической буржуазии в частности.

Со времени создания японского парламента и вплоть до японо-китайской войны, если буржуазно-помещичьи партии в парламенте критиковали какие-либо мероприятия или противодействовали им, правительство прерывало заседания. Если это не помогало, оно распускало нижнюю палату, назначало новые выборы и активно вмешивалось в них с целью изменить соотношение сил в свою пользу.

После японо-китайской войны эти средства оказались уже слабоэффективными. Рост экономической мощи буржуазии сказался и на положении политических партий. Их уже мало пугал возможный разгон парламента и материальный ущерб, связанный с проведением новой избирательной кампании. Даже грубое вмешательство правительства не могло изменить соотношение сил в парламенте, большинство в котором оставалось за по-

литическими партиями, представлявшими довольно широкую буржуазно-помещичью оппозицию.

Чаще всего парламентская оппозиция в лице политических партий оказывала противодействие правительственным проектам увеличения налогов, расходов на армию и флот и т. д. (в этом проявлялись известные разногласия между крупной буржуазией и широкими буржуазными кругами⁴³, а также известный элемент демагогии). Противодействие правительству в финансовом вопросе, в частности при утверждении бюджета, парламентская оппозиция использовала как единственную возможность (и то ограниченную конституцией 1889 г.⁴⁴) заставить правительство считаться с собой как с реальной силой.

Грандиозные планы расширения и перевооружения армии и флота в связи с растущими захватническими аппетитами правящих классов обуславливали повышение государственных расходов. Учитывая возросшее влияние политических партий и зная по опыту прошлых лет, что именно вопросы государственного бюджета являются наиболее эффективным орудием в руках нижней палаты, правительственные круги, формировавшиеся преимущественно из замкнутой группировки Тёсю — Сацума и выступавшие ярыми противниками политических партий и тем более создания партийных, ответственных перед парламентом кабинетов, встали перед

---

⁴³ Увеличение расходов на армию и флот, связанное с выгодными военными заказами, расширением отраслей промышленности, имевших военное значение, и широкими правительственными субсидиями, в огромной мере обогащало крупную японскую буржуазию, близкую к правительственным и военным кругам (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и др.). Более широким кругам буржуазии либо ничего не выпадало от этого, либо доставалось относительно мало, отсюда возникало ее недовольство увеличением военных ассигнований, которые в итоге всегда одобрялись ею, ибо эти круги также были заинтересованы в политике военных авантур. В связи с этим вопросом японские прогрессивные историки разделяют японскую буржуазию на крупную (Мицуи, Мицубиси и др.) и широкие круги средней и частично мелкой, или, как они их называют, промышленной буржуазии [см., например, Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 216 (яп.)].

⁴⁴ Согласно статье 71 японской конституции, «если японский парламент не вотирует бюджета и если бюджет не мог быть составлен, то правительство принимает бюджет предшествующего года» (см. «Конституции буржуазных стран», т. I, М., 1935, стр. 196).

проблемой поиска новых путей осуществления политики господствующих классов. Невозможность дальнейшего полного игнорирования парламентской оппозиции стала очевидна не только для таких наиболее дальновидных представителей бюрократии, каким был Ито Хиробуми, но и для сторонников абсолютистских форм правления, таких закоренелых противников политических партий, как Ямагата Аритомо, Мацуката Масаёси и др.

Однако главной причиной, заставившей бюрократические круги встать на путь известных уступок, соглашения с парламентской оппозицией, было не это. В условиях, когда со второй половины 90-х годов в стране начало развиваться организованное рабочее движение, в которое все более проникали социалистические идеи, резкая критика оппозицией бюрократического политического режима привлекала широкие круги недовольных, создавала накаленную обстановку в стране. Это обстоятельство заставило правительство искать новые методы осуществления своей политики, которые прикрыли бы ее абсолютистскую сущность, с одной стороны, и позволили бы несколько приглушить противоречия внутри правящего лагеря — с другой.

Растущая угроза со стороны развивавшегося рабочего движения, а также широкого народного недовольства пугала не только абсолютистские силы. В равной мере она пугала и буржуазно-помещичью оппозицию, которая начала утрачивать свой боевой, в известной мере демократический дух, отличавший ее в 70—80-е годы. Тогда рабочий класс страны еще не проявил себя в качестве новой грозной силы, каким он выступил на политической арене в конце XIX в. Буржуазия и помещики, все более переходившие к капиталистическому предпринимательству, кровно заинтересованные в удушении пролетарского движения в стране, подталкивали парламентскую оппозицию в лице политических партий к сговору с абсолютистскими силами, к поискам компромиссных путей для участия в управлении страной. К сговору с абсолютистскими силами толкала политические партии и монополистическая буржуазия, тесно связанная с кругами абсолютистской бюрократии и заинтересованная, как уже говорилось, в ликвидации резких разногласий между нею и парламентской оппозицией.

В такой обстановке во второй половине 90-х годов в политической жизни страны впервые получает права гражданства термин «дакё» (соглашение, сделка). Им стали называть установление определенного контакта между правительством и парламентской партией на взаимно приемлемых условиях. Это соглашение явилось внешней формой выражения ломки взглядов, которую испытывали и сторонники абсолютистских форм правления, и лидеры политических партий, выступавшие за создание в стране системы управления на базе двух крупных политических партий, системы создания ответственных перед парламентом партийных правительств на рубеже XIX—XX вв.

Впервые такое соглашение было достигнуто в конце 1895 г. между вторым кабинетом Ито Хиробуми и партией дзиюто, имевшей в то время большинство в парламенте. Руководство партии обещало правительству свою поддержку при условии, если правительство будет заранее согласовывать с партией проект бюджета, важнейшие законы, которые оно намерено обсудить в парламенте, принятие и проведение нового политического курса. Кроме того, оговаривалось, что правительство должно проводить свою политику с одобрения ее общественным мнением⁴⁵. Одним из условий, выдвинутых дзиюто, было также введение в состав правительства лидера партии Итагаки Тайскэ.

Мотивы, которыми руководствовались лидеры дзиюто, вступая в сделку с так называемым бюрократическим правительством, весьма откровенно излагал один из виднейших деятелей партии Коно Хиронака. Он сыграл активную роль в заключении этого соглашения, добившись через ответственного секретаря кабинета Ито—Миёдзи встречи с Ито и одобрения им условий дзиюто. Как показывают материалы биографии Коно, он пришел к выводу, что политическим партиям нет смысла продолжать единоборство с бюрократией. Целесообразнее заставить так называемых деятелей бюрократической клики (бацудзоку) отказаться от политики игнориро-

---

⁴⁵ Маэсима Сёдзо, *Нихон сэйто сэйдзи-но ситэки бунсэки*, Киото, 1954, стр. 59—далее — Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политических партий Японии* — (яп.); Синобу Сэйсабуро, *Мэйдзи сэйдзи си*, Токио, 1954 — далее — Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи* (яп.).

вания политических партий и привлечь их в партию, к идее партийных правительств. Именно этот период, по его мнению, был как нельзя более благоприятным для осуществления такого рода планов. Привлечение в партию виднейших бюрократических деятелей подорвало бы положение бацудзоку и открыло бы путь к установлению системы правления на базе двух крупных политических партий. В дзюто считали, что наиболее прогрессивным из числа бюрократических деятелей является Ито Хиробуми. Партия сосредоточила свои усилия на том, чтобы именно его привлечь на свою сторону⁴⁶.

Ито принял условия дзюто и заявил при этом, что «правительство от всего сердца стремится к соглашению с вашей партией»⁴⁷. В ноябре 1895 г. в связи с состоявшимся соглашением руководство дзюто опубликовало декларацию, свидетельствующую о фактическом отказе партии от своей старой традиционной борьбы с бюрократическим абсолютистским режимом, проводившейся под прокламируемыми буржуазно-демократическими лозунгами свободы, и о поддержке правительства Ито.

В апреле 1896 г. лидер партии дзюто Итагаки был введен в состав правительства в качестве министра внутренних дел. Пользуясь поддержкой дзюто, правительство Ито спокойно провело парламентскую сессию, одним из важнейших вопросов на которой было увеличение армии на шесть дивизий в связи с планами подготовки новой войны.

Однако, несмотря на благополучную обстановку в парламенте, положение кабинета Ито было крайне шатким. Министр финансов в правительстве Ито Ватанабэ Кунитакэ, как уже указывалось, навлек на себя недовольство влиятельных финансово-промышленных кругов, лишившись таким образом их доверия и поддержки. Эти круги стали оказывать откровенное давление на правительство с целью добиться отставки неугодного министра, саботировать финансовые мероприятия правительства, в частности проводимую Ватанабэ подписку на заем. Ивасаки Яноске и близкие ему группировки

---

⁴⁶ См. Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 58—59 (яп.).

⁴⁷ Цит. по кн.: Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 95 (яп.).

буржуазии, используя прямое финансовое давление на кабинет, стремились провести на пост министра финансов графа Мацуката Масаёси, известного не только своими тесными связями с Мицубиси, но и широкой поддержкой со стороны финансовой олигархии страны. Кандидатура Мацуката была приемлема и для Ито. Однако группировка Мицубиси не собиралась ограничиваться введением в состав кабинета только Мацуката. Вскоре после окончания парламентской сессии из правительства в связи с тяжелой болезнью вышел министр иностранных дел Муцу Мунэмицу. На его место Ивасаки намеревался провести Окума Сигэнобу. Действуя в тесном контакте с Ивасаки, Мацуката обусловил свое вхождение в кабинет обязательным назначением на пост министра иностранных дел вместо Муцу Окума Сигэнобу.

Планы введения в состав правительства Мацуката и Окума были поддержаны не только Ито, но и другими видными представителями бюрократии. Приветствовал это, в частности, Иноуэ Каору, надеявшийся таким образом создать в стране «сильное», «прочное» правительство ⁴⁸.

«Прочность» правительства должна была определяться тем, что, если от Мицуи в кабинет входили ставленники Тёсю, с одной стороны, и дзюто в лице Итагаки — с другой, от Мицубиси должны были войти Мацуката от абсолютистской бюрократии и Окума от политических партий. Помимо относительного уравнивания сил Мицуи — Мицубиси, тем самым одновременно удалось бы объединить в правительстве деятелей бюрократии с представителями политических партий. В то же время соединение в правительстве заведомо враждебных друг другу лидеров политических партий, какими были Окума и Итагаки ⁴⁹, в значительной мере нейтрализовало бы их влияние, и по существу все оста-

---

⁴⁸ «Ито Хиробуми дэн», т. 3, Токио, 1942, стр. 294 — далее — «Биография Ито Хиробуми» (яп.).

⁴⁹ Попытки примирения Окума и Итагаки, неоднократно принимавшиеся Гото Сёдзиро по поручению Ивасаки Яноске, от которого они оба — один в большей, другой в меньшей мере, зависели по линии финансирования, остались безрезультатными [Сираянаги Сюко, *Дзайкай тайхэки*, Токио, 1929, т. I, стр. 447 — далее — Сираянаги Сюко, *Финансовый мир* (яп.)].

лось бы на своих местах, прикрытое видимостью привлечения партий к управлению страной.

В поддержку кандидатуры Окума выступил военный министр Такаси́ма, также тесно связанный с Мицубиси, политическая группировка которого (группа Тоса) развернула активную кампанию за введение в состав правительства и Мацуката и Окума. Особенно бурную активность развила газета «Кокумин симбун», за которой в действительности стоял президент японского банка «Ниппон гинко», тот же Ивасаки Яноске⁵⁰. Как уже говорилось, в 90-е годы глава концерна Мицубиси Ивасаки Яноске проявлял невероятную активность в политической жизни, играя значительную роль в назначении и смещении правительств в стране. По свидетельству близких к Ивасаки лиц⁵¹, заветной целью братьев Ивасаки — Ятаро и далее Яноске — было привести к соглашению и поставить у власти Ито и Окума. По существу это тоже были планы привлечения в политическую партию бюрократии (в частности, Ито), видоизменения на этой основе партии и приведения ее в качественно новом состоянии к власти. На примере партии симпото видно, что новые веяния в политических партиях возникали не только с ведома, но даже по прямой инициативе крупного капитала, в данном случае в лице Ивасаки.

Однако осуществлению этих «идеальных» планов создания «прочного» правительства помешала позиция Итагаки, который категорически воспротивился назначению Окума. Встав перед проблемой либо потери поддержки дзюто (при выходе из правительства Итагаки), имевшей большинство в парламенте, либо оппозиции влиятельных финансовых кругов, кабинет Ито вынужден был уйти в отставку.

На смену этому кабинету пришел сформированный в сентябре 1896 г. кабинет Мацуката, или Мацуката — Окума — Мицубиси⁵². Как уже отмечалось во второй главе, концерн Мицубиси имел самое непосредственное

---

⁵⁰ См. Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 80 (яп.).

⁵¹ Сираянаги Сюко, *Финансовый мир*, т. I, стр. 428—433, 445—447 и др. (яп.).

⁵² См., например, Танака Согоро, *Нихон сэйто си*, Токио, 1953, стр. 107—108 — далее — Танака Согоро, *История политических партий Японии* (яп.).

отношение к его созданию. Четыре его прямых ставленника сосредоточили в своих руках шесть ответственных министерских постов: премьера, министра финансов, иностранных дел, внутренних дел, колоний и военного министра. Незадолго до прихода к власти Мацуката, как уже говорилось, вступил в родственные отношения с главой компании Мицубиси. Поэтому понятно, что Ивасаки Яноскэ встретил формирование кабинета Мацуката как победу. В кабинет Мацуката должен был войти и тесть Ивасаки Яноскэ Гото Сёдзиро, сыгравший очень большую роль в формировании кабинета и не занявший в нем министерского поста только в связи с тяжелой болезнью, приведшей вскоре его к смерти.

Однако, несмотря на то что Мацуката и Окума были проводниками влияния Мицубиси, в политическом отношении они придерживались различных взглядов. Мацуката выступал сторонником абсолютистской системы управления не ответственных перед парламентом кабинетов. Он отражал интересы верхушки крупной монополистической буржуазии, теснейшим образом связанной с крупными помещиками, считался проводником старых традиций, уходящих корнями в период феодализма. Окума же был известен как пропагандист создания партийных кабинетов. Имея прочные отношения с представителями монополистического капитала в лице Мицубиси, он в то же время находился под постоянным и все усиливавшимся давлением средних кругов буржуазии и обуржуазившихся помещиков, также стремившихся к участию в управлении страной. Поэтому вхождение Окума в состав правительства Мацуката было оформлено соглашением между правительством и симпото⁵³, незадолго до этого созданной Окума на базе старой кайсинто. Условиями этого соглашения явились по существу требования новой программы партии, которая, по утверждению руководства симпото, не имела больших отличий от программы, опубликованной правительством. Программные требования партии в основном были следующими: преобразование неудовлетворительной политической системы и создание ответственных перед пар-

---

⁵³ Подробнее об этом см. Хаясида Камэтаро, *Ниппон сэйтэ си*, т. I, Токио, 1927, стр. 444—445 — далее — Хаясида Камэтаро, *История политических партий Японии* (яп.).

ламентом кабинетов; пересмотр внешней политики и расширение национальных прав государства, стабилизация финансов и развитие частного предпринимательства.

Эти требования партии, в частности по экономическим и внешнеполитическим вопросам, сводившиеся к поощрению частнокапиталистического предпринимательства и расширению агрессивных планов, действительно смыкались с планами правительства. Войдя в кабинет в качестве министра иностранных дел, Окума вскоре по совместительству занял и пост министра сельского хозяйства и торговли. По его инициативе это министерство было реорганизовано, в нем был создан специальный отдел промышленности, а также проведен ряд других мероприятий, направленных на развитие частного предпринимательства.

Однако вскоре стало совершенно очевидно, что Мацуката не намеревался преобразовывать «неудовлетворительную политическую систему». Несмотря на то что Окума, совмещая в правительстве два важных министерских поста, сумел протащить на некоторые ответственные должности нескольких руководящих деятелей партии (Одзакэ Юкио, Инукай Ки, Оиси Масами), общее положение и влияние партии в правительстве не изменились. Важные, но все же второстепенные должности ответственного секретаря кабинета⁵⁴, начальника законодательного бюро, посты вице-министров и губернаторов префектур и другие, которые принесло партии соглашение с правительством, не могли изменить соотношение сил в правительстве. По существу оно оставалось прежним абсолютистским бюрократическим аппаратом, а партия играла при нем лишь роль прикрытия.

В конечном итоге это привело к отставке Окумы и разрыву соглашения симпото с правительством. Лишившись поддержки симпото в парламенте, правительство пошло на роспуск нижней палаты и в конце концов должно было уйти в отставку, даже не проведя выборов, так как не было никаких перспектив на изменение соотношения сил в парламенте.

Не сумев достигнуть соглашения с политическими партиями в парламенте, вынужден был быстро уйти в

---

⁵⁴ На этот пост был назначен один из видных деятелей симпото Такахаси Кэндзо, бывший корреспондент газеты «Асахи», владелец журнала «Ни дзю року сэкки».

отставку и кабинет Ито Хиробуми, сменивший Мацуката. Окума в переговорах с Ито, помимо поста министра иностранных дел для себя, потребовал предоставления еще трех министерских постов деятелям симпото, в том числе пост министра внутренних дел, который приобретал особое значение в связи с предстоящими выборами в нижнюю палату, распущенную еще при Мацуката. Повышенные требования предъявила и дзюто, когда Ито предложил ей вступить в соглашение с правительством. Дзюто также претендовала на пост министра внутренних дел. В то же время установлению соглашения с дзюто, в частности введению в правительство Итагаки, категорически воспротивился министр финансов Иноуэ Каору⁵⁵. Здесь сыграла роль та двойственность, которая отличала положение Итагаки. С одной стороны, он был в числе виднейших лидеров партии, в силу интересов основной массы ее членов тесно связанной с Мицуи, с другой — имел контакты также с враждебной Мицуи группировкой Мицубиси. В результате Итагаки перестал пользоваться доверием Мицуи, что выразилось в данном случае в позиции Иноуэ.

В итоге кабинет Ито столкнулся с оппозицией в парламенте со стороны обеих партий, отвергших проект увеличения поземельного налога, распустил палату, но поставленный перед фактом создания новой партии — кэнсэйто (конституционная) на базе симпото и дзюто, вынужден был также уйти в отставку.

Таким образом, на примере трех послевоенных кабинетов можно видеть, что сторонники абсолютистских форм правления (из числа двух правящих группировок бюрократии Сацума и Тёсю) использовали соглашения с политическими партиями лишь как орудие осуществления политики господствующих классов, как завесу по существу абсолютистских методов правления. В то же время политические партии, хотя и несколько усилили свои позиции благодаря соглашениям, не сумели приблизиться к системе парламентских кабинетов. Отказавшись от политики полного отрицания друг друга, сторонники абсолютистских методов правления и политические партии в новых условиях повели упорную борьбу — одни за сохранение старой политической системы,

---

⁵⁵ «Биография Ито Хиробуми», т. 3, стр. 353—354 (яп.).

другие за создание системы партийных, ответственных перед парламентом кабинетов, что должно было в известной мере допустить к управлению страной среднюю буржуазию, значительно окрепшую к концу XIX в.

После роспуска кабинетом Ито парламента обе партии, не добившись успеха каждая в отдельности, решили противопоставить абсолютистским силам объединенный фронт обеих партий. В июне 1898 г. дзюто и симпото образовали кэнсэйто. Программа новой партии, помимо требований защиты прав, предоставленных конституцией, развития местного самоуправления и т. д., содержала семь основных требований⁵⁶: поддержка национальных прав государства и расширение торговых связей; упрочение финансовой базы; развитие внешних и внутренних экономических связей и поддержка развития промышленности; принятие соответствующих мер для должного развития армии и флота; совершенствование средств сообщения и связи; поощрение просвещения и науки; создание партийных кабинетов и ответственных министров.

По сравнению с теми требованиями, которые были выдвинуты симпото ранее, это была уже развернутая программа действий буржуазии, вставшей во главе партии.

В условиях, когда 243 из 300 мест в нижней палате принадлежали депутатам дзюто и симпото, объединившимся в одну партию, ни один из генро не решался возглавить правительство на прежней основе отрицания политических партий, тем более что на предстоящих сессиях необходимо было утвердить ряд новых финансовых мероприятий, вызванных расширением программы вооружений. Абсолютное преобладание в нижней палате представителей новой партии не оставляло надежды на возможность сохранения прежних условий соглашений, существовавших между правительством и партиями при кабинетах Ито и Мацуката.

Подобное положение создало в правительственных кругах чрезвычайное замешательство и породило ожесточенные споры по вопросу о формах дальнейшего управления страной. Реальная угроза захвата аппарата

---

⁵⁶ Маэсима Сёдза, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 98 (яп.).

власти политическими партиями укрепила Ито Хиробуми, а также и Иноуэ Каору в намерениях создать свою партию на широкой основе, которая могла бы служить прочной опорой правительства в парламенте (о чем речь пойдет ниже). В то же время более консервативные деятели готовы были пойти на крайние меры лишь бы не допустить прихода к власти так называемого партийного правительства. Так, военный министр в кабинете Ито Кацура Таро, присутствовавший на заседании генро, созванном 24 июня 1898 г. в связи с создавшейся обстановкой, выступая в качестве рупора Ямагата, категорически возражал против предложения Ито временно передать право формирования кабинета лидерам новой партии (поскольку другого выхода пока не было) и против его намерения посвятить себя в дальнейшем организации новой партии. «Совершенно очевидно, — заявил Кацура, — что сейчас нам нужно решить вопрос о методах управления страной... однако пути, предлагаемые Ито, вызывают сожаление. Если нет никаких других способов помешать осуществлению его планов, то необходимо сформировать кабинет из одних генро. Я готов уйти со своего поста... и военным министром пусть станет генерал Ояма. Когда во главе каждого министерства встанут генро, а мы, молодое поколение (так Кацура именoval себя и себе подобных, сравнивая с так называемыми деятелями Мэйдзи в лице генро — И. Б.), займем посты вице-министров... нам нечего будет опасаться политических партий. Именно такой путь следует избрать в создавшейся обстановке...»⁵⁷. Однако и на следующем заседании, 25 июня, ни один из генро не согласился возглавить кабинет, и император вынужден был принять рекомендацию Ито — поручить формирование правительства лидерам новой партии Окума и Итагаки.

Ночью 25-го Ито встретился с Окума и Итагаки и передал им предложение императора. Возможно, что оно было несколько неожиданным и для лидеров новой партии. В ходе беседы с Ито Окума и Итагаки высказали ему свои опасения по поводу того, что силы абсолютизма в лице клика Тёсю — Сацума не уступают силам политических партий и что им будет «зачтен»

⁵⁷ Цит. по кн.: Синбу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 108 (яп.).

малейший промах⁵⁸. Возможно, что новая партия рассчитывала использовать свое господствующее положение в парламенте для заключения новой сделки с правительством, но уже на более выгодных условиях, которые обеспечили бы ей руководящие позиции в правительстве и в то же время избавили от необходимости противопоставлять себя силам абсолютизма.

Еще в процессе объединения дзюто и симпото в руководящих партийных кругах встал вопрос о том, чтобы во главе новой партии поставить Ито Хиробуми и тем самым нейтрализовать в известной мере противодействие со стороны абсолютистских сил. Именно в этом направлении подталкивали партию влиятельные круги крупной буржуазии, в частности руководители концерна Мицубиси и близких ему группировок буржуазии, стремившиеся к созданию прочной партии, объединявшей в себе партийные и абсолютистские силы. Очень откровенно об этих планах писала в то время газета «Кокумин симбун», выступавшая в качестве рупора Мицубиси. В номере от 21 июня 1898 г. «Кокумин симбун» писала, что Ивасаки Яноскэ стремится к организации «тройственного союза Ито — Окума — Итагаки», при помощи которого он рассчитывает установить «стабильный покой» в политической жизни страны⁵⁹. Одновременно Ивасаки преследовал и другую цель. Судя по активности самого Ивасаки, а также близких к нему лиц, новая партия должна была в большой мере ориентироваться на Мицубиси.

Однако просто вступить в партию даже в качестве ее лидера означало бы для Ито в значительной степени принять требования политических партий и предоставить им руководящие позиции в сформированном ими правительстве. Естественно, это не могло устраивать Ито и стоявшие за ним круги бюрократии, задавшиеся целью создания новой партии с руководящим влиянием в ней бюрократических сил. Поэтому в ответ на полунамеки Окума и Итагаки Ито отделался разговорами о том, что абсолютизм в лице группировок Сацума — Тёсю уже не имеет реального влияния, что сейчас основная сила — парламент и т. д.

⁵⁸ Там же, стр. 111—112.

⁵⁹ Цит. по кн.: Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэйдзи*, стр. 106 (яп.).

30 июня 1898 г. был создан первый в истории страны так называемый партийный кабинет. Он просуществовал всего четыре месяца и не сумел провести ни одной парламентской сессии. Тем не менее это было чрезвычайным событием в политической жизни страны. Если раньше правительства формировались абсолютно независимо от того, каково было соотношение сил в парламенте, кому принадлежало большинство в нижней палате, то на этот раз и генро, и император были ограничены в выборе премьера и подборе министров рамками той партии, которой принадлежало абсолютное большинство в парламенте, т. е. объективно складывалась возможность превращения формально конституционной, а по сути дела абсолютистской монархии в конституционную монархию по существу, хотя и в пределах крайне ограниченной конституции.

В новом правительстве абсолютистские силы могли сохранить за собой лишь посты военного и морского министров, используя практику назначения на эти должности военных, находящихся на действительной службе. (Не случайно поэтому Ямагата поторопился в следующий свой приход к власти закрепить эту практику, проведя специальный закон о порядке назначения военного и морского министров.) Кацура и Сайго согласились занять посты военного и морского министров в этом «крамольном» кабинете только по личному указанию самого императора и использовали свое пребывание в нем в целях быстрее его падения.

Быстрое падение партийного кабинета, несмотря на контролируемое им абсолютное большинство в нижней палате, продемонстрировало не только то, что сторонники абсолютистских методов правления еще очень сильны, но и то, что парламентская оппозиция плохо организована, разрознена, раздирается внутренними противоречиями. В то время как абсолютистские силы⁶⁰ (в лице генро, верхней палаты, Тайного совета) активно

---

⁶⁰ Известно, например, что председатель Тайного совета Курода направил морскому министру Сайго предписание вызвать правительственный кризис, после чего Сайго подал в отставку. В таком же направлении действовал и военный министр Кацура, являвшийся, по словам Коно Хиронака, проводником подрывного влияния генро в кабинете [см. Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэй-дзи*, стр. 115 (яп.)].

действовали в целях свержения кабинета, внутри него происходила грызня за министерские портфели между членами бывших партий дзиюто и симпото.

Несмотря на то что программные требования обеих партий не имели существенных различий, слияние их в единую партию носило тем не менее искусственный характер. Помимо старых межпартийных счетов, порожденных соперничеством в ходе борьбы за политическое влияние, их разделяла, как уже указывалось, различная и все более отчетливо выявлявшаяся ориентация на Мицуи и Мицубиси.

Однако то, что политические партии в борьбе за власть прибегли к такому эффективному средству, как объединение сил оппозиции, обусловившему приход к власти партийного правительства, послужило толчком к окончательному расколу бюрократического лагеря на сторонников и противников новых методов проведения политики, призванных завуалировать ее абсолютистскую сущность. Наиболее дальновидные представители бюрократии, к числу которых прежде всего следует отнести Ито Хиробуми, поняли, что приход к власти первого партийного правительства означает кризис прежних, откровенно абсолютистских методов правления, что необходимо встать на путь известного компромисса с оппозицией, чтобы избежать полной компрометации бюрократии, засилье которой в правящем аппарате стало одиозным. Создание первого партийного кабинета породило у этой части бюрократии стремление проникнуть в политические партии, приспособить их к своим интересам, придать себе партийное обличье и тем самым поставить абсолютизм на платформу политических партий.

Как уже говорилось, сторонником именно такого курса выступал Ито Хиробуми. Приход к власти первого партийного правительства окончательно убедил Ито в необходимости прикрыть господство абсолютизма партийной формой правления, для чего следовало организовать свою политическую партию на основе широкого представительства в ней крупной буржуазии, помещиков и их ставленников в лице бюрократии. Как писала в то время японская пресса, выражавшая эти настроения, новая политическая партия «должна будет соединить в себе знания высокообразованных людей, богатство де-

ловых кругов и опыт государственных деятелей в лице генро»⁶¹.

В 1892 г., когда Ито впервые выдвинул идею создания новой партии, его предложение встретило единодушный протест всех генро. Теперь же в поддержку планов Ито выступил и Иноуэ Каору. Некогда внешне единая бюрократия к этому времени отчетливо разделилась на два лагеря: один группировался вокруг Ито, другой — вокруг Ямагата. Расхождения во взглядах представителей этих двух направлений в бюрократических кругах отчетливо отразились в перепалке Ито и Ямагата на заседании генро 24 июня 1898 г., созванном в связи с нависшей угрозой прихода к власти партийного правительства. На этом заседании Ито решительно заявил о своем намерении создать политическую партию, которая стала бы прочной опорой правительства в парламенте. Против Ито резко выступил Ямагата и его сторонники. Ямагата сказал, что, если Ито, будучи премьером, создаст такую партию, увеличится антагонизм между бюрократией и оппозицией. Тогда Ито заявил, что готов уйти с поста премьера, если это служит помехой для создания партии. Ямагата возразил Ито, указав, что и в этом случае он не вправе будет заниматься организацией партии, так как является генро, ответственным перед императором. А если генро станет еще лидером партии, он перестанет быть беспристрастным в своих советах императору. Тогда Ито заявил о своем намерении отказаться и от положения генро и заняться созданием новой партии просто как Ито Хиробуми, что избавит его от необходимости отчетываться перед генро.

Ямагата возражал против создания Ито собственной политической партии в любом случае, так как это открывает путь к власти партийным кабинетам, что противоречит государственному строю Японии, нарушает дух конституции и т. д. В итоге Ито заявил, что спор о том, возможно ли и целесообразно ли создание партийного правительства, является беспредметным. Речь идет о путях развития государства, заявил Ито. «Я и Ямагата полностью расходимся во взглядах на этот вопрос, почему я и решил искать путь для своего государ-

---

⁶¹ Там же, стр. 102.

ства в соответствии со своими собственными убеждениями»⁶².

Процесс консолидации сил правящего лагеря, выразившийся на первом этапе в так называемой политике соглашений-сделок, сопровождался еще упорной борьбой между силами абсолютистского лагеря и сторонниками партийных, ответственных перед парламентом кабинетов. Но уже в тот период отчетливо выявилось стремление обеих сторон к приглушению острых споров и борьбы, к отказу от полного взаимного отрицания. В то же время ни одна из сторон не была еще готова путем серьезных уступок приспособиться к новым методам осуществления своего влияния.

Попытка создать свою политическую партию была предпринята Ито в начале июня 1898 г., сразу же как только стала очевидна отставка кабинета в связи с реально нависшей угрозой объединения сил парламентской оппозиции и приходом к власти партии кэнсэйто. По тому, в какой лихорадочной спешке пытался Ито и близкие ему круги бюрократии сколотить свою партию, можно судить, что приход к власти правительства дзюто и симпото в том виде, в каком они были в то время, пугал не только Ямагата и его группировку, но и самого Ито. Ставшие на путь сделок с бюрократическими силами политические партии дзюто и симпото, однако, не были еще достаточно послушным орудием в руках бюрократии, к чему стремился Ито Хиробуми, не отказались от противопоставления себя абсолютистской бюрократии. Именно стремлением предотвратить приход к власти правительства дзюто и симпото были продиктованы лихорадочные попытки Ито создать свою партию в тот период.

С первых шагов по организации новой партии стало очевидным, что костяком ее будет крупная буржуазия, тесным образом связанная с правительственной бюрократией. Именно к этой буржуазии прежде всего обратился за одобрением и поддержкой главный инициатор формирования партии Ито Хиробуми.

Переговоры с деловыми кругами по вопросу о создании партии взял на себя Иноуэ Каору. После предварительных бесед с руководством Мицуи (Масуда Така-

---

⁶² Там же, стр. 109—110.

са, Сибудзава Эйити, Окура Кихатино, Умагоси Суэхиро и другими видными представителями крупной буржуазии в центре и на местах) было решено созвать специальное заседание так называемой инициативной группы в отеле «Тэйкоку хотэру».

Состав участников заседания этой инициативной группы также красноречиво свидетельствует о том, на кого ориентировался Ито при создании партии. Помимо крупной буржуазии, в заседании приняли участие также члены реакционнейшей организации бюрократии «Кокумин кёкай» Саса, Гонда, Вада и другие представители так называемой местной буржуазии, являвшиеся одновременно крупными помещиками (известными как сторонники пересмотра стоимости земли). Таким образом, уже тогда было очевидно, что планируется организация сильной правительственной партии, которая должна была объединить интересы крупного капитала, местной буржуазии, представлявшей помещика и капиталиста одновременно, и связанной с ними бюрократии.

Если до этого интересы монополистического капитала Мицуи и Мицубиси представляли две разные политические партии, что в значительной мере и определяло их соперничество, то теперь предпринималась попытка сформировать партию, объединяющую и опирающуюся на крупный капитал в целом. Именно это обстоятельство, а не противодействие группировки Ямагата явилось для Ито основным препятствием на пути создания новой партии.

Заседание инициативной группы в «Тэйкоку хотэру», созванное 15 июня 1898 г., длилось с девяти утра до двух часов ночи. В итоге между Ито Хиробуми и Сибудзава Эйити была достигнута следующая договоренность: «В сложной обстановке, определившейся в стране в настоящее время, намечается ряд мероприятий, которые могли бы ее нормализовать... Существует опасение, что, если мы не остановимся на каком-либо одном из этих мероприятий, время для нормализации будет упущено. Понимая это... мы пришли к следующему заключению: в результате обмена мнениями между Ито и Сибудзава установлено, что Сибудзава одобряет политику, принятую Ито, однако он руководствуется при этом своими интересами и не приносит их ради этого в жертву. В то же время, поскольку Сибудзава одобряет

позицию, занятую Ито, он должен всеми средствами пропагандировать ее и способствовать одобрению позиции Ито другими»⁶³.

Наряду с этим было очевидно, что от непосредственного участия в партии, как этого хотел Ито, Сибудзава и другие видные деятели монополистической буржуазии воздержались, заняв выжидательную позицию.

Одной из важнейших причин этого было отношение к планам Ито главы концерна Мицубиси Ивасаки Яноске и близких ему кругов крупной буржуазии. Ивасаки, весьма трезво оценивавший политическую обстановку в стране, считал, что без привлечения к управлению страной политических партий (после того как в них войдут влиятельные представители бюрократии и сами партии будут соответственно видоизменены) не удастся приглушить распри внутри правящего лагеря и таким образом стабилизировать политическую атмосферу. Стремясь к созданию крепкой партии, объединяющей в себе и партийные и абсолютистские силы и способной возглавить правительство или стать его опорой в парламенте, Ивасаки в то же время хотел организовать ее в большей мере на основе послушной ему симпы, пытаясь привлечь в нее Ито. По сути дела, это были те же планы создания новой партии, но объединяющей не только крупную буржуазию и бюрократию, а и политические партии. Однако партия Ивасаки должна была ориентироваться в большей мере на Мицубиси. Организуемая же Ито партия, несмотря на попытки привлечь в нее и Мицубиси, из-за соотношения экономических сил и судя по активности лиц, ее создававших, формировалась как партия с преобладающими интересами Мицуи и той группы буржуазии, которая ориентировалась на Мицуи. Именно эта группировка буржуазии финансировала создание новой партии на первых порах. Например, на организацию партии известный своими связями с Мицуи Умагоси Суэхиро⁶⁴ выделил 300 тыс.

⁶³ Там же, стр. 103.

⁶⁴ Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 91 (яп.). — Умагоси занимал одно время ответственный пост в «Мицуи буссан». Затем он вышел в отставку, однако связи его с Мицуи остались самыми тесными. Умагоси совмещал руководящие посты в более чем 20 различных компаниях, являясь, в частности, президентом крупнейшей в стране монопольной компании по производству пива «Нихон биру кайся», основанной в 1906 г.

иен. При этом Умагоси заявил, что в случае надобности он предоставит дополнительные средства для организации партии. Естественно, что такое положение не могло удовлетворить честолюбивые замыслы Ивасаки, политические притязания которого были широко известны в стране в тот период. Ивасаки не только сам отказался поддержать идею Ито создать партию, но и использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы воспрепятствовать участию в ней других представителей буржуазии. В этом отношении Ивасаки помогла занимаемая им должность президента «Ниппон гинко», финансирувавшего многие предприятия. Вместе с тем Ивасаки форсировал объединение дзюто и симпото.

Касаясь причин, обусловивших невозможность создания планируемой партии, Иноуэ, проводивший переговоры с предпринимателями, прежде всего отмечал позицию в этом вопросе Ивасаки Яноскэ, который не преминул воспользоваться экономическим могуществом Мицубиси и финансовой мощью «Ниппон гинко» как средством экономического давления на деловые круги⁶⁵. В письме к Ито Хиробуми от 19 июня 1898 г. Иноуэ писал: «По-видимому, деловые круги выступают сейчас в единстве с Ивасаки. Мне это стало совершенно очевидно, после того как, вернувшись с заседания (имеется в виду заседание указанной выше инициативной группы. — *И. Б.*) прошлой ночью, я тщательно обдумал все состоявшиеся там разговоры. Внешне это выглядит как длительные хорошие отношения. Кроме того, Ивасаки связан многолетней дружбой с Окума. Большинство наиболее деятельных членов симпото являются последователями Фукудзава. А поскольку отношения между ними и Ивасаки характеризуются, помимо всего, и тем, что за последние годы им в виде помощи было передано почти 100 тыс. иен, то естественно, что они не могут в одно прекрасное утро порвать их без всяких на то оснований и не имеют мужества встать на правильный путь».

О том, что основной причиной провала планов Ито в то время была именно позиция Ивасаки и под его давлением других представителей деловых кругов, в том числе и Сибудзава, писал и близкий к Ито Канэко Кэн-

---

⁶⁵ «Биография Ито Хиробуми», т. 3, стр. 374—375 (яп.).

таро. Узнав об отказе Ивасаки и Сибудзава вступить в партию, Ито заявил, что это убедило его в преждевременности и неподготовленности вопроса о создании новой партии. С этим было связано и его решение уйти со всех занимаемых им постов и посвятить себя целиком организации новой партии.

Однако дело было не столько в преждевременности и неподготовленности условий для формирования партии, сколько в недооценке со стороны Ито и стоявших за ним кругов возросшей роли дзюто и симпото и их тесных связей с соперничающими группировками монополистического капитала. Попытка Ито создать политическую партию крупнейших воротил финансового и промышленного мира, помещичьих кругов и абсолютистской бюрократии, партию, которая свела бы по сути дела на нет значение дзюто и симпото, породила серьезное беспокойство среди политических партий и ускорила их объединение с тем, чтобы укрепить свои позиции.

В этих условиях Ито пришлось частично отказаться от своих планов. Докладывая еще в 1892 г. императору о характере планируемой им новой партии, Ито указывал, что в основу ее будет положена правительственная, т. е. бюрократическая, группировка, что будет свято соблюдаться принцип великого значения императора и, главное, что задачей этой партии будет низвержение партий, руководствующихся принципами «дзю минкэн ундо» («дзю минкэнсюги но тоха»), и всемерная поддержка правительства⁶⁶.

Изменившаяся обстановка заставила Ито не только опереться на крупную буржуазию, политическую активность которой в целом он еще на рубеже 80—90-х годов оценивал весьма невысоко, но и отказаться от политики полного игнорирования политических партий. В 1892 г. Ито писал: «Деловые круги... или так называемые капиталисты принадлежат к числу людей бесстрастных... капиталист обычно по возможности избегает всего, что не связано с его предпринимательством. Следовательно, и нет необходимости брать его в расчет во время предвыборных кампаний и тому подобных мероприятий»⁶⁷. Насколько изменилась политическая обста-

---

⁶⁶ Там же, т. 2, стр. 822.

⁶⁷ Там же, стр. 819—820.

новка в стране в последующие годы, особенно после японо-китайской войны, можно судить уже по тому, что Ито вынужден был признать поражение своих политических планов, поскольку они не получили одобрения и поддержки крупной буржуазии.

Провал планов Ито создать собственную партию в обход симпото и дзюто с их уже установившейся ориентацией (одной — на Мицубиси, другой — на Мицуи) заставил его встать на путь активного заигрывания с политическими партиями, чтобы сблизиться с ними, проникнуть в них и организовать на их основе новую партию в соответствии со своими замыслами. Именно этим объяснялась упорная борьба Ито с группировкой Ямагата за то, чтобы дать возможность новой партии сформировать правительство, и его попытки удержать это правительство у власти, когда возник правительственный кризис. Когда нависла угроза отставки правительства кэнсэйто, Ито находился в Китае. Получив телеграмму от Окума, он немедленно выехал в Японию. Однако торопился не только Ито, торопились и противники партийных кабинетов, опасаясь, что приезд Ито может внести раскол среди генро и к власти придет еще раз партийное правительство. Ито достиг уже Нагасаки, когда Ямагата спешно сформировал новое правительство. Пока Ямагата находился у власти, Ито продолжал проводить подготовку по организации новой партии.

Тем не менее провал первого партийного кабинета не изменил уже сложившейся системы отношений правительства с политическими партиями. Даже такой ярый противник политических партий, каким был Ямагата, придя к власти после падения партийного кабинета, вынужден был искать поддержки в парламенте у одной из них, что выразилось в заключении соглашения с кэнсэйто (бывш. дзюто). Условия этого соглашения были еще более конкретны и выгодны для политической партии, чем те, что заключались ранее. Правительство отказывалось от политики отрицания политических партий, принимало программу партии и на условиях взаимности признавало ее интересы⁶⁸. Однако

---

⁶⁸ См. Синобу Сэйсабуро, *Политическая история периода Мэй-дзи*, стр. 120 (яп.).

для Ямагата это было лишь средством удержаться у власти с тем, чтобы успеть провести необходимые для военных целей финансовые мероприятия и осуществить ряд реформ, направленных на закрепление позиций абсолютистской бюрократии в правительственном аппарате. Угроза прихода к власти партийных правительств была настолько реальна, натиск политических партий и их стремление укрепиться в государственном аппарате были настолько сильны, что Ямагата заблаговременно проводит ряд законов, гарантирующих позиции бюрократии в правительстве и в государственном аппарате на случай прихода к власти партийного кабинета. Именно этим стремлением было продиктовано принятие законов о порядке назначения военного и морского министров, о порядке назначения и смещения гражданских чиновников, о расширении прав Тайного совета. Тем самым военщина, составлявшая одно из основных звеньев аппарата монархии, получила оформленное в законодательном порядке право воспрепятствовать созданию любого правительства или взорвать его изнутри, отозвав или отказавшись назначить кандидатуру на пост военного или морского министра. Закон о порядке назначения или смещения гражданских чиновников обеспечивал избрание на ответственные административные посты выходцев из кругов маститой абсолютистской бюрократии и невозможность их смещения даже в случае прихода к власти партийного правительства. Это была сеть мероприятий, направленных на закрепление и расширение относительно самостоятельной роли, которую играла в политической жизни страны японская монархия.

Интересно отметить, что та реальная сила, в которую выросли к этому времени политические партии, заставила даже Ямагата попытаться придать господству бюрократии партийное обличье. После первого в истории страны партийного кабинета не только Ито начал подготовку к созданию своей партии. За создание партии принялся и сам Ямагата. Прежде всего была распущена «Кокумин кёкай» и сформирована, в основном на ее базе, тэйкокуто (имперская партия). Несмотря на то что ее значение было не больше, чем значение «Кокумин кёкай», цели, преследуемые при ее организации, были, несомненно, широкие. Программа тэйкокуто была составлена с претензией отразить интересы всех клас-

сов и слоев общества. В ней имелся даже специальный параграф (6) по вопросу о рабочей политике, где говорилось, что «партия будет проводить политику государственного социализма... покровительствовать рабочим и таким образом поддерживать общественное спокойствие»⁶⁹.

Поскольку Ямагата не только не собирался выполнять условия соглашения с дзюто, но и проводил откровенно враждебную политическим партиям политику, престиж дзюто, продолжавшей поддерживать правительство, быстро падал, угрожая окончательно подорвать позиции партии. В этих условиях руководство партии вынуждено было (на первых порах еще тайно) встать на путь сближения с Ито, который развивал в это время невероятную активность с целью пропаганды создания новой политической партии. Объезжая буквально провинцию за провинцией, Ито произносил многочисленные речи (в Фукуока, Ямагути, Хиросима, Нагоя и т. п.), пропагандируя идею создания новой крупной политической партии, не уточняя, однако, ее характера. Ито предложили встать во главе партии, однако этот план был им отвергнут⁷⁰. Ито вынашивал планы организации партии на более широкой основе, чем только кэнсэйто. Вступление же в кэнсэйто, хотя бы в качестве ее лидера, в значительной мере связало бы Ито руки, обусловив необходимость на равных началах согласовывать свои принципы и планы с руководством партии. В результате переговоров в начале июля 1900 г. между Ито и кэнсэйто было достигнуто соглашение, по которому кэнсэйто фактически оказалась в подчинении у Ито.

Заручившись, таким образом, поддержкой одной из политических партий, в значительной мере капитулировавшей перед ним, Ито и близкие ему бюрократы Иноуэ Каору, Сайондзи Кимимоти, Канэко Кэнтаро и другие сосредоточили усилия на создании единой большой партии, объединяющей в себе крупную и среднюю буржуазию, помещиков, бюрократию и растворенные в этой среде политические партии. Они развили бурную

---

⁶⁹ Цит. по кн.: Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 120 (яп.).

⁷⁰ См. «Биография Ито Хиробуми», т. 3, стр. 442—443 (яп.).

активность, стремясь вовлечь в новую партию членов кэнсэйхонто, тэйкокуто и беспартийных депутатов нижней и верхней палат.

Как и в 1898 г., особые надежды при формировании партии Ито возлагал на предпринимателей и банкиров. Об этом отчетливо говорили специально выработанные и разосланные им условия приема в партию. В партию принимались: бывшие и настоящие беспартийные депутаты парламента; мэры, их помощники, члены муниципальных советов и городских собраний; председатели и вице-председатели торгово-промышленных палат; председатели акционерных обществ (с капиталом более 50 тыс. иен); высокие налогоплательщики; члены местных префектуральных собраний; адвокаты; директора банков (с капиталом более 100 тыс. иен); другие известные деятели округов и префектур.

Стремясь вовлечь в новую партию крупную буржуазию и бюрократию, Ито всячески пытался подчеркнуть, что создаваемая им новая политическая организация совсем не то же самое, что прежние политические партии. Ито решил даже выпустить из названия новой организации ставшее «крамольным» само по себе слово «партия», заменив его словом «общество». Центральным и местным органам планируемой партии был придан вид клубов, ставших привычной формой различных организаций буржуазии. Ито в письме к Ито Миёдзи накануне создания партии писал: «То, что мы уходим от названия „партия“, есть не более как средство избежать предубеждения бюрократических кругов и предпринимателей и облегчить им вступление в партию»⁷¹.

Непосредственные переговоры с предпринимателями, как и раньше, вел Иноуэ Каору. 12 сентября 1900 г. в приемной Мицуи собрались виднейшие представители финансово-промышленного мира Японии, чтобы окончательно определить свое отношение к создаваемой партии. От лица организаторов партии на заседании присутствовал Иноуэ Каору, выступивший с речью о неразрывной связи предпринимательства с политикой. Идея создания одной большой партии, которая явилась бы прочной опорой правительства в парламенте, получила всеобщее одобрение на заседании. Предприниматели

---

⁷¹ Там же, т. 3, стр. 446—447 (яп.).

обещали свою всемерную помощь и поддержку при её организации. Вопрос о персональном вступлении в новую партию каждого предпринимателя, на чем настаивал Иноуэ, было предоставлено решать каждому по своему усмотрению.

15 сентября 1900 г. состоялась официальная церемония создания новой партии — «Общества политических друзей» («риккэн сэйюкай», сокращенно сэйюкай). В количественном отношении основой партии явилась прежняя кэнсэйто. Из нее в новую партию вошли 111 человек, 9 перешли в новую партию из кэнсэйхонто, 5 — из тэйкокуто и др. По роду занятий членов партии костяк ее составила буржуазия. Из 241 человека, вступившего в партию, 80 числились как предприниматели, 34 — адвокаты, члены муниципальных советов и городских собраний, собраний округов и префектур и т. п., 28 — ответственные работники банковских объединений, 23 — директора банков, 16 — бывшие депутаты нижней палаты, 13 — депутаты нижней палаты, 5 — депутаты верхней палаты, 2 — высокие налогоплательщики, 2 — представители так называемых богатых домов, 2 — председатели и вице-председатели торговых палат, 1 — мэр, 1 — президент газетной компании⁷².

В сэйюкай были представлены интересы крупнейших капиталистов страны как непосредственно в лице предпринимателей, так и в лице близких к ним бюрократических и партийных деятелей. Хара Кэй и Окадзаки Кунисукэ, например, были теснейшим образом связаны с Фурукава, Хоси Тору и Амэмия Кэйдзиро — с Ясуда, Цурухара Дзёкити — с Мицубиси и т. п. Тем не менее было очевидно, что планы Ито и стоявших за ним кругов создать одну, всеобъемлющую партию не осуществились. Сэйюкай, учитывая, что в основу ее легла кэнсэйто, ориентация которой на Мицуи не представляла секрета, а также то, что в создании ее активнейшую роль играли такие деятели бюрократической группировки Тёсю, как Ито, Иноуэ, Сайондзи, Канэко и другие, чьи тесные связи с Мицуи ни для кого не были тайной, сформировалась в основном как партия с преимущественной ориентацией на Мицуи. Серьезные по-

⁷² Танака Согоро, *Нихон канрё сэйдзи си кайтэй*, Токио, 1954, стр. 114 — далее — Танака Согоро, *Политическая история японской бюрократии* (яп.).

зиции в новой партии сохранила и близкая Мицуи местная буржуазия. Не было случайностью, что враждебные Мицуи круги буржуазии, в частности кансайские, отказались принять какое-либо участие в создании сэйюкай. Не случайно также и то, что с момента образования сэйюкай Итагаки Тайскэ с его двойственной ориентацией окончательно сходит на нет в качестве лидера партии. Концерн Мицубиси, несмотря на то что его представители участвовали в подготовке к созданию сэйюкай, а один из близких Ивасаки лиц — Цурухара — даже входил в состав руководящего ядра новой партии (следует отметить при этом, что в то время связи Цурухара с Ивасаки отнюдь не для всех были очевидны), остался все-таки в стороне. По инициативе Ивасаки были приняты срочные меры по укреплению симпото. Одзаки Юкио и перешедшие с ним в сэйюкай несколько членов симпото были демонстративно исключены из симпото за развернутую ими агитацию в пользу новой партии. Окума официально был избран президентом симпото. Руководство симпото начало громко высказывать свои опасения, что появление единой партии может подорвать основы партийной политики, осуществляемой на базе двух политических партий.

В манифесте и программе новой партии, опубликованных 25 августа 1900 г., ни о каких партийных, ответственных перед парламентом кабинетах речь не шла. Говорилось лишь о необходимости строго придерживаться императорской конституции, о совершенствовании работы государственного аппарата, о соблюдении принципа справедливости при официальных назначениях и т. п.⁷³ В этой связи Котоку Дэндзиро справедливо писал о создании сэйюкай как о фактической капитуляции перед бюрократией одной из наиболее непримиримо настроенных к абсолютизму партий (дзюто), об отказе от провозглашенных некогда идей свободы и т. д., т. е. об отказе даже от тех буржуазно-демократических требований в рамках куцей конституции, которые выдвигались ею ранее⁷⁴. В период подготовки к созданию сэйюкай пропагандировалась как народная

---

⁷³ См. «Биография Ито Хиробуми», т. 3, стр. 450—453 (яп.).

⁷⁴ Танака Согоро, *История политических партий Японии*, стр. 110 (яп.).

(минто), а сформировалась как партия императорского согласия (так ее называли в то время). Не случайно, что расходы по организации сэйюкай взяли на себя не только крупные предприниматели, но и сам японский император, выделивший на это из своих средств 100 тыс. иен⁷⁵. Это было сделано им после того как Ито объяснил ему, в чем состоит отличие его партии от прежних партий. Партия Ито была создана только после того, как получила официальное одобрение всех высших бюрократических инстанций, включая генро. В этом отношении очень показательна позиция такого яркого противника планов Ито, как Ямагата. Как говорят материалы биографии Ито Хиробуми, Ямагата изменил свое отношение к создаваемой Ито партии, убедившись, что тот факт, что в основу ее положена бывшая дзюто, еще ничего не определяет. После того как Ито, встретившись специально с Ямагата, объяснил ему, что партия будет всего лишь орудием осуществления конституционной политики, опорой правительства в парламенте⁷⁶, Ямагата больше уже не возражал против ее создания.

Организация сэйюкай явилась логическим завершением политики сделок с абсолютистским правительством, на путь которых встали политические партии в середине 90-х годов XIX в. Как отмечалось выше, взгляды руководства кэнсэйто в этот период наиболее отчетливо выразил Коно Хиронака, рассчитывавший путем привлечения в партию наиболее дальновидных представителей бюрократии обеспечить приход политических партий к управлению страной. На деле же получилось, что бюрократия возглавила партию, в значительной мере навязав ей свои взгляды. Кэнсэйто же в этой сделке отказалась по существу от своих прежних традиций борьбы с бюрократическим абсолютистским режимом, лишилась возможности противопоставлять себя абсолютизму в парламенте, окончательно утратив при этом свой некогда прогрессивный характер.

В то же время бюрократия не заняла в сэйюкай господствующих позиций, несмотря на то что именно она в основном возглавила ее. Установив контакт с бюрокра-

---

⁷⁵ Маэсима Сёдзо, *Исторический анализ политики политических партий Японии*, стр. 126 (яп.).

⁷⁶ См. «Биография Ито Хиробуми», т. 3, стр. 444 (яп.).

тией, кэнсэйто, составлявшая костяк сэйюкай, не теряла тем не менее надежды прийти к власти уже в ином виде. Объединив в себе разноречивые течения, сэйюкай не стала безоговорочно опорой для проводников абсолютистской политики. Именно этим объяснялось то, что, не возражая против создания сэйюкай в виде опоры правительства в парламенте, абсолютистские силы не переставали ставить рогатки на ее пути, когда впервые было сформировано партийное правительство во главе с Ито. Серьезными столкновениями этих двух разноречивых тенденций в сэйюкай были отмечены и ее первые шаги в парламенте в 1901—1913 гг. Стремление Ито сделать партию безропотной служанкой правительства, с одной стороны, и непрекращающееся противодействие этому со стороны ядра бывшей дзюто — с другой, привели к серьезному кризису внутри сэйюкай и постепенному ослаблению ее позиций и влияния в парламенте уже в первые годы ее существования. Уход Ито с поста президента сэйюкай через два года после ее создания был связан не только и не столько с опасениями военно-бюрократической клики Ямагата — Кацура перед чрезмерным могуществом Ито на посту генро и лидера сэйюкай. Под давлением Ито сэйюкай, заключив сделку с правительством Кацура, обеспечила осуществление в парламенте важнейших мероприятий. Именно за умелое проведение этой политики соглашения политической партии с правительством, уходя с поста лидера партии, Ито получил лично от императора в виде награды 10 тыс. иен⁷⁷. Однако уже в этот период абсолютистские замашки Ито, перенесенные им в партию, и его стремление превратить сэйюкай в безусловную опору правительства вызвали среди ее членов серьезный разброд и волнения. Первые недовольные ушли из партии. Возникла угроза выхода сэйюкай из повиновения Ито, если он не откажется от прямой поддержки абсолютистского правительства. Угроза того, что в результате негибкой политики Ито не партия пойдет у него на поводу, а он вынужден будет считаться с требованиями большинства (в сложный период подготовки войны против России), и вызвала стремление военно-бюрократической клики вынудить Ито покинуть пост лидера партии. Им-

---

⁷⁷ Там же, стр. 588.

ператор издал указ о назначении Ито председателем Тайного совета вместо Сайондзи. Причем если Сайондзи занятие этого поста не мешало быть в составе президиума сэйюкай, то для Ито в указе специально оговаривалась невозможность совмещения поста председателя Тайного совета с постом президента сэйюкай⁷⁸. Серьезность создавшегося положения в партии понимал и сам Ито, не оказавший особого сопротивления интригам Ямагата. По его совету во главе партии стал близкий ему Сайондзи, пользовавшийся к тому же репутацией либерала.

После создания сэйюкай и первого короткого пребывания ее у власти (четвертый кабинет Ито) в политической истории страны фактически начался новый период. Наиболее одиозные фигуры лагеря бюрократии в лице генро ушли с переднего края политической жизни. Ни один из них больше не возглавлял правительства и не входил в них, начиная с первого кабинета Кацура в 1901 г. (На смену им пришли более гибкие деятели бюрократического лагеря, более изворотливо проводившие линию абсолютизма.) Если до этого в правительстве наблюдалось чередование единых по абсолютистским методам правления соперничавших группировок бюрократии Сацума и Тёсю, то со времени образования сэйюкай на смену пришло чередование бюрократических правительств и правительств политических партий. Однако к этому времени политические партии — кэнсэйхонто (бывшая симпто) и кэнсэйто (бывшая дзюто), буржуазно-демократический характер требований которых всегда был крайне ограничен, — в значительной мере утратили прежние традиции борьбы против засилья абсолютистской бюрократии. Трансформация дзюто в сэйюкай означала по существу ликвидацию наиболее активно настроенной против абсолютизма партии. Симпто всегда отличалась крайней умеренностью.

В. И. Ленин, характеризуя буржуазный либерализм, писал: «Западноевропейская буржуазия сначала все же сражалась по-настоящему, была кое-когда даже республиканской, ее вождей «осуждали» — осуждали за *государственные преступления*, т. е. не только за революционные связи, а за *настоящие рево-*

---

⁷⁸ Там же, стр. 594.

люционные действия. Потом, много лет, иногда десятилетий, спустя, эти буржуа вполне мирились с самой убогой и кучей конституцией, не только без республики, но и без всеобщего избирательного права, без настоящей политической свободы. Либеральные буржуа окончательно мирились с «престолом» и с полицией, сами становились у власти и зверски подавляли и подавляют постоянно всякое стремление рабочих к свободе и к социальным реформам»⁷⁹. Японская буржуазия благодаря своим тесным связям с полуфеодальным помещичьим землевладением была несравненно более инертной, политически несамостоятельной. Она никогда не была республиканской, требования ее были весьма ограничены. Она вполне довольствовалась теми урезанными правами и «свободами», которые были предоставлены ей более чем убогой реакционной конституцией 1889 г. Однако вопрос состоял в том, что даже эти права остались на бумаге. Конституционность японской монархии была лишь внешней оболочкой, по существу она продолжала оставаться абсолютистской. Японская монархия и созданный ею громадный бюрократический аппарат правили страной не в «согласии с имперским парламентом»⁸⁰, как это было записано в конституции, а в обход широких кругов средней буржуазии и обуржуазившихся помещиков, значительно окрепших экономически и являвшихся к политической власти. Именно стремление этих кругов добиться участия в управлении страной и стояло за требованием установления системы ответственных перед парламентом партийных правительств на базе двух политических партий, превращения формально конституционной монархии в конституционную монархию по существу.

Таким образом, процесс консолидации сил правящего лагеря, выразившийся во второй половине 90-х годов XIX в. в политике так называемых соглашений парламентских партий с бюрократическими правительствами, завершился в 1900 г. образованием сэйюкай. Создание сэйюкай отразило стремление господствующих классов сгладить, притупить борьбу двух политических тенден-

---

⁷⁹ В. И. Ленин, *«Революционеры» в белых перчатках*, — Сочинения, т. 8, изд. 4, стр. 492.

⁸⁰ «Конституции буржуазных стран», т. I, стр. 190, статья 5,

ций внутри правящего лагеря, направить сторонников партийных правительств и абсолютистских форм правления на путь взаимных уступок и соглашений, известной нивелировки их взглядов. На этот путь толкала правящие классы страны та новая угроза, которую они увидели в лице рабочего класса и которую они намеревались встретить и ликвидировать в обстановке прочного союза монархии, политических партий, помещиков и буржуазии. Символом этого единства явилось создание сэйюкай, ознаменовавшее полное утрачивание парламентской оппозицией духа буржуазного либерализма⁸¹.

Если в 70—80-е годы, когда рабочее движение в стране находилось еще в зародышевом состоянии, внимание правящей верхушки было сосредоточено прежде всего на ликвидации веяний буржуазно-либерального движения «за свободу и народные права», то начиная со второй половины 90-х годов абсолютистские силы уже единым фронтом с бывшими либералами выступают на борьбу с растущей угрозой со стороны рабочего класса.

Антирабочая, антинародная политика правящих кругов Японии

Как и во всякой другой стране в период смены старого капитализма новым, в Японии усиление реакционных тенденций во внутренней политике отразилось прежде всего в рабочем вопросе. Перерастание японского капитализма в империализм, происходившее в обстановке обострения классовой борьбы, сопровождалось переходом правящих классов к откровенно реакционным методам подавления растущего в стране народного недовольства и в первую очередь рабочего и социалистического движения.

Если раньше, когда рабочее движение не выросло еще в серьезную угрозу, правительство ограничивалось спорадическими выступлениями против него, то, столкнувшись с упорной забастовочной борьбой пролетариата, его растущей организованностью в связи с быстрым развитием профсоюзного движения и все большим про-

---

⁸¹ См. Е. Жуков, *История Японии*, М., 1939, стр. 139—140.

никновением в рабочие массы социалистических идей, правящие классы Японии обрушили на молодое пролетарское движение серию различных мероприятий, направленных либо на дезориентацию рабочего движения, либо на его откровенное удушение.

Начиная со второй половины 90-х годов, когда профсоюзное движение в стране приняло особенно широкий размах, господствующие классы предприняли настойчивые усилия, с тем чтобы с самого начала направить деятельность образовавшихся профсоюзов и через них рабочее движение по безопасному для себя пути — по пути соглашательства и реформизма.

Внимание правящей верхушки прежде всего привлек в этом плане профсоюз печатников, имевший уже определенные реформистские традиции и навыки еще с 80-х годов, когда активную деятельность развернул Сакүма Садаити.

Профсоюз печатников, как уже говорилось, зародился в конце 90-х годов, в ходе забастовки рабочих полиграфической компании Фукагава в 1898 г. Организационно он оформился в марте 1899 г. Профсоюз печатников возник в значительной мере под влиянием уже названного обращения к рабочим и активной деятельности «Общества содействия организации рабочих профсоюзов». Однако в отличие от профсоюза машинистов и других профсоюз печатников провозгласил своей целью достижение «гармонии между рабочими и предпринимателями», «прогресс производства и справедливое распределение выгод между рабочими и предпринимателями», «улучшение общества посредством реформ» и т. д. Это была откровенно соглашательская линия в рабочем движении, как справедливо отмечал в те годы Катаяма Сэн.

Подобные программные установки профсоюза печатников объяснялись тем, что с самого начала в его руководство попали прямые представители буржуазии, в частности реакционные профессора Токиоского императорского университета Канаи Эн⁸² и Кувада Кумадзо и др.

---

⁸² О том, что представлял собой такой «вождь» рабочего класса, как Канаи Эн, можно судить хотя бы по тому, что он являлся одним из семи авторов нашумевшего в свое время меморандума реакционных профессоров права Токиоского императорского университета, направленного премьеру Кацура 10 июня 1903 г. В этом мемо-

Заинтересованность и помощь в организации этого профсоюза проявили известный своей либеральной болтовней представитель буржуазии Симада Сабуро, возглавивший профсоюз в мае 1899 г., крупный предприниматель Асано и др.⁸³ Создание профсоюза с большим энтузиазмом приветствовали... предприниматели полиграфической промышленности, выделившие необходимые денежные средства на организационные расходы.

Разоблачая соглашательскую линию реакционного руководства профсоюза печатников и характеризуя ее как «позорное явление в рабочем движении XX в.», Катаяма Сэн в одной из своих статей, посвященных разбору деятельности, характера и направления крупнейших японских профсоюзов того времени, писал, что, несмотря на всю поддержку как со стороны влиятельных лиц, так и со стороны предпринимателей, профсоюзу печатников не избежать истории «пышного начала и бесславного конца»⁸⁴.

По замыслам японской буржуазии, профсоюз печатников должен был стать крепостью реформизма и соглашательства, при помощи которых она смогла бы направить в нужное русло все рабочее движение в стране и тем самым подчинить его своему влиянию. Однако планы эти, даже на первых порах, не увенчались успехом. Агентура буржуазии в рабочем движении действовала слишком откровенно и прямолинейно. Буржуазия еще не имела достаточного опыта и гибкости, связи руководства профсоюза с предпринимателями были слишком очевидны, чтобы долгое время держать рабочие массы в заблуждении. В период расцвета (в 1899 г.) профсоюз печатников насчитывал в своих рядах макси-

---

рандуме, объявляя войну с Россией неотвратимой, реакционная японская профессура требовала от правительства ее скорейшего развязывания. Характерно, что сначала меморандум держался в секрете. Далее об этом стало известно журналистам, и меморандум был широко разрекламирован в прессе (24 июня 1903 г.), сыграв известную роль в мобилизации общественного мнения на войну с Россией.

⁸³ См. Катаяма Сэн, *Прошлое, настоящее и будущее рабочего вопроса*, — «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 206 (яп.).

⁸⁴ Катаяма Сэн, *Курс рабочего движения в XX в.* Цит. по кн.: «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 146—151 (яп.).

мальное число членов — 2 тыс. человек и учредил ряд своих отделений в Токио, Иокогама, Нагоя, Осака, Кобэ. Однако уже с января 1900 г. он начал быстро хиреть и в мае того же года фактически свернул свою деятельность. Из него ушли все члены, которые в нем состояли.

Важную роль в разоблачении соглашательской линии в рабочем движении Японии того периода, представленной профсоюзом печатников, сыграли, в частности, неоднократные высказывания против него Катаяма Сэн. Особенно большое впечатление на рядовых членов профсоюза печатников произвело известное выступление Катаяма Сэн на диспуте, организованном в июле 1899 г. руководством профсоюза. Катаяма выступил против Канаи Эн и др., обрушившихся со злобными нападениями на социализм, доказывавшими его непригодность для японских условий и необходимость развития сотрудничества рабочих с предпринимателями⁸⁵. В своей речи, неоднократно прерывавшейся аплодисментами, Катаяма разоблачил подлинный характер взаимоотношения труда и капитала в Японии, охарактеризовав «сотрудничество» рабочего и предпринимателя в Японии, как сотрудничество «хозяина и раба», доказывая необходимость объединения рабочих в профессиональные союзы и ведения ими забастовочной борьбы, переустройства японского общества на путях социализма⁸⁶.

Однако правящие круги страны не ограничились попытками обезвредить растущее рабочее движение, разложив его изнутри при помощи подвластных им профсоюзов, тем более что попытки эти на первых порах не принесли ожидаемых результатов. Они решили крутыми мерами в корне подорвать рабочее движение в стране, предотвратить дальнейшее его развитие. В марте 1900 г. после одобрения парламентом был введен так называемый полицейский закон об охране порядка и спокойствия, направленный своим острием против рабочего и крестьянского движения. Внешне закон был составлен в очень лицемерной форме, чтобы соблюсти видимость беспристрастности правительства как в отношении

4-13

---

⁸⁵ Речи Катаяма и Канаи были опубликованы затем в журнале «Родо сэкай», 1899, № 64 [см.: «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 65—71 (яп.)].

⁸⁶ В то же время Катаяма отвергал тогда революционный путь социалистического переустройства общества. — Там же, стр. 67.

рабочих, так и в отношении предпринимателей. Непосредственно против рабочих и крестьян-арендаторов предназначался § 17 закона, который гласил: «Лица, которые для достижения целей, указанных в нижеследующих пунктах, прибегнут к насильственным действиям в отношении официальных лиц или выступят в отношении этих лиц с публичной критикой, а также те, кто в целях, указанных во втором пункте, будет подкупать или подстрекать официальных лиц, подвергаются строгому тюремному заключению сроком от одного до шести месяцев или штрафу от 3 до 30 иен.

Подобному наказанию подвергаются также лица, прибегающие к массовым увольнениям (локаутам), и те, кто посредством насильственных действий, угроз или публичной критики пытается воздействовать на лиц, не принимавших участия в рабочих стачках.

Указанному выше наказанию подвергаются лица, которые прибегают к насильственным действиям, угрозам и публичной критике в целях:

1) побуждения к вступлению в объединение, ставящее своей задачей проведение совместных действий в связи с условиями труда или оплатой труда рабочих и служащих, а также препятствия вступлению в подобное объединение;

2) в тех случаях, когда речь идет о массовых увольнениях (локаутах) или коллективных стачках, — побуждения предпринимателя к увольнению рабочих и служащих, побуждения к отказу от подачи заявления о приеме на работу в качестве рабочего или служащего, побуждения рабочих или служащих к прекращению работы, подстрекательства к отказу принять просьбу о приеме на работу в качестве рабочего или служащего;

3) принуждения сторон к соглашению в отношении оплаты труда или условий труда, а также принуждения сторон к соглашению в отношении условий арендной платы за землю, сдаваемую в аренду»⁸⁷.

Однако, несмотря на все словесные ухищрения, антинародная сущность и направленность полицейского закона об охране порядка были очевидны. Борьба рабочих за улучшение жизненных условий, за повышение за-

---

⁸⁷ Полицейский закон об охране порядка и спокойствия был принят 10 марта 1900 г. [см. Танака Согоро, *История общественного движения в Японии*, стр. 171—172 (яп.)].

рабочей платы, сокращение рабочего дня, стремление их к организации, а также борьба крестьянства за снижение арендной платы объявлялись в этом законе преступлением против мира и общественного порядка. Одновременно с полицейским законом был опубликован специальный императорский указ, в котором «разъяснялось», что стачки запрещены, поскольку они «противоречат принципам государственного устройства» Японии⁸⁸.

Полицейский закон об охране порядка был единогласно принят японским парламентом и незамедлительно, без всякого переходного периода, какой обычно оглаживается при введении мало-мальски демократического преобразования, введен в действие.

Направленность полицейского закона не только против рабочих, но и против крестьян-арендаторов объяснялась тем, что 90-е годы ознаменовались также многочисленными выступлениями японского крестьянства. Именно в эти годы внимание буквально всей страны было приковано к упорной борьбе более чем 100 тысяч крестьян во главе с Танака Сёдзо (префектура Тотиги), обреченных на голодную смерть. С разных концов страны шли сведения о нарастающей борьбе крестьян-арендаторов (районы Яманаси, Нагано, Канагава и др.), основными лозунгами которых были снижение арендной платы, запрещение сгона с земли.

Принятие полицейского закона ознаменовало начало нового этапа в политике господствующих классов. Если законодательство 80-х годов — закон «Об охране порядка» («хёан дзёрёй») 1887 г., многочисленные поправки к нему, закон «О собраниях и политических организациях» 1890 г. и др. — было направлено прежде всего против движения «за свободу и народные права» и его влияния, то полицейский закон «Об охране порядка и спокойствия» 1900 г. своим острием был направлен против рабочих и их организаций, против крестьян-арендаторов. Целью полицейского закона, как указывал в то время Катаяма Сэн, было вынести смертный приговор организованному рабочему движению⁸⁹.

Следует отметить, что и до 1900 г. в стране действо-

---

⁸⁸ См. Е. Жуков, *История Японии*, стр. 141.

⁸⁹ См. Катаяма Сэн, *Прошлое, настоящее и будущее рабочего вопроса*, — «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 209 (яп.).

вали законы, содержавшие отдельные пункты, целью которых было тормозить и подавлять борьбу рабочих. В уголовном кодексе 1880 г. § 270 устанавливал штраф от 3 до 30 иен и тюремное заключение от 1 до 6 мес. для крестьян и рабочих, которые обманным путем или при помощи применения силы будут добиваться от нанимателя улучшения своего положения или повышения заработной платы. На основании этого параграфа уголовного кодекса, в частности, была подавлена забастовка и осуждены принимавшие в ней участие рабочие «Осака тэмма босэки» в 1894 г. Имелись также законы префектуральных властей, определенные параграфы которых были направлены против рабочего движения. В 1896 г. в префектуре Хёго, например, был издан указ 89. Его § 2 гласил, что рабочие не должны нарушать приказов, исходящих от предпринимателя, или принимать какие-либо меры против этого указа. Подобный же указ был издан в 1900 г. в префектуре Нара. Однако, когда выступления рабочих начали принимать все более организованный характер, эти разрозненные параграфы, где о борьбе рабочих с предпринимателями и формах этой борьбы говорилось весьма общо, не стали устраивать господствующие классы. Полицейский закон 1900 г., сохранив меру наказания для рабочих и крестьян, установленную уголовным кодексом 1880 г., распространил ее буквально на все возможные выступления рабочих и крестьян-арендаторов за улучшение своих жизненных условий, предусмотрев максимально возможные случаи. Основным отличием его было то, что прежде всего наказанию подвергались лица, ведущие или побуждающие вести борьбу с предпринимателями организованным путем и создающие для этой цели специальные объединения, т. е. имелись в виду профессиональные союзы и всевозможные политические организации рабочего класса.

Как сообщал журнал «Родо сэкай» в номере от 1 мая 1900 г.⁹⁰, предприниматели незамедлительно воспользовались полицейским законом, чтобы задуть нарастающую борьбу рабочих. Первым прибегло к этому закону руководство акционерной компании «Нихон тэцудо», начавшее активную борьбу против профсоюза машини-

---

⁹⁰ См. «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 112 (яп.).

ство, самого боевого из всех существовавших в то время в стране. В декабре 1901 г. руководство компании с помощью полиции, в соответствии с законом об охране порядка, насильственно распустило профсоюз машинистов⁹¹. Вслед за этим были проведены репрессии и против других профсоюзов. Число членов профсоюзов начало неуклонно сокращаться, многие филиалы их на местах были распущены.

После принятия полицейского закона рабочее и профсоюзное движение в стране быстро пошло на убыль, количество рабочих конфликтов сократилось.

Полицейский закон об охране порядка 1900 г., фактически поставивший вне закона рабочие профессиональные союзы и забастовочную борьбу, стал серьезным препятствием на пути развития рабочего движения в стране. Борьба за его отмену составила целую полосу в истории рабочего, социалистического, а также общедемократического движения в стране.

Провозгласив преступлением против «мира и общественного спокойствия» малейшую попытку трудящихся улучшить свои жизненные условия, правящие классы страны одновременно не остановились перед тем, чтобы отказать рабочим в самых элементарных, даже минимальных требованиях по охране их труда. Именно в эти годы, понимая, что рабочее движение в стране еще не столь сильно, чтобы вырвать эту уступку, правительство похоронило законопроект первого фабричного закона, несмотря на всю ограниченность предусматриваемых им мер по охране труда⁹².

---

⁹¹ См. Катаяма Сэн, *Прошлое, настоящее и будущее рабочего вопроса*, — «Общественное движение и общественная мысль периода Мэйдзи», т. I, стр. 207 (яп.).

⁹² Проект первого фабричного закона приводится в работе Катаяма Сэн «Рабочее движение», в кн. «Рабочее движение в Японии», стр. 40—47.

Законопроект состоял из шести разделов, включавших в себя 40 параграфов. § 1 первого раздела законопроекта устанавливал, что сферой деятельности данного закона являются предприятия с числом рабочих и учеников более 50. Это означало крайне ограниченные возможности использования проектируемого закона даже на предприятиях, учитываемых фабрично-заводской статистикой (с числом рабочих более 10). В то же время число мелких предприятий (с числом рабочих менее 10), выпадавших из поля зрения официальной статистики, было очень велико. Принимая все это во внимание, можно сказать, что подавляющее большинство японских ра-

В середине 90-х годов растущее рабочее движение в стране, направленное против непосильных условий труда на предприятиях, за улучшение жизненных условий, заставило правящие круги начать хотя бы разговоры о необходимости создания проекта фабричного закона. Как уже указывалось, в процессе выработки этого законопроекта министерством сельского хозяйства и торговли была образована специальная комиссия по обследованию условий труда японских рабочих в различных отраслях промышленности. После длительных проволок проект фабричного закона был, наконец, выработан и передан в правительство, а затем (в 1900 г.) в парламент, чем по существу дело и ограничилось. Еще до того как законопроект должны были передать на рассмотрение парламента, министр сельского хозяйства и торговли Муцу Мунэмицу, состоявший в близких родственных отношениях с крупным капиталистом Фурукава и тесно связанный с другими тузами капиталистического мира страны, ознакомил с ним виднейших предпринимателей.

Предприниматели развернули против законопроекта ожесточенную кампанию, утверждая, что он в корне подрывает молодую отечественную промышленность. Против него выступили такие воротилы финансового мира, как Сибудзава и др., в результате чего правитель-

---

бочих, согласно законопроекту, лишалось возможности пользоваться им. В разделе «Рабочие», где содержались параграфы об «охране» труда, фактически речь шла только о женщинах и детях. В § 9 запрещалось, в частности, использование труда детей моложе 10 лет. В § 10 устанавливалась длительность рабочего дня для детей от 10 до 14 лет не более 10 часов в сутки. Однако каждый параграф сопровождался оговоркой о том, что при особых обстоятельствах (каких именно, не уточнялось) могут иметь место исключения. В ряде случаев законопроект ухудшал и без того тяжелое положение рабочих. Например, в вопросе о вознаграждении за несчастные случаи на производстве права рабочих урезывались даже в сравнении с теми, какими они пользовались в соответствии с § 709 и 711 «Общего гражданского уложения». Указанные параграфы «Общего уложения» обеспечивали рабочим большее вознаграждение, чем это предусматривалось в законопроекте.

Вместе с тем законопроект предусматривал такие меры, которые обязаны были принимать владельцы предприятий в вопросах техники безопасности, что наряду с известным ограничением использования труда малолетних и вызвало такую ожесточенную борьбу со стороны предпринимателей.

ство не рискнуло даже поставить законопроект на обсуждение парламента.

В вопросах подавления недовольства и борьбы трудящихся масс, и в первую очередь растущего в стране рабочего движения, правящие круги выступали единым фронтом, оставляя в стороне свои внутренние разногласия, все чаще и все откровеннее прибегая при этом к голому насилию. Если военно-бюрократический, откровенно реакционный кабинет маршала Ямагата похоронил даже крайне куций проект фабричного закона и ввел «полицейский закон об охране порядка», чем незамедлительно воспользовались предприниматели, то четвертый кабинет Ито Хиробуми, сформированный в основном из представителей только что созданной партии сэйюкай, именовавшей себя «народной» («минто»), не остановился перед использованием этого реакционного закона в мае 1901 г. для запрещения первой политической партии японского пролетариата — сякай минсю то. Запрещение это носило тем более одиозный характер, что еще в недавнем прошлом дзюто провозглашала в своей программе идеи свободы, равенства и братства, т. е. требования осуществления в стране буржуазно-демократических свобод, аналогичных многим из тех, что были выдвинуты в программе первой социал-демократической партии Японии.

Таким образом, к началу XX в. японский капитализм вступал в империалистическую стадию развития в обстановке прочного союза монархии и политических партий, выражавшего интересы двух эксплуататорских классов — буржуазии и помещиков.

В этом отразилось стремление буржуазии и помещиков упрочить свое положение внутри страны и подготовить тыл для предстоящих военных авантур на материке.

Рост агрессивности во внешней политике

Борьба за передел уже поделенного мира составляет одну из основных черт, характеризующих монополистическую стадию капитализма. И в эту борьбу за военный, империалистический раздел мира на рубеже XIX—XX вв. активно включилась Япония. Еще не полностью

освободившись к этому времени от иностранной зависимости, Япония встала на путь угнетения и порабощения других народов и в первую очередь народов Кореи и Китая. В 1900 г. в рядах международной империалистической реакции она выступила одним из основных и наиболее жестоких душителей антиимпериалистического народного восстания в Китае; в 1902 г. стала участницей империалистического англо-японского союза, ставившего своей целью осуществление агрессивных замыслов правящих кругов Англии и Японии и явившегося важнейшим этапом в подготовке русско-японской войны 1904—1905 гг.

Внешняя политика Японии рассматриваемого периода была уже достаточно полно и глубоко освещена в работах известных советских востоковедов⁹³, поэтому в данном разделе будут кратко затронуты лишь те вопросы, которые, на наш взгляд, наиболее ярко отражают нарастание империалистических тенденций во внешней политике страны.

О своих по существу империалистических требованиях к Китаю правящие классы Японии заявили еще в Симоносекском договоре, добившись у Китая права заниматься промышленной деятельностью во всех открытых для иностранной торговли китайских портах и ввозить для этой цели в страну промышленное оборудование и т. п.⁹⁴ Обеспечив себе таким образом право на вывоз капитала, Япония в то же время из-за своей общей финансово-экономической слабости и отсталости не смогла воспользоваться этим правом в полной мере. Наибольшие выгоды от этого получили крупные промышленные империалистические державы.

Грабительская инициатива Японии ускорила раздел Китая, «посильное» участие в котором приняла и сама Япония. 26 апреля 1898 г. Китай признал за Японией

---

⁹³ В. Аварин, *Империализм в Маньчжурии*, М.—Л., 1934; А. Гальперин, *Англо-японский союз. 1902—1921 годы*, М., 1947; Б. А. Романов, *Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907*, М.—Л., 1947; Б. А. Романов, *Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907*, Изд. 2, исправленное и дополненное, М.—Л., 1955 и «Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)», под ред. Е. М. Жукова, М., 1951.

⁹⁴ [Э. Д. Гримм], «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)», М., 1927, стр. 96—97.

особую заинтересованность в провинции Фуцзянь, обязуясь не отдавать ее в аренду ни одному из государств. Однако захватнические планы японской буржуазии и помещиков шли уже дальше. Они с завистью и нетерпением наблюдали за «успехами» в Китае более крупных империалистических хищников. Уже в то время в правящих кругах страны начинают вынашиваться планы использования выгодного географического положения Японии как дополнительного средства, которое можно было бы противопоставить экономической мощи крупных империалистических держав в борьбе за упрочение своих позиций в Китае. Японский посол в Лондоне Като Такааки, зять основателя концерна Мицубиси, выступавший активным сторонником проникновения и закрепления японского капитала в китайской промышленности, торговле, железнодорожном строительстве, в связи с разделом Китая империалистическими державами в одном из своих посланий в министерство иностранных дел Японии в 1898 г. писал: «Имперское правительство, располагая несравненными позициями на Востоке, ни в коем случае не должно упустить представившийся случай!»⁹⁵. Като настаивал на использовании этих «несравненных позиций» уже в ходе так называемой битвы держав за концессии в Китае. Возвращаясь в том же году из Лондона в Японию, Като специально посещает Корею и Китай. В 1900 г. он становится министром иностранных дел.

Народное антиимпериалистическое восстание в Китае явилось для правящих кругов Японии удобным поводом, чтобы воспользоваться географической близостью к Китаю для осуществления своих агрессивных замыслов. Правительство Ямагата, находившееся в это время у власти, вызвалось взять исключительно на себя «заботы» по ликвидации народного восстания в Китае. Его желания, как справедливо отмечают японские историки⁹⁶, сводились к получению права «одностороннего ввода войск» и «свободы действий» в Китае. Эти намерения правящих кругов Японии не встретили поддержки других империалистических держав, главным образом Германии и России, опасавшихся чрезмерного уси-

---

⁹⁵ См. Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 227.

⁹⁶ «История Японии», т. 5, стр. 256 (яп.).

ления в связи с этим позиций Японии в Китае. Тем не менее именно японские войска составляли главную силу карательного экспедиционного корпуса империалистических держав, насчитывая 12 тыс. человек. Под разными предлогами количество японских солдат в Китае в то время было доведено до еще более значительной цифры.

Участие Японии на равных началах с великими державами в подавлении народного недовольства в Китае дало ей возможность продемонстрировать возросшую мощь и организованность японского военного кулака и заслужить в этом отношении «признание» других империалистических хищников.

Вместе с тем это еще более упрочило позиции военщины в стране, дав, в частности, возможность удержаться у власти реакционному правительству генерала Кацура, развязавшему русско-японскую войну. Правительство Кацура столкнулось с серьезными финансовыми затруднениями при составлении бюджета. Для покрытия растущих военных расходов не хватало 40 млн. иен. Попытки через японского посланника в Нью-Йорке получить заем в 56 млн. иен у Моргана и Рокфеллера оказались безрезультатными (в связи с происходившей в то время забастовкой рабочих металлургической промышленности). Правительство Кацура было накануне отставки. Однако к этому времени за кровавые злодеяния японской солдатни в Китае японское правительство получило в соответствии с «Заключительным протоколом между Китаем и иностранными державами» (сентябрь 1901 г.) контрибуцию в размере 47,5 млн. иен. Получив из этой суммы 40 млн. иен для покрытия военных расходов по бюджету, правительство Кацура, за которым стоял лидер японской военщины маршал Ямагата, сумело сохранить власть в своих руках.

Однако наряду с «признанием» ее возросшей вооруженной мощи Япония получила и еще один урок. Воспользовавшись известным замешательством, возникшим в первое время в кругах империалистических держав в связи с нарастанием угрозы со стороны восставших, правящие круги Японии решили тем временем установить фактически свой контроль над Сямынем (Амоем). По приказу маршала Кодама там высадилась с Тайваня одна японская дивизия. Однако действия Японии не ускользнули от «бдительного» внимания других импе-

риалистических хищников, выступивших по этому поводу с резким протестом. Протест против попытки Японии установить свой контроль над Сямынем выразила и Англия, несмотря на свое заигрывание с Японией после японо-китайской войны, как с силой, которую можно было бы противопоставить растущему влиянию на Дальнем Востоке царской России. Японским войскам пришлось ретироваться из Сямыня. Как и в 1895 г., японские правящие круги еще раз могли убедиться, что без поддержки одной из крупных империалистических держав им не удастся сколько-нибудь продвинуться на пути осуществления своих захватнических планов в Корее и Китае. Это становилось для них тем более очевидным, что все отчетливее выявлялась перспектива столкновения с русским царизмом, вынашивавшим подобные же агрессивные замыслы в отношении этих стран.

Урок, полученный Японией в Сямыне, заставил ее форсировать свои поиски союзника среди великих держав. Наиболее реальной кандидатурой в этом отношении оказалась Англия, в правящих кругах которой в эти годы все более укреплялось мнение, что именно Япония может быть ее наиболее вероятным и надежным союзником в борьбе с русским царизмом на Дальнем Востоке. Официальные переговоры о союзе Японии и Англии были начаты в марте — апреле 1901 г. кабинетом Ито. Министром иностранных дел Японии был в то время Като Такааки, выступавший активным сторонником англо-японского сближения и сыгравший важнейшую роль в заключении англо-японского союза. Договор о союзе с Англией был подписан 30 января 1902 г. уже кабинетом Кацура, одной из важнейших задач которого, как было провозглашено при его создании, являлось достижение соглашения с какой-либо из великих держав, поскольку «одной Японии трудно справиться с обстановкой, сложившейся на Дальнем Востоке»⁹⁷.

Англо-японское сближение, завершившееся в начале столетия подписанием военного союза, происходило на фоне общего обострения международной обстановки. Важнейшим проявлением его было растущее соперничество между Англией и Германией. Этим объяснялось

---

⁹⁷ Цит. по кн.: Иноуэ Киёси, *Японский милитаризм*, т. II, стр. 230 (яп.).

стремление правящих кругов Англии (равно как и Германии) либо привлечь Россию в назревающем военном конфликте на свою сторону, либо ослабить ее как возможного военного противника, втянув в войну с Японией на Дальнем Востоке. К этому присоединились правящие круги США, стремившиеся подорвать позиции русского царизма в Маньчжурии, к которой американский капитал проявлял все больший интерес. Отсюда шло поощрение растущих империалистических притязаний Японии, подстрекательство ее к войне с Россией со стороны Англии и США и подталкивание России к войне с Японией со стороны кайзеровской Германии.

Договор с Англией был не чем иным, как империалистическим союзом двух держав, преследующих агрессивные, захватнические цели⁹⁸. В договоре признавались «особые интересы» Англии в Китае, Японии — в Китае и Корее. Одновременно допускалась военная интервенция в эти страны каждого из союзников в случае угрозы их интересам извне, а также вмешательство во внутренние дела этих стран под предлогом ликвидации возможных «беспорядков» (ст. 1). Статья 2-я англо-японского союза предусматривала нейтралитет одной из договаривающихся сторон в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. Статья 3-я устанавливала, что в случае вступления в войну, направленную против одного из союзников, двух или нескольких держав, другой союзник окажет ему помощь⁹⁹.

Тот факт, что в англо-японском союзе, помимо особой заинтересованности Японии «в политическом, равно как и в торговом и в промышленном отношениях»¹⁰⁰ в Корее, признавались также и ее «специальные интересы» в Китае, свидетельствовал о намерении Англии заставить Японию воевать с Россией не только из-за Кореи, но и из-за Маньчжурии. Это было документальным подтверждением роста империалистических притязаний Японии, лишним доказательством того, что

---

⁹⁸ Подробнее см. А. Гальперин, *Англо-японский союз. 1902—1921 годы*.

⁹⁹ Текст договора см. в кн.: [Э. Д. Гримм], «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока (1785—1905)», СПб., стр. 527—530.

¹⁰⁰ Там же.

вопрос о так называемом маньчжуро-корейском обмене¹⁰¹ стал уже вчерашним днем для японского империализма, что Корея не была уже пределом его агрессивных замыслов.

В сложившейся к этому времени обстановке на Дальнем Востоке было очевидно, что англо-японский союз, свидетельствуя об империалистических притязаниях Англии и Японии в Китае и Корее, был направлен своим острием против подобных же притязаний в отношении этих стран со стороны царской России. Англо-японский союзный договор 1902 г. явился важнейшим этапом в подготовке русско-японской войны 1904—1905 гг., империалистический характер которой как с точки зрения внутренних причин, ее обусловивших, так и с точки зрения международной обстановки был бесспорен.

Таким образом, подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что в конце XIX — начале XX в. и во внутренней и во внешней политике Японии наблюдается усиление реакционных, агрессивных тенденций. В эти годы происходит заметная консолидация сил внутри правящего лагеря, сопровождаемая фактическим отмиранием буржуазного либерализма. Господствующие классы, выступая единым фронтом, не только отказывают трудящимся в самых элементарных правах, но и не останавливаются перед тем, чтобы объявить преступлением против «мира и общественного порядка» любую их попытку добиться улучшения своего крайне тяжелого положения. Курс на подавление малейшего народного недовольства во внутренней политике переплетается в эти годы с переходом к откровенно агрессивным действиям во внешней. Это отчетливо выявилося и в кровавой расправе японских войск с китайскими повстанцами, и в заключении империалистического по своему характеру союза с Англией, и в последовавшей активной подготовке к войне с Россией.

---

¹⁰¹ Под «маньчжуро-корейским обменом» подразумевалось компромиссное решение русско-японских империалистических противоречий на базе «Корея — Япония, Маньчжурия — Россия». Сторонниками такого рода «компромисса» выступали в Японии генро Ито Хиробуми и Иноуэ Каору. Они считали, что на данном этапе Японии еще не по силам тягаться с Россией из-за Маньчжурии и что пока следует ограничиться Кореей, а уже далее, прочно обосновавшись на континенте, начать войну за захват Маньчжурии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в работе экономические и политические данные, характеризующие положение Японии на рубеже XIX—XX вв., позволяют сделать вывод, что развитие японского капитализма в рассматриваемый период шло по монополистическому пути. В первые годы XX в., уже до начала русско-японской войны 1904—1905 гг., японский капитализм, несмотря на свою молодость, отсталость и слабость, приобретает все те черты монополистического капитализма, которые были присущи и другим империалистическим странам. Общее отставание Японии в промышленном развитии определило то, что некоторые из этих черт были выражены менее ярко, менее отчетливо.

Незавершенный, половинчатый характер буржуазной революции 1868 г. в Японии обусловил известную специфику исторических условий, в которых проходило развитие японского капитализма. Поэтому и на империалистическом этапе ему были присущи характерные черты. В отличие от классического империализма новейшего типа японский империализм представлял собой такую социально-экономическую систему, при которой черты развитой капиталистической экономики (монополистический капитал) переплетались с отсталыми формами полуфеодальных отношений как в экономике, так и в политике и в социальной жизни страны. В связи с этим определенными отличиями характеризовалась и классовая структура японского империализма.

Если в странах классического империализма новейшего типа господство почти исключительно принадлежало финансовому капиталу, то в Японии у власти на-

ходилась блок двух классов — крупные помещики в союзе с верхушкой буржуазии. Рубеж XIX—XX вв. ознаменовался огромным усилением влияния в политической жизни страны японской буржуазии вообще и крупной монополистической буржуазии в особенности. Формой выражения диктатуры двух эксплуататорских классов была внешне конституционная, а по существу абсолютистская монархия, создавшая громадный бюрократический аппарат управления и пользовавшаяся известной самостоятельностью. В годы после японо-китайской войны (1894—1895) принимаются лихорадочные меры к укреплению и расширению позиций военщины и повышению ее роли при решении важнейших государственных проблем. Парламент не пользовался сколько-нибудь значительным влиянием в определении государственной политики и являлся по существу не более как маскировкой императорского абсолютизма.

Известная специфика исторических условий, а также то, что Япония вышла на международную арену, когда мир был уже поделен и внешние рынки захвачены другими империалистическими державами, обусловили особую хищность и агрессивность японского империализма. Агрессивность, свойственная монополистическому капитализму вообще и японскому в особенности, еще более усиливалась военным авантюризмом японских помещичьих кругов, которые играли большую роль в правящем блоке страны и для которых политика военных приключений была средством выслужиться и продвинуться по служебной лестнице. Тесные связи японской буржуазии с помещичьим землевладением, двусторонний процесс переплетения и сращивания экономических интересов буржуазии и помещиков обуславливали единство всего правящего лагеря в проведении крайне реакционной внутренней и агрессивной внешней политики. Эта общность интересов всего правящего помещичье-буржуазного блока во внутренней и внешней политике, реакционность и агрессивность которой с конца XIX в. начали возрастать особенно стремительно, определила особое внимание к созданию мощной военной машины, способной держать в повиновении свой собственный народ и захватывать и грабить народы соседних стран. Отсюда шло создание сильной армии, флота, отраслей военной промышленности, обслуживающих их, т. е. то-

го, что практически обеспечивало монополию военной силы, о которой говорил в свое время Владимир Ильич Ленин.

Милитаризм выдвигается на передний план как оружие в борьбе за осуществление указанных задач господствующих классов.

Сосредоточение руководства армией и флотом в руках небольшой группы военщины, вышедшей в основном из помещичьей среды, усиливало авантюризм и агрессивность правящего лагеря Японии в целом. Непосредственная (географическая) близость к Японии ряда колониальных и зависимых тогда стран, более слабых в экономическом отношении (Корея, Китай), давала империалистической Японии, стране более сильной, располагающей превосходящей военной мощью, возможность выступить против этих стран, т. е. прогнуть монополию военной силы.

Однако при всем своеобразии и специфике исторические ступени, которые, как указывал В. И. Ленин, ведут к образованию финансового капитала — концентрация производства и капитала, вырастающие на этой основе монополии, слияние или сращивание банков с промышленностью — были пройдены и Японией, ставшей в конце 90-х годов XIX в. на путь империалистического развития.

Определенная общность путей развития русского и японского капитализма, в частности сохранение значительных феодальных пережитков в экономике и политике страны, сочетание методов капиталистической и полуфеодальной эксплуатации народных масс, а также авантюристическая внешняя политика, проводимая в интересах не только буржуазии, но и помещиков, дали основание применить термин «военно-феодальный империализм» (в отличие от классического империализма новейшего типа), которым В. И. Ленин характеризовал русский империализм, и к японскому. Военно-феодальный характер составлял лишь особенность японского (как и русского) империализма, не меняя саму природу его, и означал лишь оплетение монополистического капитала особенно густой сетью феодальных пережитков.

Вместе с тем Япония, в отличие от царской России, страны, наиболее отсталой в экономическом отношении,

принадлежала, как указывал В. И. Ленин¹, к числу молодых, необыкновенно быстро прогрессирующих капиталистических стран, что, в частности, и явилось одной из важнейших причин ее победы в войне с Россией в 1904—1905 гг.

---

¹ В. И. Ленин писал: «Как ни сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница юстается немалая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессировавшие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, страну, наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» (В. И. Ленин, *Империализм, как высшая стадия капитализма*, — Сочинения, т. 22, изд. 4, стр. 246).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абэ Сэн** 60
Амэмия Кэйдзиро 45, 79, 108, 116, 171
Асабуки Хидэдзи 53
Асано 44, 45, 57
Асано Соитиро 57, 60, 179
Асо 32, 33

Блан, Луи 140

Вада 163
Вада Тоёдзи 53
Вакао Икидзо 108
Вакао Иппэй 45, 58, 79
Ватанабэ Кунитакэ 29, 96, 150

Гонда 163
Гото Сёдзиро 31, 34, 60, 62, 63, 84, 86, 88, 89, 92, 96, 102, 104, 105, 151, 153
Гото Симпэй 63

Ёкояма Гэнносукэ 112, 132

Иба Саданори 44
Ивасаки, семейство 34, 61, 62, 63, 83, 84, 86, 87, 88, 89, 92, 104, 151, 152, 172
Ивасаки Яносукэ 57, 62, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 104, 108, 150, 151, 152, 153, 158, 164, 165, 166
Ивасаки Ятаро 60, 62, 88, 89, 91, 152
Икэда Сэйхин 53, 54
Иноуэ Каору 31, 53, 61, 62, 84, 85, 91, 95, 96, 99, 100, 102, 151, 155, 157, 161, 162, 165, 169, 170, 171, 192

Инукай Каору 92
Иноуэ Киёси 103, 119
Инукай Ки 154
Исикава Есихиро 85
Итагаки Тайскэ 92, 97, 104, 105, 149, 150, 151, 152, 155, 157, 158, 172
Ито Миёдзи 149, 170
Ито Хиробуми 29, 31, 39, 62, 84, 86, 87, 91, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 107, 116, 125, 126, 148, 149, 150, 151, 152, 155, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 175, 186, 190, 192

Кавада Коитиро 91, 92
Кавасаки 51, 60
Кавасаки Хатиразмон 90
Кадзиниси Мицухая 9, 10
Каисима 32, 33
Камисака Сэйтaro 79
Канаи Эн 178, 180
Канэко Кэнтaro 29, 97, 165, 169, 171
Касима 51
Катакура 20, 79, 116, 118, 132
Катаяма Сэн 130, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 178, 179, 180, 182, 184
Като Такааки 35, 86, 89, 97, 188, 190
Като Тосихико 9, 10, 50
Като Токидзиро 30
Кацура Таро 96, 97, 99, 107, 157, 159, 174, 175, 178, 189, 190
Кларк 22

Когуты 132
Кодама 189
Комакура 116
Кондо Рэмпэй 108
Коноикэ Дзэнъямон 51, 52, 90,
108
Коно Хиронака 149, 159, 173
Коноэ Ацумаро 39
Котоку Дэндзиро 135, 139, 142,
172
Кувада Кумадзо 178
Куроода 31, 159
Кухара Исамуси 90
Кухара Сёдзабуро 60

Лассаль, Ф. 140
Ленин, В. И. 5, 6, 7, 8, 11, 18,
21, 46, 47, 64, 74, 76, 80, 81,
82, 99, 126, 175, 195, 196

Маркс, К. 127, 140
Масуда Нобуё 86
Масуда Такаси 52, 53, 54, 85,
86, 108, 111, 162
Мацуката Масаёси 17, 31, 46,
89, 90, 96, 97, 100, 102, 107,
109, 125, 148, 151, 152, 153,
154, 155, 156
Мацумото Сигэтаро 51, 58
Мицуи, семейство 20, 25, 31, 32,
43, 60, 61, 78, 83, 84, 85, 86,
87, 91, 93, 102, 104, 118, 120,
151, 164, 171, 172
Мицуи Такаясу 93
Мицуи Хатираэмон 90, 108
Морган 189
Морзе 69
Мори 32, 33
Муцу Мунэмицу 94, 96, 151,
185

Накамигава Хикодзиро 34, 48,
52, 53, 54, 55, 56, 57, 80, 91,
98, 99, 100
Накасима 94
Ниси 97
Нисимура Тодзо 60
Норо Эйтаро 74
Нэдзу Кантиро 45

Одзаки Сабуро 108, 111
Одзаки Юкио 154, 172
Оиси Масами 154

Окадзаки Кунисукэ 94, 171
Окума Сигэнобу 43, 86, 92, 96,
97, 104, 105, 151, 152, 153,
154, 155, 157, 158, 165, 167,
172
Окура Кихатио 44, 69, 90, 91,
111, 121, 125, 163
Оно Кинроку 45
Осима Киёси 9
Отани 90
Оути Цутому 9
Охара 116
Оцука Тоёдзи 36
Ояма 157

Прудон 140

Рассел, О. Д. 40, 87, 99
Ремер, К. 70, 71
Рокфеллер 37, 189

Сайго Цугимити 92, 96, 97, 100,
101, 159
Сайондзи Кимимоти 30, 35—36,
84, 93, 94, 96, 169, 171, 175
Сайондзи, семейство 30, 93, 102
Сакамото 62
Сакума Садаити 178
Саномура Рисаэмон 90
Саномура Рискэ 90
Саса 163
Сатакэ Дзиро 45
Сатакэ Сакутаро 45
Сёда 48
Сибудзава Эйити 25, 38, 41, 44,
48, 58, 63, 66, 69, 75, 90, 91,
95, 106, 108, 111, 163, 164,
165, 166, 185
Симада Сабуро 39, 139, 179
Синакава Ядзиро 43, 62, 84
Синобу Сэйсабуро 83
Сирасэ Сигэки 60
Сираянаги Сюко (Такэси) 30,
86, 98, 104, 117, 124
Сумитомо Китиэмон 90, 108
Сумитомо Китиэмон Томонто
54, 93
Сумитомо Китиэмон Томотада
93
Сумитомо Китиэмон Томотийка
см. Сумитомо Китиэмон
Сумитомо, семейство 63, 78, 84,
93, 103

Суэмацу 97
Сен-Симон 140

Тагути Укити 109, 110, 121, 133,
136

Такасима Томоноскэ 92, 96,
100, 152

Такатори 32

Такахаси Кэндзо 154

Такахаси Макото 11

Танака 116

Танака Сёдзо 182

Танака Тёбэй 60

Тани Татэки 109, 110

Тогаи Есио 91

Токугава, сёгуны 117, 134

Токудайдзи Дзинкэй см. Сай-
ондзи Кимимоти

Токудайдзи Киминито 93

Токудайдзи Санэнори 93

Токудайдзи, семейство 93, 102

Токудайдзи Такамаро см. Су-
митомо Китиэмон Томоито

Тоябэ Сюнтэй 39

Умагоси Суэхиро 163, 164, 165

Фудзита 27, 36, 44, 51, 95

Фудзита Дэндзабуро 108, 111

Фурукава 27, 28, 32, 36, 44,
45, 78, 94, 95, 96, 105, 171,
185

Фурукава Дзюнкити 94

Фуракава Итибэй 60

Фукудзава Юкити 52, 53, 54,
165

Хара Кэй 29, 35, 94, 95, 97,
105, 171

Хаякава Сэнкитиро 100

Хаяси 132

Хаяси Юдзо 29, 62, 92

Хиросэ 44, 54

Хоси Тору 105, 171

Цуда Кодзи 53

Цурухара Дзёкити 86, 171, 172

Ямагата Аритомо 69, 84, 85, 86,
91, 96, 97, 100, 101, 107, 108,
112, 148, 157, 159, 161, 162,
163, 167, 168, 169, 173, 174,
175, 186, 188, 189

Ямамото Тацуо 91, 108

Ясуда 27, 44, 45, 50, 52, 57,
58, 63, 69, 105, 171

Ясуда Дзэндзиро 90

Ясукава 31, 32, 33

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абурато** 60
Азия 8
Аити, город 61
Аити, угольные копи 32
Америка 8, 54, 136, 137, 196
Англия 48, 65, 75, 187, 190, 191, 192, 196
Ани 45, 60
Аомори 135, 136
Асио 45

Бангкок 71
Бэсси 43

Вакамацу 44

Германия 65, 188, 190, 191, 196

Дае 66, 67, 70, 71
Дайкацу 60
Дальний Восток 40, 190, 191, 192
Далянвань 70
Дзёбан 30

Европа 8, 99, 110

Ёкосука 28, 138

Ибараки 30
Икуно 60
Иннай 60
Инчхон (Чемульпо) 66, 68, 69
Иокогама 50, 78, 138, 180
Иокосука 138
Италия 65

Кавасаки 16, 46
Каманси 60
Камиямада 32
Канагава 182
Кансай 47, 56
Канто 47, 56, 112, 134
Киёсу 45
Киото 44, 50, 51, 78, 98
Китай 16, 17, 35, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 75, 80, 81, 167, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 195
Кобэ 24, 44, 50, 78, 136, 180
Кодзака 60
Корея 44, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 118, 187, 188, 190, 191, 192, 195
Курэ 28, 73
Кусакура 45
Кюсю 30, 31, 32, 33, 34, 35, 41, 47, 112

Лондон 53, 188

Майдзур 73
Маньчжурия 11, 191, 192 см. также Северо-Восточный Китай
Минкэ 31, 32, 35, 60, 62
Монголия 11
Мэгуро 73

Нагано 132, 182
Нагасаки, город 15, 16, 60, 62, 88, 91, 110, 167
Нагасаки, префектура 32
Нагоя, город 16, 50, 51, 116, 169, 180

Накабэ 47
Намадзуда 32
Нара 183
Ниигата 60
Нью-Йорк 189
Нючжуан 70

Одавара 86
Окаяма 116
Оми 45
Оминато 73
Осака 16, 24, 28, 44, 47, 50, 62,
73, 78, 86, 88, 110, 130, 180

Пусан 44, 68, 69
Пруссия 127

Россия 8, 10, 18, 65, 75, 81,
174, 179, 188, 190, 191, 192,
195, 196

Сага 32
Садо 60
Сасэбо 28
Сацума 101, 147, 155, 157
Сацума, бывший феодальный
клан 31, 35, 45, 78, 83, 89,
92, 93, 100, 101, 102, 147, 155,
157, 158, 175
Северо-Восточный Китай 66,
67, 70 см. также Маньчжу-
рия
Сеул 68, 69
Сиам (ныне Таиланд) 71
Сидзуока 110
Сикоку 112
Симанэ 133
Симбаси 86, 136
Синсю 116
Синню 32
США 75, 191
Сямынь (Амой) 70, 189, 190

Тагава 31, 32
Тайвань 17, 35, 63, 67, 70, 118,
189

Такасима 31, 32, 60, 62, 89
Тёсю 101, 147, 151, 155, 157
Тёсю, бывший феодальный
клан 31, 83, 84, 85, 86, 87,
97, 98, 100, 102, 147, 151, 155,
157, 158, 171, 175

Тикухо 33
Токайдо 112
Токио 28, 40, 50, 73, 106, 110,
122, 128, 129, 130, 135, 136,
180

Тоса, бывший феодальный
клан (или — провинция, кня-
жество) 62, 83, 88, 100, 152

Тотиги 182
Тохоку 134
Тюгоку 112, 134
Тяньцзинь 70

Урага 16

Франция 65, 196
Фукуока, город 16, 31, 61, 169
Фукуока, префектура 31, 32
Фуцзянь 66, 70, 188

Ханган 68
Хёго, город 40, 56, 60
Хёго, префектура 183
Хиросима, город 28, 40, 44, 61,
169
Хиросима, префектура 40, 44,
61

Хиросима, рудники 28
Хоккайдо 30, 34, 35, 41, 78
Хороути 60

Цзянси 66

Шанхай 65
Шэньян 67

Явата 15, 66, 67, 76
Ямагути 30, 169
Яманаси 182
Яmano 31, 32

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение	3
Глава I. Начало перерастания японского капитализма в им- периализм	13
Глава II. Политические позиции крупной японской буржуа- зии	82
Глава III. Усиление реакционных тенденций во внутренней и внешней политике	126
Заключение	193
Именной указатель	197
Географический указатель	200

Бедняк Инесса Яковлевна
ЯПОНИЯ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К ИМПЕРИАЛИЗМУ

(Становление японского
монополистического капитализма
на рубеже XIX—XX вв.)

*Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Т. А. Мельникова*
Художник *С. А. Раппопорт*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Л. М. Манелли* и *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор
Подписано к печати 31/I 1962 г.
А03129. Формат 84×108^{1/32}
Печ. л. 6, 75. 5
Уч.-изд. л. 11,58. Тираж 1750 экз. Зак. 1556.
Цена 70 коп.

Издательство восточной литературы,
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы,
Москва, И-43, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
127 145 162—163 163 174	16 св. 10 св. 1 см. — 1 св. 3 св. 12 св.	происходил кружков, а также Такаса, на местах) 1901—1913 гг.	происходившей кружков — Такаси), на местах 1901—1903 гг.

Цена 70 коп.